

Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
_____/И.В. Евсеева /
« ____ » _____ 2016 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
**ВНУТРИРОССИЙСКИЕ ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ: ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ)**

45.04.01 Филология

45.04.01.01 Русский язык

Магистрант	_____	О. В. Финогенко
Руководитель диссертации	_____	д. филол. н., проф. А. П. Сковородников
Нормоконтролер	_____	А. С. Белозор

Красноярск 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ЕЁ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА	10
1.1. Современная философия информационно-психологической войны ...	10
1.2. Определение понятия информационно-психологической войны	17
1.3. Лингвистическая проблематика информационно-психологической войны.....	25
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	33
ГЛАВА 2. СУБЪЕКТЫ, АКТОРЫ И ИХ ИНТЕНЦИИ, ОБЪЕКТЫ И МИШЕНИ ВНУТРИРОССИЙСКИХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЙН	37
2.1. Субъекты и акторы информационно-психологических войн	37
2.2. Объекты и мишени информационно-психологических войн	43
2.3. Интенции, стратегии и тактики акторов внутрироссийских информационно-психологических войн	46
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	57
ГЛАВА 3. ЯЗЫК ВНУТРИРОССИЙСКИХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЙН В ИХ ЖАНРОВОЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ	59
3.1. Жанровая представленность внутрироссийских информационно-психологических войн	59
3.2. Аксиология информационно-психологических войн	74
3.3. Языковые маркеры аксиологических интенций, реализуемых в текстах внутрироссийских информационно-психологических войн	83
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	91
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	94
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	98
ПРИЛОЖЕНИЯ	123

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в языкознании возрос интерес к проблемам информационно-психологических войн. Этому вопросу посвящено значительное количество теоретических работ [Беляев, 2014; Брусницын, 2001; Бухарин, Цыганов, 2007; Васильев, 2013; Завадский, 1996; Кара-Мурза С.Г., 2002, 2015; Карапетян, Тагильцева, 2013; Медведко, 2003; Панарин, 2010; Почепцов, 2000; Расторгуев, 2003; Ткаченко, 2011]. Сегодня проблемы информационной войны подвергаются рассмотрению с *историко-политической стороны* [Беляев, 2014; Волковский, 2003; Губарев, 2005; Дугин, 2004; Зобнин, 2007; Карпова А.Ю., 2014; Кучумов, 2007; Наумов, 2014; Ненашев, 2010; Панарин, 2010; Паршев, 1999; Титаренко, 2013; Филимонов, 2013; Чудинов, 2012], *философской* [Дугин, 2004; Расторгуев, 2003; Снесарев, 2003; Соколова, 2007; Солоневич, 2010; Трубецкой, 1921], *социологической* [Цыганков, 2007; Турен, 1994; Touraine, 1984], *военно-стратегической* [Александров, 2014; Богданов, 2013; Болгов, 2011; Власова, 2014], *научно-технической* [Бронников, 2014; Левкин, Галкова, 2014; Малишевский, 2003; Полудина, 2011; Цыганов, 2007] и *психологической* [Почепцов, 2000, 2014; Тагильцева, 2013, 2014]. Изучая ИПВ, приходится обращаться к философским и политическим исследованиям, к истории государств, к работам по психологии и психолингвистике. Сложность и многоаспектность данной темы обусловили потребность её рассмотрения в междисциплинарном плане. Подробнее об этом будет сказано в первой главе «Основные понятия теории информационно-психологической войны и её лингвистическая проблематика» (далее в тексте будем для краткости употреблять вместо «информационно-психологическая война» аббревиатуру «ИПВ» – О.Ф.).

Исходя из общего анализа современных работ, посвящённых ИПВ, можно сделать вывод о том, что её лингвистический аспект раскрыт далеко не полно. Выявленные нами публикации (Беляев, 2014; Васильев, 2013;

Волковский, 2003; Карапетян, Тагильцева, 2013; Паршина, 2005; Почепцов, 2014; Синельникова, 2014; Тагильцева, 2013, 2014; Чудинов, 2014; Шейгал, 2000) затрагивают такие вопросы, как идеологический фундамент информационной войны, дискурсивные практики внедрения неподтвержденной информации в массмедийный политический дискурс, информационная агрессия как компонент ИПВ, семантико-грамматические средства создания идеологичности политического дискурса, изображение ИПВ в художественных текстах. Между тем, круг вопросов лингвистического аспекта информационно-психологической войны широк и требует серьёзных исследований.

Актуальность темы настоящего исследования – «Внутрироссийские информационно-психологические войны: языковой аспект (на материале российской прессы)» – обусловлена её отношением к антропологической и, в более узком смысле, к коммуникативной парадигмам современной лингвистики, к феномену ценностной картины мира человека. Потребность в новых теоретических и эмпирических данных в области лингвоаксиологии подтверждается неослабевающим интересом к проблемам человеческих ценностей со стороны представителей разных лингвистических направлений. Лингвоаксиология, на наш взгляд, недостаточно разработана в сфере ИПВ. В решении аксиологических проблем принимает участие и такая молодая дисциплина как политическая лингвистика, которая возникла на основе достижений этнологии, психолингвистики, социолингвистики и других гуманитарных наук на стыке лингвистики с политологией. Разрабатывавшаяся до сих пор преимущественно в кибернетическом ключе теория информационно-психологических войн, требует дальнейшего всестороннего исследования и системного описания именно её лингвистического аспекта, что имело бы не только теоретическое, но и прикладное значение. Не вызывает сомнений потребность включения актуальных материалов по проблемам ИПВ в курсы политической и юридической лингвистики, коммуникативистики и речеведения.

Объект данного исследования – информационно-психологическая война между представителями разных идеологических и политических направлений в России.

Предмет исследования – языковой аспект внутрироссийских информационно-психологических войн в их жанровой и аксиологической представленности.

Гипотеза исследования состоит в следующем:

- ИПВ осуществляется в современной прессе во всех её основных жанрах;
- ИПВ обладает определенными речевыми стратегиями, тактиками и приёмами;
- выделяемые стратегии, тактики и приёмы выражают эксплицитно или имплицитно аксиологические интенции акторов ИПВ;
- интенции, стратегии, тактики и приёмы обладают определенными маркерами на разных уровнях языка;
- информационно-психологическую войну против России можно до известной степени нейтрализовать некоторым набором организационных и собственно речевых акций.

Цель настоящей работы – на основе анализа текстов российской прессы в их жанровой дифференциации выявить языковые маркеры аксиологических интенций акторов информационно-психологических войн.

Для достижения цели предполагается решение следующих **задач**:

- 1) изучить теорию информационной войны в её истории и на современном этапе;
- 2) дать определение значимым понятиям исследования;
- 3) выявить лингвистическую проблематику внутрироссийских информационно-психологических войн;
- 4) определить основные жанры российской прессы, в которых с наибольшей полнотой представлена информационно-психологическая война;
- 5) проанализировать языковые маркеры аксиологических интенций акторов информационных войн в текстах российской прессы.

Материалом исследования послужили тексты современной российской прессы, в том числе взятые из информационных Интернет-источников за 2005–2016 гг. Картотека единиц наблюдения насчитывает 318 текстов российских газет и журналов.

При обработке материала использовался **комплекс методов** исследования, среди которых – наблюдение, тематический анализ текста, лексико-семантический анализ, стилистический анализ, коммуникативно-прагматический анализ, риторический анализ, контент-анализ, контекстологический и лингвоаксиологический анализ интенций акторов ИПВ. На этапе сбора материала использовался метод сплошной и частичной выборки. Использовались также общенаучные методы анализа, синтеза и систематизации материала.

Новизна исследования состоит в том, что впервые в современной лингвистике предпринята попытка анализа внутрироссийской информационно-психологической войны с точки зрения лингвоаксиологии в аспекте языкового выражения интенций акторов ИПВ на материале текстовых информационных источников (журналы и газеты «Политическая лингвистика», «Власть», «Вопросы национализма», «Гуманитарный вектор», «Информационное противодействие угрозам терроризма», «Национальная безопасность и стратегическое планирование», «Политэкс», «Правовая культура», «Газета.ру», «Грани.ру», «Ежедневный журнал», «Аргументы и факты», «Завтра», «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Российская газета» за период 2005–2016 гг.). Выработана модель акта информационно-психологической войны, связанного с определенной аксиологической интенцией актора ИПВ. Проведен анализ ведущих и периферийных текстовых жанров российской прессы, имеющих определенные языковые маркеры аксиологических интенций акторов информационно-психологических войн: информационные жанры (заметка, репортаж, вопрос-ответ); художественно-публицистические жанры (очерк) и относящиеся к ним сатирические жанры (фельетон,

памфлет, анекдот); аналитические жанры (комментарий, корреспонденция, интервью, версия, журналистское расследование, статья). Выявлены, классифицированы и описаны языковые маркеры аксиологических интенций акторов ИПВ. Установлено, что языковые маркеры находятся в прямой зависимости от стратегий, тактик и приёмов акторов информационно-психологических войн. Предложены некоторые способы противостояния со стороны российского общества агрессивному информационно-психологическому воздействию СМИ в целях сохранения национального самосознания и культурной идентичности.

Теоретическая значимость исследования обусловлена проведением отсутствовавшего до сих пор системного описания языкового аспекта информационно-психологической войны в контексте современных общественно-политических событий. Полученные в ходе исследования результаты и выявленные закономерности вносят определенный вклад в решение общих вопросов теории информационной войны, теории речевого воздействия (в частности, речевых манипуляций), а также теории лингвоаксиологии.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в лекциях по курсам речеведческих дисциплин, а также в спецкурсах для подготовки филологов, журналистов, политологов, специалистов в области информационной войны, для повышения квалификации политических деятелей, в работе публицистов, в акциях противодействия информационной войне с Россией, а также в научно-исследовательском процессе.

Апробация работы. Результаты исследования излагались в следующих докладах и статьях:

- доклад «Проблематика информационных войн в текстах российских печатных СМИ» на ежегодном научно-методологическом семинаре «Методология научного исследования» 16.12.2014 (Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой коммуникации);

- доклад «Методы и методики политической лингвистики» на ежегодном научно-методологическом семинаре «Методология научного исследования» 15.04.2015 (Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой коммуникации);

- доклад «Объекты и мишени внутрироссийских информационно-психологических войн» на ежегодном научно-методологическом семинаре «Методология научного исследования» 11.11.2015 (Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой коммуникации);

- доклады на Международной научно-практической конференции молодых исследователей, посвященной Году литературы в России «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» 29–30 апреля 2015 г.: «Оценочные средства презентации российской власти в печатных СМИ (на материале газет «Российская», «Независимая газета» и «Новая газета») и «Современная философия информационной войны» (Диплом III степени);

- статья «Лингвистические аспекты информационных войн (на материале выпусков журнала "Политическая лингвистика" за 2014 г.) // Siberia_Lingua, 2015. № 2. С. 76–84;

- статья «Оценочные средства презентации российской власти в печатных СМИ (на материале "Российской газеты", "Независимой газеты" и "Новой газеты")» // Siberia_Lingua, 2015. № 1. С. 135–143.

- статья «О философии информационно-психологической войны (основные понятия и проблематика)» // Экология языка и коммуникативная практика, 2016. № 1. С. 165–189.

Структура работы. Диссертация имеет введение, три главы, заключение, список использованной литературы, приложения. Первая глава «Основные понятия теории информационно-психологической войны и её лингвистическая проблематика» посвящена вопросам философии информационной войны, истории вопроса информационно-психологических войн, определению понятия «информационно-психологическая война»,

краткому описанию её целей, задач, механизмов и средств, освещению проблем информационно-психологической войны в российской прессе, а также вопросам разработки противодействия информационно-психологической войне.

Во второй главе «Субъекты, акторы и их интенции, объекты и мишени внутрироссийских информационно-психологических войн» обозначены субъекты, акторы, объекты и мишени ИПВ, рассматриваются интенции субъектов и акторов ИПВ, их стратегии и тактики.

В третьей главе «Язык внутрироссийских информационно-психологических войн в их жанровой и аксиологической представленности» описывается жанровое рассредоточение текстов внутрироссийских ИПВ на основе практического материала, анализируются языковые маркеры аксиологических интенций акторов ИПВ, реализуемых в текстах внутрироссийской прессы.

В «Заключении» подводятся итоги исследования и намечаются пути дальнейшей исследовательской работы по данной теме.

Список использованной литературы содержит 267 наименований (в том числе 12 на иностранных языках, 17 словарей и 19 интернет-источников).

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ЕЁ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

1.1. Современная философия информационно-психологической войны

Философия – одна из форм общественного сознания, наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, форма духовной деятельности, направленная на постановку, анализ и решение коренных мировоззренческих вопросов [Толковый словарь..., 2011: 1050; Философский словарь..., 2009: 714–715].

С одной стороны, философия – единая основа для других наук разного характера. С другой стороны, специальные науки не располагают достаточной подготовленностью к восприятию философского обоснования. В результате между философией и специальными науками образуется некий разрыв, заполнить который, по справедливому замечанию А. Е. Снесарева, призваны такие дисциплины как философия права, истории, математики и тому подобные, включая философию войны. Тематика философии войны включает такие разделы, как военный гений, военная дисциплина, принуждение к войне, военное право и прочие. Философия войны, по мнению автора, представляет собой «научно переработанное <...> военное мирозерцание» [Снесарев, 2003: 102–103, 108–109].

По словам Карла Клаузевица, «война есть продолжение политики». Политика, в свою очередь, есть всякая продуманная целенаправленная деятельность, преследующая получение желаемых результатов и связанная со сбором ресурсов, подбором сторонников и преодолением возможного сопротивления противников, автономное системообразующее начало жизни человека и общества наряду с экономикой, идеологией, правом, моралью, наукой, культурой и религией. «Политика есть информационный процесс со

всеми присущими ей особенностями политической речи – риторикой, демагогией, штампами, искусством формулировок <...> с их явным и скрытым смыслом» [Философский словарь..., 2009: 513–514]. Философия войны – частный случай философии политики, которая, будучи продуманной целенаправленной деятельностью, встречает на своем пути преграды, наталкивается на определенное сопротивление. И это сопротивление приходится преодолевать. Таким образом, «война в широком понимании — это форма прямолинейного, грубого, насильственного преодоления сопротивления политическому проекту» [Дугин, 2004: 356].

В связи с тем, что мировое сообщество сегодня вышло на новый информационный уровень, появились качественно новые виды и способы информационной войны. Среди них – всевозможные виды речевого воздействия. Вслед за О. С. Иссерс, под речевым воздействием будем понимать любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, с позиций одного из коммуникантов [Иссерс, 2011]. В массовой коммуникации речевое воздействие рассматривается как форма социально ориентированного общения [Степанов, Болдырева, 2012: 182–187]. Манипуляция сознанием общественности является одним из средств речевого воздействия. Как отмечает С. Г. Кара-Мурза, манипуляция сознанием и поведением людей законными и поддающимися изучению средствами – это технология, проникающая в каждый дом, от которой человек в принципе не может укрыться. Однако инструменты и приемы манипуляции можно изучать и противостоять им [Кара-Мурза, 2015: 15].

Примером воздействия на сознание общественности является процесс внедрения некоторых ценностно значимых представлений и навязывания мифов. Например:

- Октябрьская революция 1917 года была ошибкой на пути человечества. Россиян все активнее пытаются убедить, что « всю свою историю СССР был экономически несостоятелен. Если бы не огромные

природные ресурсы, СССР бы попросту не состоялся, его бы не было» [Буровский, 2010].

- Советский народ всегда отличался «правовой дикостью». «Все советские Конституции носили формальный характер. История отвергла их за безжизненность и лицемерие» [Байниязов, 2007: 5]. Правовую жизнь в СССР старательно описывают в негативном свете, не жалея для этого черных красок: «В СССР <...> нормой стали полнейший идеологический и политический конформизм <...>, личная преданность вышестоящему руководителю, угодничество и подхалимаж, родственные связи, умение понравиться начальству, отсутствие собственных принципов, нравственной и политической позиции, знание негласных правил аппаратной игры» [Константинов, 2005: 74].

- Победоносная война СССР с фашизмом мало значима для человечества. Победа нашей страны замалчивается либо преподносится как нечто отрицательное. Из учебников, посвященных Великой Отечественной войне, все чаще исчезает упоминание об СССР как о победителе нацистской Германии.

- Поступки К. Маркса, В. Ленина, И. Сталина были античеловеческими по своей природе. «Православные ученые, опираясь на архивные данные, приходят к выводу, что в юности К. Маркс заключил символический договор с сатаной и посвятил свою жизнь борьбе против Христианства и Христианской цивилизации» [Немировский, 2007: 24]. Раз сатанистом был К. Маркс, следовательно, такими же сатанистами были все революционеры, включая В. И. Ленина и И. В. Сталина.

- Руководители советского и фашистского государств находятся в одном ряду. Типичным примером может служить рассуждение Л. И. Медведко: «Разница между ними заключалась лишь в том, что Гитлер провозглашал и проводил курс на «уничтожение всех евреев и славян», а Сталин – на ликвидацию всех классовых “врагов” вовне и внутри страны. При этом и тот, и другой цинично пренебрегали национальными интересами

как чужих, так и своих народов» [Медведко, 2003: 342]. Показательно также сравнение трудов В. И. Ленина с «Майн кампф» А. Гитлера [Грейг, 2009: 93–94; Ткаченко, 2011: 36–42].

Механизмы информационно-психологической войны описаны во многих исследовательских работах [Брусницын, 2001; Губарев, 2005; Кара-Мурза, 2015; Панарин, 2010; Паршев, 1999; Почепцов, 2015; Расторгуев, 2003; Цыганов, Бухарин, 2007]. О механизме информационного воздействия на жизнь стран и народов пишет Г. Г. Почепцов: «В сегодняшнем мире на наших глазах в результате новой роли информационной составляющей можно легко сбросить правительство во многих странах мира. Нет необходимости ни в военных действиях, ни в кровопролитии <...> механизм резонансной технологии, являющийся ключевым для информационной войны, позволяет за конкретную сумму и при наличии соответствующих специалистов сменить правительство любой малой или средней страны» [Почепцов, 2000: 41].

По итогам обзора специальной литературы, посвященной проблемам информационной войны и национальной безопасности России, выявляются следующие возможные способы противодействия информационно-психологическим войнам.

- П. Н. Кобец предлагает внедрение системы борьбы с информационными атаками на уровне государственной безопасности. В правовом аспекте – требуется унификация понятийного аппарата законодательства, четкое определение субъектов и объектов информационного противостояния, разграничение функций субъектов; обеспечение невозможности доступа для террористов к телекоммуникациям и сети Интернет. В финансовом аспекте – привлечение средств государственных и общественных фондов к осуществлению мер по ограничению и подрыву материально-финансово-ресурсной базы оппонентов в информационном противостоянии. В тактико-техническом аспекте – увеличение и систематизация информационных баз данных. В

информационно-аналитическом аспекте – усиление оперативно-разыскной деятельности; изучение, обобщение и прогнозирование деятельности, направленной против информационных атак; выявление и отслеживание новых форм информационной войны. В пропагандистском аспекте – разъяснение населению различными методами существующего положения дел с целью повышения устойчивости граждан к провокационной информации. В кадровом аспекте – увеличение количества специалистов: создание или обновление специальных образовательных программ для специалистов по обеспечению национальной безопасности, их обучение [Кобец, 2014: 5–6]. В лингвистическом аспекте, по нашему мнению, требуется разработка технологий и методов противодействия речевой агрессии и информационным атакам.

- Система противодействия терроризму в Российской Федерации, представленная Д. В. Шикуновым, вполне отвечает задачам противодействия информационным атакам на нашу страну. Так, согласно этой системе, Президент РФ определяет основные направления государственной политики в области информационных войн, принимает решение о создании и использовании специальных подразделений для борьбы с информационными атаками и провокациями. Федеральное собрание РФ формирует законодательную основу противодействия информационным войнам. Прокуратура РФ осуществляет контроль за законностью действий должностных лиц при осуществлении мероприятий по информационному противодействию. Федеральные органы исполнительной власти осуществляют деятельность по противодействию информационным атакам в пределах своей компетенции. Особая роль здесь принадлежит Федеральной службе безопасности РФ, Министерству внутренних дел РФ, Министерству РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [Шикунов, 2014: 190–192]. В плане защиты государственного русского языка, на наш взгляд, необходима разработка и внедрение специальной программы, охватывающей все ступени народного

образования, нацеленной на противостояние речевому воздействию с оппозиционной стороны. Это, прежде всего изменения в образовательных программах, нацеленные на овладение нормами русского литературного языка, на умение мыслить самостоятельно и грамотно излагать собственную точку зрения.

- О необходимости перестройки работы в разведывательном деле говорит М. Г. Власова. На рубеже XX–XXI веков произошли значительные изменения в системе разведки, вызванные сочетанием разных факторов: геополитическими изменениями, взрывным развитием информационных технологий, формированием нового общественно-политического контекста, а также конкурентным фактором. Последствием геополитических изменений становится фрагментация угроз: на смену угрозе глобального ядерного конфликта пришли угрозы государству со стороны этнических групп, борющихся за самоопределение, криминальных организаций, экстремистов различного толка. Развитие информационных технологий привело к увеличению объема коммуникаций, к увеличению количества систем защиты персональных данных (даже если они не противоречат законодательству), к увеличению потоков информации на иностранных языках, что затрудняет процесс дешифровки и перевода, к увеличению объемов информации из открытых источников. Социальные сети позволяют получать уникальную информацию об индивидах и их частной жизни, однако переработать такие объемы информации сложно. Вместе с формированием нового общественно-политического контекста формируется новая парадигма разведывательной деятельности: демократизация многих государств явилась причиной выхода разведки в сферу публичной политики, лишая её традиционной привилегии – быть не подотчетной общественному контролю. Наконец, разведка в современном мире – не единственная, а лишь одна из множества конкурирующих организаций, предлагающих информационные продукты: университеты, СМИ, частные информационные компании – все они являются конкурентами спецслужб в сфере аналитики [Власова, 2014: 17–21]. С нашей

стороны видится необходимость введения спецкурсов для студентов гуманитарных и, в частности, филологических специальностей по проблемам речевой агрессии, языкового насилия, манипуляции общественным сознанием.

- По справедливому замечанию С. Ю. Наумова, осознание коренных российских интересов возможно, прежде всего, в историческом контексте. Обращение к истории показывает, что наибольших успехов наша страна добивалась, действуя в рамках своего цивилизационного пространства – преимущественно на территории Восточной Европы. Именно в данной области находятся естественные геополитические интересы нашего отечества [Наумов, 2014: 5–9]. Представляется естественным популяризация русской литературы и языка на территориях, прилежащих к границам государства, через систему мероприятий культурного характера (фестивали, молодежные и детские праздники, письменные конкурсы).

- Одной из мер по противостоянию информационной войне нам видится расширение диалога между государственной властью и народом. Политическое доверие относится к числу ключевых позиций, определяющих устойчивость и эффективность политической системы. В действительности властные субъекты часто используют преимущества своего положения для извлечения собственной выгоды. Что касается России, – утверждают в своей работе П. М. Козырева и А. И. Смирнов, – власть всегда стремилась сконцентрировать в своих руках максимум полномочий. И не однажды переоценка властью своих возможностей имела для страны трагические последствия [Козырева, Смирнов, 2014: 6–9]. В связи с достаточной открытостью информационного поля сегодня существуют условия для участия граждан в анализе политических решений, в их коллективном обсуждении. Социальные сети и возможности Интернета в целом создают предпосылки для влияния на политику со стороны населения страны. «Как только атрибут публичности, – отмечают Л. И. Никовская и В. Н. Якимец, – начинает исчезать или ощутимо уменьшаться, так сразу на смену ему идут

закрытость, коррумпированность, клановость и пр.» [Никовская, Якимец, 2014: 8]. Развитие откровенного диалога между властью и народом нашего отечества должно способствовать укреплению системы государственности и наращивать потенциал устойчивости по отношению к внешним негативным влияниям.

Таким образом, современная философия информационно-психологической войны – наука об информационном воздействии с целью переформатирования сознания личности или коллектива для извлечения выгоды в интересах актора либо субъекта информационно-психологической войны. Сегодня об актуальности проблемы информационной войны свидетельствует большое количество серьёзных работ, в которых подвергаются исследованию различные её аспекты. При этом оказывается совершенно неудовлетворительно изученным языковой аспект информационно-психологической войны, который играет в ней первостепенную роль. Поэтому, по нашему мнению, есть необходимость продолжения разработки коммуникативных механизмов (стратегий, тактик, языковых средств и речевых приемов) противостояния агрессивному информационному воздействию в целях сохранения российского национального и культурного самосознания.

1.2. Определение понятия информационно-психологической войны

Слово «информация» имеет латинское происхождение (лат. *informatio* – ‘разъяснение, изложение, истолкование; представление, понятие; осведомление, просвещение’ [Дворецкий, 2000: 399]), получило распространение в русском языке в эпоху Петра I. Информация – это 1. Сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством; вообще обмен сведениями в обществе и в природе в разных его видах. 2. Сообщения,

осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-нибудь. 3. Сведения, хранящиеся в памяти ЭВМ [Толковый словарь..., 2011: 304].

Сегодня мировое сообщество принято называть информационным. Это новая стадия развития общества, в которой ведущая роль отводится сфере услуг, науке, образованию, а основным видом деятельности является торговля информацией [Большой толковый..., 2000: 397]. Характерные черты информационного общества:

- большая часть населения занята исключительно умственным трудом (производством, переработкой и распространением информации);
- процесс потребления информации пронизывает все области жизни людей;
- развитие информации и информационных технологий определяет уровень развития страны в целом, а информационные ресурсы рассматриваются в качестве стратегических ресурсов государства и общества;
- информационное общество формируется на основе гражданского общества, где законодательно закреплена и реализуется свобода слова и печати, производства и распространения информации;
- информация, знания, технологии становятся самыми востребованными товарами, основой процветания и государства, и отдельных личностей;
- на основе сетевых телекоммуникационных технологий развиваются сетевые социальные структуры (например, дистанционное образование, онлайн-сообщества в сфере науки, образования, культуры).

Информационная среда в разной степени доступна как разным людям и организациям, так и разным странам мирового сообщества в целом. Информационное неравенство создает угрозу стабильности мирового сообщества, порождает проблемы информационного характера в следующих аспектах:

- геополитическом, связанном с неравномерностью развития самого процесса информатизации в разных странах и регионах, что обусловлено не только различными научно-техническими и экономическими потенциалами этих стран, но и различиями в образовательных уровнях;
- социально-экономическом, обусловленном национальной политикой государства в области развития информационной среды;
- личностно-социальном, связанном с социальной адаптацией человека к новой, быстро меняющейся среде;
- лингвистическом, определяющем то, что подавляющая часть информации в области новейших достижений науки, техники и технологии распространяется на ограниченном количестве языков: английском, русском, немецком, французском (в последнее время расширение идет за счет японского, китайского, корейского языков).

Различные страны находятся на разных этапах развития информационного общества. Для так называемых «развитых стран» в этой сфере существенным фактором становится феномен «кризиса человека»: человек подвергается воздействию огромных потоков информации, которую сложно осмыслить. Это ведет к тому, что часть информации вообще не поддается осознанному восприятию: учащаются случаи «эскапизма» (ухода людей от проблем реальности социальной и политической жизни в религию, трансцендентальную философию, виртуальный мир). Увеличивается число психических заболеваний и суицидов. Возрастает риск исключения из социальной жизни некоторых слоев населения: малообеспеченные граждане просто не могут позволить себе приобрести цифровую технику и работать в компьютерных сетях. Одновременно существует проблема нежелания пользоваться новыми информационными и коммуникационными технологиями, требующими от потребителя высокого уровня абстрактного мышления, быстроты реакции, готовности к постоянному самообразованию. Появляются новые социальные проблемы: проблема информационной безопасности, защиты личной жизни человека от несанкционированного

вторжения информационно-коммуникационных технологий, манипулирования сознанием, информационной преступности, информационных болезней и информационных войн [Коморовская, 2012: 13, 15–16].

Информационные войны ведутся с тех пор, когда появилось человечество. В поэме о Троянской войне встречается пример информационно-психологической войны – знаменитый дар троянцам от данайцев – Троянский конь. Этот «подарок» явился приемом, с помощью которого, греки смогли преодолеть крепкие стены города и войти внутрь, и победить непокорный Илион. В трудах Геродота, Плутарха и Юлия Цезаря можно встретить описание приёмов подрыва воли противника к сопротивлению, провоцирования паники. Для этого, например, распускались слухи о преобладающем числе своих войск, их непобедимости, о наличии нового мощного оружия, о бегстве или пленении командования.

Одним из первых теоретиков информационной войны считается итальянский политический деятель Средневековья Н. Макиавелли (годы жизни 1469–1527), написавший на эту тему несколько книг, самая известная среди которых – «Государь». В этом произведении содержится краткое руководство по удержанию власти в завоеванной стране путем манипулирования человеческими качествами: «... В чужой по обычаям и языку стране завоевателю следует также сделаться главой и защитником более слабых соседей и постараться ослабить сильных, а кроме того, следить за тем, чтобы в страну как-нибудь не проник чужеземный правитель, не уступающий ему силой. Таких всегда призывают недовольные внутри страны по избытку честолюбия или из страха...» [Макиавелли, 1982: 3–4].

Против России до конца Средних веков целенаправленной информационной войны не велось. Но с тех пор, как наша отчизна окрепла, а всевозможные чужестранцы ближе познакомились с её просторами и богатствами, надежды на завоевание России тем или иным способом не прекращались ни на один день.

Один из примеров информационной атаки на Россию. Во времена вторжения Наполеона в 1812 году появляется так называемое «Завещание Петра Великого» (Le Testament de Pierre le Grand), опубликованное во французской прессе. В этом «завещании» провозглашались цели России по покорению всего мира [Еремеева, 2006]. Появление данного сфабрикованного «документа» – практически начало систематической информационной войны против России.

Искусство управлять мыслями и поступками людей, запугивать противника с целью подорвать его боевой дух развивается с древних времен. Однако к XXI веку приемы информационных войн стали намного изощреннее и опаснее: сегодня те, кто планирует и осуществляет информационные атаки, вооружены современными знаниями в области психологии. Главной же отличительной особенностью современных технологий является воздействие на психику помимо сознания. Это лишает людей возможности принимать взвешенные, логически обоснованные решения, а значит, приводит к потере свободы воли [Ткаченко, 2011: 6].

Впервые термин «информационная война» был употреблен в 1976 году в отчете под названием «Системы оружия и информационная война» для американской компании «Boeing». В этом документе было указано, что медиаиндустрия становится ключевым компонентом экономики и, в то же время, уязвимой целью как в военное, так и в мирное время. В 1998 году в США была принята «Объединенная доктрина информационных операций», согласно которой информационная война определялась как комплекс мероприятий по достижению информационного превосходства путем воздействия на информацию, информационные процессы, информационные системы и компьютерные сети противника при одновременной защите своей собственной информации, информационных процессов, информационных систем и компьютерных сетей [Ермакова, 2015].

Цель и смысл информационной войны описаны представителями разных направлений исследований. Так, по С. Н. Бухарину, В. В. Цыганову,

цель – это идеальное мысленное предвосхищение результата деятельности. Цели соперников в информационных войнах связаны с их ценностями. Цель информационного противоборства в бизнесе – это овладение капиталом, в политике – властью [Бухарин, Цыганов, 2007: 14].

Информационная война, по И. И. Завадскому, состоит из действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой собственной информации и информационных систем [Завадский, 1996]. Главная цель информационной войны как раз и состоит в том, чтобы с помощью специальных технологий влиять на идеологического противника и при этом надежно защищать свои собственные информационные ресурсы от любого враждебного воздействия. Смысл информационной войны – в нанесении населению определенной страны тяжелой культурной травмы. Внедрение чужеродных ценностей приводит к разрушению культурного пространства и духовных основ, на которых держится любое общество [Ткаченко, 2011: 8–9].

Согласно Г. Г. Почепцову, информационная война – коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с долговременными и кратковременными целями. Речь идет о содержательных, а не технических аспектах этого явления. Слово «коммуникативный» подчеркивает особый статус аудитории как объекта воздействия, поскольку успешное воздействие может опираться только на интересы, ценности, идеалы аудитории. Целями такого воздействия на массовое сознание является внесение изменений в когнитивную структуру с тем, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре [Почепцов, 2015a].

Исходя из разделения информационных войн на «полномасштабные» и «локальные», Ю. Р. Тагильцева сообщает о разнице в их целях: «...конечной целью «локальных» информационно-психологических войн, как это ни парадоксально, нередко оказывается не полное ниспровержение противника,

а постепенное (пусть и с позиций силы) сглаживание обострившейся ситуации, установление определенного паритета и поиск обоюдного компромисса» [Тагильцева, 2010: 171–172].

Специально исследовав вопрос определения понятия «информационные войны», О. Д. Кучумов подчеркивает, что основа информационной войны – манипулятивное воздействие на аудиторию. Технологии подобного воздействия многообразны, но главное средство универсально – это информационное сообщение, переданное по каналам коммуникации. И от того, насколько эффективно сконструировано сообщение, зависит его манипулятивный потенциал, степень воздействия на аудиторию [Кучумов, 2007: 16].

Информационная война – это управление информационными потоками в собственных целях (управление явное и тайное) для достижения определенных результатов [Панарин, 2010: 12]. Информационная война реализуется через разрушение национальных духовных ценностей: роль одних из них искусственно занижается, роль других – преувеличивается. Цель подобных действий одна – манипулировать людьми, заставляя их действовать вопреки собственным интересам. В арсенал информационной войны входят методы низвержения общественных авторитетов, носителей культуры и морали, внушение чуждых конкретной культуре идей. Все чаще в средствах массовой информации применяются различные психоаналитические технологии, направленные на манипулирование сознанием телезрителей, читателей или слушателей. Примером манипулирования в данном контексте может служить приём подмены понятий, о котором сообщает С. В. Ткаченко в описании «развала СССР»: «Подмена понятий – очень своеобразное, но по-своему эффективное оружие: если следовать её «логике», в декабре 1991 года не развалили Советский Союз, а строго наоборот – создали СНГ». Аллен Даллес, «крестный отец» информационной войны против СССР, а потом и России, так выразил сущность своего открытия: «Окончится война, все как-то утрясется,

устроится. И мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей <...> сознание людей способно к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить» [Ткаченко, 2011: 25–26, 49–50]. Результаты информационной войны, развернутой некогда против СССР, сегодня стали вполне очевидными: разрушено почти все, что только возможно было разрушить. Внедряются очередные модели модернизации России, которые усугубляют катастрофическое положение дел в российском государстве. Особую роль в информационно-психологической войне традиционно играет «пятая колонна», которую, как правило, составляют высшие должностные лица страны, взявшие на себя ответственность за её модернизацию. Зачастую «пятую колонну» сравнивают с вирусом. Без его внедрения в «организм» противника ожидать победы в информационной войне бесполезно. Пропаганда, шпионаж, диверсии могут иметь лишь вспомогательное значение. «Пятая колонна» должна внедриться именно в сферу управления общественным сознанием (СМИ, идеологический аппарат, искусство и т. д.). Сегодня в Интернете легко можно найти список представителей «пятой колонны» (см., например, блог Сергея Селюнина [Селюнин, 2015]). 18 марта 2014 года Президент РФ публично высказался о «пятой колонне» в России: в Георгиевском зале Кремля президент России Владимир Путин выступил с посланием к обеим палатам Федерального собрания в связи с обращением крымского парламента с просьбой о принятии республики в состав Российской Федерации на правах субъекта: «Мы явно столкнёмся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда. Некоторые западные политики уже страшат нас не только санкциями, но и перспективой обострения внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некоей пятой колонны – разного рода «национал-предателей» – или

рассчитывают, что смогут ухудшить социально-экономическое положение России и тем самым спровоцировать недовольство людей? Рассматриваем подобные заявления как безответственные и явно агрессивные и будем соответствующим образом на это реагировать» [Центр Сулакшина..., 2014]. Следует знать реально существующее положение вещей и быть к нему готовыми.

Итак, современное мировое сообщество по праву называется информационным. Использование информации занимает сегодня ведущее место в человеческой деятельности. Однако существующее информационное неравенство между людьми и государствами создает угрозу стабильности общества. Известно, что на протяжении веков ведутся так называемые информационно-психологические войны, целью которых являются как воздействие с помощью специальных технологий на идеологического противника, так и защита собственных интересов. Мы рассматриваем понятие информационно-психологической войны как более широкое по отношению к понятию информационной войны, и определяем его как воздействие на коллектив или личность с целью перестроения сознания личности или коллектива для извлечения выгоды в интересах субъекта либо актора информационно-психологической войны.

1.3. Лингвистическая проблематика информационно-психологической войны

Как уже было отмечено во «Введении», проблемы информационной войны рассматриваются сегодня с историко-политической стороны, философской, социологической, военно-стратегической, научно-технической, психологической. При изучении феномена информационной войны необходимо обращаться к философским и политическим исследованиям, к истории государств, к работам по психологии и психолингвистике. Информационная война находится также в фокусе

внимания лингвистической науки. Круг вопросов лингвистического аспекта информационной войны широк и требует серьёзных исследований. Выявленные нами из массива российских журналов публикации затрагивают вопросы идеологического фундамента информационной войны, дискурсивных практик внедрения неподтвержденной информации в массмедийный политический дискурс, вопросы информационной агрессии как компонента информационной войны, проблему изображения информационно-психологической войны в художественных текстах. Между тем, из общего анализа современных работ, посвящённых информационно-психологической войне, проистекает вывод о том, что её лингвистическая сторона раскрыта далеко не полно. В частности, лингвистический аспект манипуляции массовым сознанием в текстах российской прессы требует дальнейшей разработки.

Исследование лингвистической проблематики информационных войн было проведено нами на материале журналов и газет «Политическая лингвистика», «Власть», «Вопросы национализма», «Гуманитарный вектор», «Информационное противодействие угрозам терроризма», «Национальная безопасность и стратегическое планирование», «Политэкс», «Правовая культура», «Газета.ру», «Грани.ру», «Ежедневный журнал», «Аргументы и факты», «Завтра», «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Российская газета» за период 2005–2016 гг.). Результаты обзора показали, что лингвистике информационной войны посвящена некоторая часть современных исследований даже в нелингвистических изданиях:

- исследование понятийно-терминологического аппарата информационной безопасности (Информационная безопасность, кибербезопасность и смежные понятия: cyber security vs информационная безопасность. Юсупов, Шишкин, 2013);

- рассмотрение информационной технологии управления цветными революциями («Оранжевая революция» и технологии управления бунтом. Шульц, 2013);

- анализ эффективности печатных СМИ в России и США в информационном противоборстве (Информационное сопровождение деятельности вооруженных сил в современных конфликтах. Александров, 2014);

- анализ процесса информационной аномии в системе «государство – СМИ – общество», где информационная аномия – это процесс, при котором сообщение, имеющее определенный смысл, в момент передачи информации искажает, замещает или теряет этот смысл, создается множественность вариантов понимания, что приводит к имитации реального смысла, иллюзии реальности (Информационная аномия: выбор на грани фола. Карпова, 2014);

- анализу использования императивов в процессе информационной политики российского государства, в процессе которого происходит разрушение системного коммуникативного взаимодействия государства и общества (информационная аномия) (Императивы информационной политики. Карпова, 2014);

- исследование способов интерпретации понятия «толерантность» в зависимости от политического и культурного контекстов (Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретация толерантности. Блохин, 2014).

Перечисленные статьи сосредоточены в основном вокруг исследования концептов, понятий и терминов информационного противостояния.

В сборниках материалов научных конференций последних трех лет также встречаются тезисы и статьи по тематике ИПВ. Так, сборник материалов научной конференции «Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы» (Москва, 2014) включает следующие публикации по теме информационной войны, касающиеся её лингвистического аспекта:

- Политические СМИ как субъект создания политической реальности (Алексеев);
 - «Мягкая сила» как средство политического манипулирования в предвыборных кампаниях (Ефимова);
 - О некоторых аспектах информационной борьбы в масштабных политических конфликтах (Кольба);
 - Национальная культура как «иммунитет» государства в условиях информационных войн (Курков);
 - Мягкая сила как аналитическая категория и политическая технология (Русакова, Русаков);
 - Концепция информационного присутствия: альтернативный алгоритм работы власти в реальности массмедиа (Рябушко);
 - Средства и способы ведения современной информационной войны (Чотчаев);
 - Семантические сдвиги: эффект трех революций и коммуникативная технология (Шевченко) [Российская политическая..., 2014].
- Сборник научных трудов «Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления» (Екатеринбург, 2014) демонстрирует концентрацию внимания авторов на отдельных аспектах лингвистического анализа информационной войны.
- «Крым наш»: конфликтные речевые тактики в социальной сети «ВКонтакте» (Алексеева);
 - Типы и средства выражения оценки в текстах предвыборной кампании партии «Единая Россия» (Баданина);
 - Парцелляция как эффективный прием речевого воздействия (на материале политических медиатекстов) (Богоявленская);
 - Прецедентные антропонимы и топонимы как инструменты информационно-психологической войны (Васильев);
 - Анализ инвективной лексики в избирательных кампаниях 2011–2012 гг. (Култышева);

- Стратегии и тактики российских и американских политиков в информационной войне (Плахотная);

- Языковая картина мира современных оппозиционных Интернет-СМИ: значимость иронии как приема речевого воздействия (Сергеева); «Ой, а как вы это сделали?», или Фейк как прием информационной (сетевой) войны (Тагильцева) («фейк – это так называемая интернет-«утка», подаваемая как реальная новость, либо фотография, видеофайл, предназначенные для вбрасывания в интернет-пространство сенсационного сообщения» – О. Ф.); Приемы вовлечения читателя в текст как манипулятивный речевой прием при информационной атаке на социальную группу (Шахматова) [Политическая коммуникация..., 2014].

В результате обзора статей журнала «Политическая лингвистика» за 2005–2015 годы по близкой данному исследованию тематике было обнаружено, что 90 статей наиболее тесно примыкают к теме исследования информационной войны и группируются преимущественно вокруг десяти направлений (направления указаны по мере убывания количества статей, авторские работы указаны в хронологическом порядке):

1) исследование политического дискурса в различных аспектах, в том числе в аспекте информационной агрессии / информационного противостояния [Базылев, 2005, № 15; Красильникова, 2005, № 15; Борисова, 2006, № 17; Гришаева, 2006, № 17; Ворошилова, 2007, № 23; Красильникова, 2008, № 26; Щипицына, 2009, № 28; Синельникова, 2010, № 31 (1); Коробкова, 2011, № 38 (4); Молодыхенко, 2012, № 42 (4); Балашова, 2014, № 47 (1); Копцева, 2014, № 47 (1); Пронин, 2014, № 47 (1); Шалацкий, 2014, № 47 (1); Карамова, 2014, № 48 (2); Шустрова, 2015, № 51 (1)];

2) исследование манипулятивных стратегий, тактик и приемов воздействия на общественное сознание [Бойко, 2006, № 17; Макарова, 2006, № 20; Иванова, 2008, № 25; Антонова, 2010, № 31 (1); Иванова, Сподарец, 2010, № 33 (3); Ковалева, 2011, № 37 (3); Окунева, 2011, № 38 (4); Сергеева,

2012, № 40 (2); Руженцева, 2012, № 40 (2); Сковородников, Копнина, 2012, № 41 (3); Иванова, Чанышева, 2014, № 48 (2); Култышева, 2014, № 49 (3)];

3) исследование способов создания различных образов (государства, политического лидера, врага и пр.) в манипулятивных целях средствами массовой информации [Баргхорн, 2008, № 24; Вайс, 2008, № 24; Гриценко, 2010, № 34 (4); Манаенко, 2010, № 34 (4); Денисов, 2011, № 36 (2); Каменева, Сидорова, 2012, № 42 (4); Амиров, 2014, № 47 (1); Ильясова, 2014, № 47 (1); Мустайоки, Стексова, 2014, № 47 (1); Томова, 2014, № 48 (2); Зарипов, 2014, № 49 (3); Калинин, 2015, № 51 (1)];

4) исследование речи (политических выступлений) представителей государственной власти, значимых политических деятелей [Лассан, 2005, № 16; Кашкина, 2006, № 17; Сергеева, 2006, № 19; Матыгина, 2009, № 27; Попов, 2010, № 31 (1); Матыгина, 2012, № 40 (2); Ханина, 2013, № 46 (4); Соловей, 2014, № 48 (2); Колмогорова, Шестаков, 2015, № 51 (1)];

5) исследование использования политических метафор с разными целями, в том числе манипулятивными [Будаев, 2006, № 20; Пшенкин, 2006, № 20; Богданов, 2009, № 9; Малюкова, 2011, № 37 (3); Васильев Д. А., 2012, № 42 (4); Серегина, Чудинов, 2014, № 48 (2); Молодыхенко, 2014, № 49 (3); Зарипов, 2015, № 51 (1)];

6) исследование использования специальной лексики и терминологии в манипулятивных целях, исследование феномена «подмены понятий» [Васильев А. Д., 2007, № 23; Васильев А. Д., 2010, № 32 (2); Лату, 2011, № 37 (3); Семкин, 2011, № 37 (3); Васильев А. Д., 2012, № 39 (1); Васильев А. Д., 2012, № 42 (4); Коновалова, 2014, № 48 (2); Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н., 2015, № 51 (1)];

7) исследование информационной войны: её компонентов и особенностей, инструментов и оружия [Лассвелл, 2007, № 22; Тагильцева, 2010, № 34 (4), 2012, № 41 (3), 2012, № 42 (4), 2013, № 45 (3); Синельникова, 2014, № 48 (2); Тагильцева, 2014, № 48 (2)];

8) исследование понятийного аппарата политической лингвистики (например, таких понятий как «толерантность», «политкорректность», «агрессия», «национальная идея», «холодная война», «терроризм») [Лассан, 2006, № 17; Химик, 2008, № 26 (3); Синельникова, 2010, № 32 (2); Галепя, 2014, № 48 (2); Завьялов, 2015, № 51 (1); Сипко, 2015, № 51 (1)];

9) исследование языковых маркеров этнической нетерпимости [Иссерс, Рахимбергенова, 2007, № 23; Вепрева, Купина, 2014, № 49 (3); Ворошилова, 2014, № 49 (3); Злоказов, 2014, № 49 (3); Горшунов, Горшунова, 2015, № 51 (1); Скребцова, 2015, № 51 (1)];

10) исследование лингвистической советологии времен холодной войны, а также анализ советской пропаганды и употребления приемов советского политического дискурса в современном речетворчестве [Будаев, 2008, № 24, Будаев, Чудинов, 2009, № 29; Лассвелл, 2009, № 27; Будаев, Чудинов, 2010, № 32 (2); Шипицына, Свистельникова, 2010, № 34 (4); Степанова, 2011, № 37 (3)].

Лингвистическая проблематика информационной войны отражается в текстах статей журнала Политическая лингвистика через:

- описание использования средств языка как боевого оружия в войне. Язык политики нацелен на осуществление действия или оценки. Стил в языке политики варьируется в соответствии с существующей в государстве политической ситуацией. Проводится сравнение языка политики с боевым оружием нападения или защиты. Стил языка политики изменяется в зависимости от ожиданий коммуникатора для наиболее экономичного достижения оптимального результата (власти) [Лассвелл, 2007];

- исследование внутрироссийских информационно-психологических войн в политическом пространстве, осуществляемых при помощи средств массовой информации. Рассматриваются общие принципы информационно-психологических войн, определяется понятие локальных (малых) информационно-психологических войн, их цели, оружие и специфика [Тагильцева, 2010];

- анализ экстремистских материалов как инструментов психологического манипулирования, направленного на формирование в сознании объекта мотивации к совершению определенных действий вопреки собственному желанию. Экстремистские материалы способны «разжечь» информационно-психологическую войну между противоборствующими сторонами [Тагильцева, 2012, № 4 (42)];

- исследование компонентов информационно-психологической войны в их взаимосвязи, методологический анализ структуры конфликта и выхода из него [Тагильцева, 2012, № 3 (41)];

- описание различий в политических взглядах, которые фиксируются (1) в интерпретации событий и в оценке их исполнителей; (2) в формировании значений слов; (3) в номинациях акторов политических действий. Исследуются явления дискурсивного конструирования и дискурсивного давления в условиях информационной войны [Синельникова, 2014];

- определение информационной агрессии, её целей в условиях информационной войны. Рассматриваются вызовы недоверия населения к правительству, ущерб международному имиджу страны, удары по традициям и культурным ценностям народа, целенаправленное формирование образа России как врага средствами массовой информации [Тагильцева, 2014].

Помимо научных журнальных статей и материалов научных конференций существуют такие жанры, как диссертации, монографии и учебные пособия, затрагивающие лингвистическую проблематику информационной войны. Так, в диссертационном исследовании Н. Л. Волковский среди других вопросов рассматривает информационное обеспечение военных действий, а также СМИ как оружие пропаганды и информационной войны [Волковский, 2003]. Диссертация О. Н. Паршиной посвящена подробному исследованию стратегий и тактик борьбы за власть и удержания власти. Автор рассматривает среди других речевые тактики и приемы: оскорбление, критику, оправдание, разъяснение, комментирование,

демагогические приемы и тому подобное [Паршина, 2005]. Исследователь А. В. Евстафьева выявляет комплекс лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих специфику функционирования «языка вражды» в СМИ. Среди лингвистических факторов – персуазивное и суггестивное воздействие высказываний, искажение и вуалирование информации, манипулирование стилистическими средствами [Евстафьева, 2009]. Автор работы, посвященной технологиям и организации выборов, Н. Н. Малишевский касается вопросов технологии словесного поединка, информационной пропаганды и контрпропаганды, исследует методы и приемы дискредитации оппонента, описывает роль СМИ в избирательной кампании [Малишевский, 2003]. В пособии О. Н. Григорьевой рассматривается использование перцептивной метафоры и лексики чувственного восприятия в речи политиков и текстах СМИ [Григорьева, 2004]. С. Г. Кара-Мурза в книге о власти манипуляции отводит целый раздел лингвистике информационной войны, в котором исследует суггестивное воздействие слова, замещение смысла слов (в зависимости от нужд адресанта воздействующей информации), словарь манипуляторов и манипулятивную семантику слов [Кара-Мурза, 2015a].

Общий обзор современных работ, посвящённых лингвистической проблематике информационно-психологической войны, показал, что её лингвистический аспект раскрыт не в полной мере: наряду с глубокими исследованиями отдельных вопросов существуют перспективы разработки таких проблем как мишени и объекты информационных войн, аксиология, жанровая и языковая представленность тематики информационно-психологических войн в текстах СМИ.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Искусство управлять поступками людей при помощи речевого воздействия развивается с древних времен. Сегодня действующие лица,

планирующие и осуществляющие информационно-психологические атаки, вооружены технологиями, оказывающими воздействие на психику человека помимо его сознания. Главная цель информационной войны состоит в том, чтобы повлиять на идеологического противника, при этом надёжно защитив свои собственные информационные ресурсы от любого враждебного воздействия.

Современная философия информационно-психологической войны – наука о деятельности, направленной на постановку, анализ и решение вопросов целенаправленного влияния на идеологического противника в собственных интересах при надёжной защите своих собственных информационных ресурсов.

В современном мире нет необходимости в использовании военной силы для революционного вмешательства в той или иной стране: серьёзное воздействие способна оказать информационно-психологическая интервенция.

Информационно-психологическая война, как любая война, обладает своим оружием. Это, в первую очередь, речевое воздействие на противника, которое широко используется средствами массовой информации.

Обзор многочисленных российских публикаций на политические, экономические, социальные темы дает представление об актуальных проблемах, связанных с информационными войнами. На страницах газет и журналов обсуждаются вопросы информационного обеспечения военных действий, стратегий и тактик борьбы за власть, специфики функционирования «языка вражды», исследуются методы и приемы дискредитации оппонента, в меньшей мере изучается лингвистика информационной войны, её особенности, инструменты и оружие.

Лингвистическая проблематика информационной войны представлена преимущественно в материалах журнала «Политическая лингвистика» по таким направлениям как: политический дискурс в аспекте информационной агрессии; манипулятивные стратегии, тактики и приемы; способы создания

различных образов (государства, политического лидера, врага и пр.) в манипулятивных целях посредством СМИ; публичные речи политиков; использование политических метафор, в том числе с манипулятивными целями; использование специальной лексики и терминологии в целях манипуляции сознанием общественности; исследование языковых маркеров этнической нетерпимости; исследование лингвистической советологии времен холодной войны и советского политического дискурса.

По итогам обследования специальной литературы, посвященной проблемам национальной безопасности России, выявляются следующие возможности противодействия информационным войнам:

- в лингвистическом аспекте видится необходимость разработки технологий и методов противодействия речевой агрессии и информационным атакам;

- в плане защиты государственного русского языка необходима разработка и внедрение специальной программы, охватывающей все ступени народного образования, нацеленной на противостояние манипулятивному речевому воздействию со стороны оппозиции;

- в аспекте высшего образования требуется введение спецкурсов для студентов гуманитарных (в частности, филологических) специальностей по проблемам речевой агрессии;

- в направлении популяризации русской литературы и языка на территориях, прилежащих к границам государства, необходима система мероприятий культурного характера (фестивали, молодежные и детские праздники, письменные конкурсы);

- в области внутренней государственной политики одной из мер по противостоянию информационной войне видится расширение диалога между государственной властью и народом.

Итак, проблемы информационной войны подвергаются серьёзным исследованиям со стороны представителей гуманитарных и технических наук. С позиций лингвистики информационно-психологическая война

изучена, недостаточно полно, несмотря на то, что языковой аспект информационной войны играет в ней важнейшую роль. В связи с этим видятся перспективы разработки теории информационно-психологических войн, в частности, в области аксиологии и в жанроведении. Об этом пойдет речь во второй и третьей главах исследования.

Глава 2. СУБЪЕКТЫ, АКТОРЫ И ИХ ИНТЕНЦИИ, ОБЪЕКТЫ И МИШЕНИ ВНУТРИРОССИЙСКИХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЙН

2.1. Субъекты и акторы информационно-психологических войн

Понятия «субъект» и «актор», являясь атрибутами информационно-психологической войны, представляются наиболее значимыми для нашего исследования наряду с понятиями «объект» и «мишень» информационного воздействия.

Понятия «субъект» и «актор» рассматриваются с позиций различных наук, в связи с которыми находится данная работа. С философской точки зрения субъект – носитель деятельности, сознания и познания, конкретный телесный индивид, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми. Наряду с индивидуальным выделяется коллективный (групповой) субъект деятельности [Философский словарь..., 2009: 648–649]. В политологии субъект – участник международных отношений, обладающий правами и обязанностями, осуществляющий их на основе юридических норм и несущий в необходимых случаях международно-правовую ответственность за их нарушение [Цыганков, 2007: 31]. С позиций психологии субъект – это индивид или группа как источник познания и преобразования действительности; носитель активности, осуществляющий изменения в других людях и в себе самом как другом [Психологический словарь..., 2015]. В социологии субъект рассматривается как носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа) или как индивид-носитель каких-либо свойств, личность [Социологический словарь..., 2015].

Термин «актор», предложенный Т. Парсонсом, обозначает в социологии субъекта деятельности в обществе, выступающего в качестве

источника социального действия [Парсонс, 2002: 94]. В теории международных отношений разграничиваются понятия «субъект», «агент» и «актор». Агент – выразитель (или проводник) тех или иных норм и ценностей определенной социальной системы. Актор – любое действующее лицо, которое принимает активное участие в международных процессах. А. Турен выделяет следующие критерии понятия «актор»: способность сказать «я»; признание со стороны другого; принадлежность к определенной группе. Социальный актор – любая авторитетная организация, группа и даже отдельный человек, способный «играть роль» [Турен, 1994]. Актор – активный участник международной политики, обладающий некоторой возможностью, благодаря имеющимся в его распоряжении актуальным и потенциальным ресурсам, в соответствии с пониманием своих интересов, принимать решения и реализовывать стратегию, оказывающую существенное влияние на международную систему, признаваемый в качестве такового другими участниками [Цыганков, 2007: 35]. В политологии актор – любой субъект, действующий вне национально-государственных границ: это может быть государство, политическое, религиозное или другое массовое движение, транснациональная корпорация или отдельный индивид. Действия «акторов в повседневной практике мировой политики определяются, прежде всего, политической целесообразностью, т. е. целью и смыслом политического бытия в условиях конкретной ситуации, складывающейся во властных отношениях» [Фельдман, 2014: 28–30].

Значимым актором информационно-психологической войны сегодня, по мнению Г. Ю. Филимонова, являются Соединенные Штаты Америки. «Заняв лидирующее положение в мировой информационной магистрали, США превратили внешнеполитическую пропаганду в важнейшее орудие, способное конструировать человеческое сознание практически в любой точке планеты» [Филимонов, 2013: 3–4].

Следует заметить, что для определения конкретных субъектов ИПВ в области, например, массмедиа нужно выяснить, каковы источники

финансирования средств массовой информации, при помощи которых осуществляется скрытая или открытая информационная агрессия. Далеко не всегда субъект ИПВ может быть установлен: для этого важно обладать определенными документальными подтверждениями интересов и целей субъекта-агрессора. Такого рода задачи не входят в компетенцию лингвиста. Однако актора, как автора текста ИПВ, установить возможно.

Опираясь на работу А. П. Сковородникова, Э. А. Корольковой, мы полагаем, что субъект, или инициатор, как и актор, или исполнитель, может быть единичным либо коллективным. Инициатор и актор могут совпадать в одном субъекте или не совпадать, если инициатор (например, политическая партия, правящий класс государства) является заказчиком, а актор (исполнитель коллективный / индивидуальный) – это конкретное лицо, учреждение, орган СМИ. Для того чтобы обозначить некоторый орган СМИ или отдельного автора как актора информационно-психологической войны, требуются соответствующие действительности основания, в качестве которых вполне можно рассматривать:

- преобладание в печатном органе (или у одиночного автора) негативно-оценочной информации об одном и том же объекте или мишенях, имеющих комплементарное отношение к этому объекту;
- направленность представляемой информации на дискредитацию данных мишеней или объектов как таковых;
- регулярность публикаций с такой информацией;
- преимущественное отсутствие позитивно-оценочной информации об этих мишенях или объектах [Сковородников, Королькова, 2015: 160–171].

Поскольку вышеперечисленным критериям соответствуют тексты «Граней.ру», «Ежедневного журнала», «Независимой газеты» и «Новой газеты», а также определенная часть материалов газет «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», есть основания считать эти органы СМИ коллективными акторами, и их авторов – отдельными акторами информационно-психологической войны. Такое утверждение не означает,

что все материалы названной прессы являют собой факт информационной войны: в действительности имеют место и здоровая критика, и нейтральная информация. Но речь идет об устойчивой политической направленности того или иного актора.

В качестве примера можно привести статью Виктора Шендеровича «Березовский. Вослед» из «Ежедневного журнала» от 11.04.2013. Актор ИПВ долго и последовательно придерживается оппозиционной правительству позиции, что очевидно из его общественной и публицистической деятельности: авторство сценариев телевизионной программы "Куклы" для канала НТВ; авторство сатирической программы «Итого»; многочисленные пародии и статьи в оппозиционном журнале. В данном примере – в статье «Березовский. Вослед» – В. Шендерович выступает и как актер информационной агрессии, используя стратегию дискредитации личности Президента России. Следующие фрагменты из материала являются тому подтверждением (все цитаты приведены с сохранением орфографии и пунктуации авторов текстов – О. Ф.).

«Мысль о Путине, я думаю, была невыносима Березовскому, прежде всего, из-за исходных масштабов. Многими героями своих проектов он искренне увлекался до поры до времени — Путин с самого начала был чистой функцией, пешкой в большой игре. Один менеджер рассказывал мне, как Березовский среагировал в девяносто девятом на осторожное предположение, что кремлевский новичок может выйти из-под контроля.

Даже не рассказывал, а передавал односложно-презрительную интонацию Бориса Абрамовича:

– Володя?

«Володя» много лет сидел в нагрудном кармане и питался крошками; «Володя» вообще не был субъектом игры. Он был глиняный раб для уборки помещения от Примакова-Лужкова, раб со знаком послушания, раз и навсегда начертанном на узком лбу...»;

«Его покаянное письмо Путину, я думаю, действительно имело место, и, судя по тому, что Кремль держал это в секрете, было то письмо вполне частным и откровенным, напоминающим «Володе» о том, кому он обязан шапочкой Мономаха. Старый проигравшийся игрок Березовский просил мира.

В нем текла человеческая кровь, но он обращался к лимфе. Путин, разумеется, не ответил».

Автор этих строк умело демонстрирует свою якобы осведомленность в государственных вопросах, которые ему неизвестны доподлинно, создает эффект достоверности своих догадок или фантазий, употребляя при этом оценочную лексику, тропы и фигуры речи, выражая свое видение ситуации. Например, метафоры: *«Путин с самого начала был **чистой функцией, пешкой в большой игре**», «“Володя” вообще не был **субъектом игры**», «**глиняный раб** для уборки помещения»; метонимия: «он обращался к **лимфе**» гипербола: «“Володя” много лет сидел в нагрудном кармане и питался **крошками**»; именованья с негативными коннотациями (с уничижительным оттенком значения): «Володя», «кому он обязан **шапочкой Мономаха**» (метафора плюс литота), «**начертанном на узком** лбу» (здесь и далее в примерах полужирным шрифтом выделено нами – О. Ф.).*

Другой пример. Статья М. Ганапольского «Русь, куда ж несешься ты? В эмиграцию...» из «Московского комсомольца» от 20.10.2015. Здесь также автор статьи выступает как актер информационно-психологической войны, использует стратегию «на понижение», «понижая» не только государственную власть РФ, но и дискредитируя значимые для страны события последнего полугодия для последовательного развенчания чего бы то ни было священного для жителя России. Это подтверждается следующими фрагментами статьи.

«Общество разделилось на тех, кто может уехать и кто не может»; «Все опросы оказались полным враньем. Те самые почти 90% граждан, которые жить не могут без патриотизма, Кремля и президента,

подозрительно быстро бегут в различные консульства, чтобы подать документы на эмиграцию»;

«Ну а дальше произошло то, что хорошо известно: Крым, который «наш», Донбасс, который уже почти «не наш». Теперь есть Сирия, которая, судя по истошным телевизионным крикам, и есть место, откуда пошла русская земля.

Это все те места, где русскому человеку предлагается сложить кости.

А если ты дома, то есть санкции, давилово тушек уточек и сыров тракторами.

Правда, кое-чего нет. Нет, к примеру, понимания, куда катится страна. Те, кому не нравится слово «катится», могут заменить его выражением "куда страна встает с колен?"»;

«Да, куда она «встает»? Если судить по падению производства, падению рубля, замораживанию накопительной части пенсии и грозному предупреждению г-жи Голодец, что студенты не могут рассчитывать на индексацию стипендий, так что пусть идут работать, ибо они молодые, «встаем» мы явно не туда.

Короче, тут не стоит быть «Капитаном очевидностью», чтобы россиянину описывать положение, в котором он же и находится».

Данные примеры демонстрируют использование тактики неприведения фактических данных, подтверждающих обоснованность того или иного высказывания, тактики одностороннего освещения события / явления; тактики умолчания (о фактах, которые могли бы поставить под сомнение оценочные высказывания об этом событии). Приёмы, используемые актором ИПВ в данном тексте – это метафоры («русскому человеку предлагается сложить кости»), амплификация («кто может уехать и кто не может»), реминисценция («место, откуда пошла русская земля», «не стоит быть «Капитаном очевидностью») и другие.

2.2. Объекты и мишени информационно-психологических войн

Определение объектов ИПВ представляется решаемой задачей, так как необходимый для исследования материал печатных СМИ находится в открытом доступе и позволяет беспрепятственно изучать текстовую информацию.

Объект понимается по-разному с позиций различных наук. В философии объектом является то, на что направлена активность (реальная и познавательная) субъекта [Философский словарь..., 2009: 465]. С позиций политологии и теории международных отношений объект – это то, что противостоит субъекту политики в его деятельности, то, на что направлены усилия субъекта. К объектам политики относят политическую власть, интересы и ценности, население как электорат [Политическая наука..., 2010]. В психологии объект — фрагмент реальности, на которую направлена активность взаимосвязанного с ней субъекта. Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект взаимодействует с ними [Психологический словарь..., 2015]. С точки зрения социологии объект – это предмет, явление, процесс или их отдельные стороны, существующие в реальной действительности, на которые направлена какая-либо деятельность, мысль, чувство и т. д., а также то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности [Социологический словарь..., 2015].

В теории информационных войн выделяются противоборствующие субъекты (нападающие и подвергающиеся нападению). Эти субъекты имеют «комплексный арсенал используемых средств, методов и стратегий воздействия и систем защиты, основанный преимущественно на средствах и методах информационного нападения и обороны, а также включающий в себя традиционные средства оказания политического, экономического, военного и иного давления на конкурента (противника) [Операции информационно-психологической..., 2015: 400–401]. Иначе говоря, объект

ИПВ – это тот или то, кто или что подвергается нападению со стороны агрессора в информационной войне.

Общий круг объектов информационной войны достаточно широк. Согласно А. Б. Губареву, в качестве родовых объектов информационной войны выделяются:

- система политических отношений информационного общества;
- система социальных отношений информационного общества;
- система психологических отношений информационного общества.

К числу частных объектов информационной войны автор относит любой компонент (сегмент) информационно-психологического пространства: массовое и индивидуальное сознание граждан; социально-политические процессы; информационная инфраструктура; информационные и психологические ресурсы, под которыми понимаются система ценностей общества; сознание граждан; психическое здоровье граждан [Губарев, 2005]. А. Б. Губарев не различает объект и мишень ИПВ. Мы разделяем точку зрения А. П. Сковородникова и Э. А. Корольковой, на понятия объекта и мишени ИПВ. Под объектом ИПВ понимается сознание тех, на кого направлено речевое воздействие с целью изменения этого сознания в нужном для субъекта-агрессора направлении, под мишенью — та сторона действительности, которая так или иначе связана с объектом и подвергается дискредитации для того, чтобы воздействовать определенным образом на объект [Сковородников, Королькова, 2015: 160–171].

Итак, воздействие субъектов и акторов информационно-психологических войн направлено на сознание граждан и имеет определенные мишени. Например, публикация Бориса Соколова в «Грани.ру» от 15.03.2016 под заглавием «Исходя из обстоятельств» демонстрирует, что объектом воздействия в материале является массовое сознание граждан РФ, мишенью – внешняя политика РФ и, в частности, политика Президента. Это отражается в следующих фрагментах текста. Во фрагменте *«Сирийская авантюра Путина внезапно подошла к концу»* речь

идет о деятельности российских вооруженных сил в дружественной Сирии в целях поддержки легитимного правительства Асада. Деятельность российских вооруженных сил автор называет «Сирийской авантюрой Путина». Слово «авантюра» в данном контексте имеет значение 'рискованное, сомнительное предприятие, рассчитанное на случайный успех, предпринимаемое без учета реальных возможностей' [Современный словарь..., 1993: 12]. То есть Президент государства изображается как авантюрист, а авторитет или право голоса представителей военного ведомства или каких-то силовых структур вообще не рассматриваются. Следующие фрагменты имеют маркеры неуверенности автора в изложении темы: «не исключено, что», «больше оснований полагать, что», «возможно» – налицо предъявление читателю непроверенной информации, дискредитирующей деятельность правительства государства:

- *«сейчас объявлено о выводе из Сирии только "основной части" российских войск, не исключено, что речь идет лишь о пропагандистской акции под открывающиеся в Женеве переговоры»,*

- *«гораздо больше оснований полагать, что российская интервенция в Сирии действительно сворачивается»,*

- *«Возможно, реальные безвозвратные потери и больше заявленных. Но в любом случае они несравнимо меньше, чем в Афганистане».* Россия в данном тексте изображена как интервент («*российская интервенция в Сирии действительно сворачивается*») при помощи негативной номинации (интервенция – «1. Агрессивное вмешательство одного или нескольких государств, преимущественно вооружённое, во внутренние дела какой-нибудь страны» [Толковый словарь..., 2011: 302–303]).

Другой пример дискредитации правительства РФ – статья «Реформу комиссовали» из «Новой газеты» от 28.04.2016. Уже в заглавии наблюдается лексический маркер – употребление единицы разговорной лексики – глагола «комиссовать» – 'признать нетрудоспособным'. В предложении «Правительство затевает новую административную реформу»

употребляется глагол «затевать», – (Разг.) 'начать, предпринять' [Большой толковый..., 2000: 351, 444]. Оба глагола вызывают отрицательные ассоциации, способствуют созданию ироничного отношения к предмету речи, вызывают насмешку – восприятие инициатив правительства как никчемной затеи, заранее обреченной на провал, что подтверждается по ходу изложения авторитетными экспертными мнениями: *«Очередной призыв к административной реформе — не более чем вышедшая на поверхность борьба элит, считает Евгений Гонтмахер, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений имени Примакова»;* *«Предыдущая попытка административной реформы отделаась исключительно косметическими изменениями, коренные проблемы госслужбы решены не были, — считает Олег Буклемишев»* (О. Буклемишев – помощник премьер-министра в 2000—2003 годах – О. Ф.). Очевидно, здесь используется тактика привлечения авторитетного источника в качестве аргумента.

2.3. Интенции, стратегии и тактики акторов внутрироссийских информационно-психологических войн

Термин «интенция» изначально появился в психологии, где он обозначает внутренне присущую сознанию направленность на предмет безотносительно к тому, является ли предмет реальным или воображаемым [Большой психологический..., 2003: 205]. История понятия «интенция» восходит к схоластике (XII век), различающей реальное и интенциональное (умственное) существование объекта. В XIX веке понятие «интенция» было введено в философию немецким философом и психологом Ф. Brentano. В его системе интенциональность является основным свойством психических феноменов, выступает как их предметная соотнесенность в сознании и направленность сознания на предметное содержание. Дж. Сёрль стремился объединить лингвистическое понятие интенции с феноменологическим.

Ученый показал, что значение не может быть сведено лишь к лингвистическим составляющим, а является результатом взаимодействия языка и интенциональных ментальных актов [Сёрль, 2004: 56–74].

В лингвистике существуют смежные понятия, описывающие авторские интенциональные ментальные акты – «цель», «намерение», «иллокуция». Намерение (ближайший синоним слову интенция) «(англ. intention, purpose) – сознательное решение, выполняющее функцию побуждения и планирования поведения или деятельности человека» [Большой психологический..., 2003: 323]. Намерение рассматривается как «потенциальное (виртуальное) содержание высказывания» [Ахманова, 1969: 250] или как «предположение сделать что-нибудь, желание, замысел» [Толковый словарь..., 2011: 486]. Иллокуция – манифестация говорящим цели высказывания, например, «обещание», «сообщение», «запрос информации». Иллокутивная цель может не находить прямого отражения в языковой структуре высказывания. Такие высказывания называются «косвенными речевыми актами» [Культура русской..., 2007: 205]. В языкознании под коммуникативной целью понимается мысленное предвосхищение участником коммуникации желательного для него результата коммуникации, направленность сознания на этот результат. Коммуникативная цель определяет средства её достижения: выбор способов языкового выражения, выбор типа речевого акта, имеющего конкретную речевую цель (цель высказывания) [Культура русской..., 2007: 254–255]. Слово «интенция» происходит от латинского «intentio» и имеет множество значений: напряжение (души), усилие, интенсивность, сила, стремление, усердие, рвение, внимание, внимательность, настороженность, напряженное выражение, намерение, замысел [Дворецкий, 2000: 413].

В нашей работе мы принимаем термин «интенция» в связи с тем, что он наиболее точно отражает соответствующее задачам исследования значение.

Понятие «интенция» определяется в зависимости от аспекта рассмотрения и встречается во многих лингвистических исследованиях [Блинов, 1996; Каменская, 1990; Мельничук, 2002; Москальская, 1981; Плотникова, 2000; Рикёр, 1995; Сёрль, 1987; Тураева, 1986; Есо, 1996]. Согласно С. Н. Плотниковой, при помощи понятия интенции постулируется необходимость разграничивать смысл сообщения и понимание того, почему данное сообщение было произведено [Плотникова, 2000: 50]. Согласимся с учеными, которые считают, что интенции автора относятся к смысловой стороне формирования текста и рассматриваются в качестве его определяющих свойств [Бабенко, Казарин, 2004: 142].

В настоящем исследовании под интенцией автора текста мы подразумеваем коммуникативную целеустановку автора. При формировании высказываний адресант испытывает на себе влияние разных факторов и определяет в соответствии с ними цель высказывания. Если речевой жанр и языковые средства соответствуют поставленной цели, то высказывание будет успешным.

Согласно Н. И. Клушиной, текст рассматривается как речевое произведение, направленное от адресанта к адресату для реализации заданной интенции [Клушина, 2008: 6–7]. Акторы ИПВ имеют различные интенции в отношении объектов и мишеней воздействия: дискредитировать государственные устои, умалить авторитет власти, изменить или уничтожить базовые ценности народа и так далее.

Интенции реализуются при помощи определенных речевых стратегий и тактик. Термины «стратегии» и «тактики» используются в различных областях знания: в военном деле, политологии, психологии, в области рекламы и деловых переговоров. Для современной лингвистики эти термины также актуальны. Теория речевых стратегий и тактик разрабатывается активно с 60-х гг. XX века зарубежными и отечественными учеными [Parsons, 1963; Marwell, Schmitt, 1967; Miller, Boster, Roloff, Seibold, 1977; Levine, Wheelless, 1997; Баранов, 1990; Стернин, 2001; Иссерс, 2008]. В

американской лингвистике речевая деятельность рассматривалась как один из способов подчинения партнера по коммуникации. Коммуникативные стратегии здесь получили название «стратегий подчинения» (compliance-gaining) [Marwell, Schmitt, 1967; Miller, Boster, Roloff, Seibold, 1977].

В отечественной науке на основе обобщения опыта лингвистов и психологов, с учетом деятельностного подхода, исследователем О. С. Иссерс наиболее полно разработана теория речевых стратегий и тактик. Исследователь утверждает, что стратегии ориентированы на будущие речевые действия, связаны с прогнозированием ситуации; истоки стратегий следует искать в мотивах, которые управляют человеческой деятельностью. Согласимся с автором в том, что «речевыми стратегиями могут управлять определенные установки субъекта, его системы ценностей, убеждений» [Иссерс, 2008: 56, 60]. О. С. Иссерс с функциональной точки зрения выделяет основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии (прагматические, диалоговые, риторические). К основным относятся те стратегии, которые на данном этапе коммуникативного взаимодействия являются наиболее значимыми с точки зрения иерархии мотивов и целей. Вспомогательные стратегии способствуют оптимальному воздействию на адресата в конкретной коммуникативной ситуации [Иссерс, 2008: 106–108.]. Например, при условии, что субъект или актер ИПВ имеет установку подорвать доверие к кому-нибудь, умалить чей-либо авторитет (государственного чиновника, например), он использует стратегию дискредитации. В большинстве случаев основные стратегии непосредственно связаны с воздействием на адресата, на его модель мира, систему ценностей, его поведение (как физическое, так и интеллектуальное). Это важно иметь в виду, рассматривая информационно-психологическое воздействие на объект ИПВ – массовое сознание.

Коммуникативные и речевые стратегии изучаются в преломлении к разным объектам исследования. Так, Н. И. Клушина в аспекте исследования интенциональных категорий публицистического текста использует понятие

речевой стратегии как реализации глобального коммуникативного намерения (интенции) автора речевого произведения. Текст всегда включает в себе идею, отражающую авторский замысел. Н. И. Клушина считает, что «свою идею автор и реализует в конкретном тексте с помощью определенных стратегий и тактик, которые в таком случае можно назвать лингвистическими».

Если речевые стратегии и тактики имеют незапланированный характер, они спонтанны, возникают в конкретной речевой ситуации и представляют собой гипотезы относительно будущей речевой ситуации, то лингвистические стратегии и тактики продумываются автором в ходе создания определенного речевого произведения и реализуют конкретную авторскую задачу.

Таким образом, лингвистические стратегии и тактики являются способом разворачивания любого текста под определенным углом зрения для реализации авторской идеи. Они организуют коммуникативно-прагматическую направленность текста» [Клушина, 2008: 19–21]. С нашей точки зрения, для более четкого восприятия терминологии видится более приемлемым употребление терминов «общие стратегии» и «конситуативные стратегии» вместо, соответственно, «лингвистические» и «речевые стратегии» (по Н. И. Клушиной), поскольку под лингвистическими стратегиями, как правило, понимаются и языковые, и речевые.

О. Л. Михалёва, исследуя политический дискурс как сферу реализации манипулятивного воздействия, определяет коммуникативную стратегию как некий «план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые в свою очередь обуславливают не только внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определённых языковых средств» [Михалёва, 2005: 12–13]. Исследователь выделяет в политическом дискурсе три основные стратегии: 1) «на понижение», 2) «на повышение», 3) «театральности».

В области исследования современных печатных СМИ сегодня существуют попытки детального описания коммуникативных стратегий. Например, исследуя медиажанр литературной рецензии, А. Н. Морева отмечает, что в основе построения коммуникативной стратегии лежит формулирование глобальной цели адресанта. В выборе определенной цели автор произведения не всегда обладает абсолютной свободой: некоторые составляющие речевой ситуации могут накладывать ограничения. А. Н. Морева выделяет пять коммуникативных стратегий: обличения, разоблачения, представления, идеализации и реабилитации. Две первые стратегии связаны с отрицательной оценкой, третья – с разносторонней оценкой, две последние – с положительной. В рамках стратегии обличения основное внимание уделяется недостаткам текста, не касающимся при этом предмета речи. Стратегия разоблачения предполагает непосредственно критику предмета речи. Стратегия представления на доказательной основе выявляет в тексте как достоинства, так и недостатки. Стратегия идеализации направлена на подчеркивание достоинств и избегание негативных оценок [Морева, 2015: 167–170].

В работе, посвященной стратегиям и тактикам речевого поведения современной политической элиты, О. Н. Паршина выделяет несколько стратегий. Среди них: стратегия самопрезентации политика, борьбы за власть (стратегии дискредитации и нападения, манипулятивная, самозащиты), стратегии удержания власти (информационно-интерпретационная, стратегия формирования эмоционального настроения адресата), стратегии убеждения (аргументативная и агитационная) [Паршина, 2005: 67–170].

Исследовав коммуникативные стратегии и тактики судебного допроса, Е. В. Шишкина выделила в качестве главной «стратегию изобличения во лжи», а также используемые профессиональными участниками юридического дискурса стратегии психологического воздействия, обвинения и защиты [Шишкина, 2012: 157–158].

Характеризуя коммуникативные стратегии, наличествующие в блогах журналистов, А. А. Попов определяет их как общий план коммуникативного поведения, посредством которого выбирается оптимальное решение коммуникативных задач и реализуются речевые действия коммуниканта. В основе коммуникативных стратегий, – утверждает исследователь, – лежат мотивы, потребности и установки участников коммуникации. Однако степень их осознанности может быть различной и зависит от уровня образования, развития и психологической культуры человека [Попов, 2013: 161–162].

В преломлении к теме нашего исследования под коммуникативной (речевой) стратегией, разделяя мнения ученых, специально обращавшихся к этому вопросу ([Сковородников, Королькова, 2015: 162]), будем понимать общую линию речевого поведения, определяемую коммуникативной целью говорящего либо пишущего на основе осознания им коммуникативной ситуации. Под коммуникативной ситуацией понимается совокупность факторов, влияющих на ход коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные и гендерные характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние, а также другие факторы).

Итак, стратегия рассматривается как общая цель движения и общие принципы и способы ее достижения. Любая стратегия реализуется благодаря актуализации некоего набора тактик, – утверждает О. Л. Михалёва. Под тактиками она понимает совокупность приёмов, обуславливающих применение определенных языковых средств. В соответствии с собственной классификацией стратегий исследователь перечисляет возможные тактики их реализации. Стратегия «игры на понижение» предполагает тактики анализ-«минус», обвинения, безличного обвинения, обличения, оскорбления, угрозы; стратегия «на повышение» реализуется через тактики анализ-«плюс», презентации, самопрезентации, самооправдания; стратегия «театральности» –

определяет «театральный» подход к ситуации и использование тактик побуждения (призыв к какому-либо действию, принятию точки зрения), кооперации, размежевания, информирования, обещания, прогнозирования, предупреждения, иронизирования, провокации [Михалёва, 2005: 13–15]. (Обзор научных точек зрения отражен схематично в Приложении В «Типологии коммуникативных (речевых) стратегий и тактик, предложенные разными исследователями»).

Обобщив различные способы видения понятий «стратегия» и «тактика» в лингвистике мы, вслед за А. П. Сковородниковым, понимаем коммуникативную (речевую) тактику как «речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Использование речевой тактики или некоторой их совокупной последовательности призвано обеспечить осуществление речевой стратегии и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели говорящего / пишущего» [Сковородников, 2012: 246–247].

Коммуникативные стратегии инициаторов информационно-психологической войны определяются целями нанесения населению противной страны тяжелой культурной травмы, внедрения чужеродных ценностей в сознание врагов, приводящее к разрушению культурного пространства и духовных основ, на которых держится любое общество. **Опираясь на обзор лингвистических стратегий и тактик, сделанный выше, основную коммуникативную стратегию инициаторов и акторов ИПВ в нашем исследовании мы обозначим как генеральную стратегию дискредитации мишеней ИПВ, для реализации которой используются некоторые тактики или их совокупности: тактика подрыва доверия, умаления авторитета, унижения, осмеяния и им подобные. (См. схему на последней странице в Приложении В «Типологии коммуникативных (речевых) стратегий и тактик, предложенные разными исследователями»).**

Вероятно, можно говорить не только об основной стратегии, направленной на решение задач ИПВ, но и, согласно А.П.Сковородникову и Э.А.Корольковой, о субстратегиях: «дезинформации», «диффамации», «дегероизации», «искажения исторической памяти», «примитивизации сознания» и других [Сковородников, Королькова, 2015]. Действительно, «дискредитация» означает 'разрушение веры, доверия; подрыв доверия; умаление авторитета, значения' [Дворецкий, 2000: 207, 254; Большой толковый..., 2000: 261] и может достигать своих целей путем вышеперечисленных субстратегий и им подобных. Способ построения высказывания / текста, реализующий некую тактику (в дальнейшем – и стратегию) принято называть приёмом (например, о манипулятивных приёмах см. Филатов, 2006; Копнина, 2008). То есть реализация некоторой стратегии происходит в соответствии со схемой:

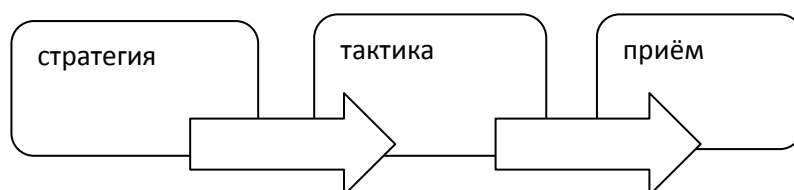

Рисунок 1 – Реализация некоторой стратегии ИПВ

Мы в нашем исследовании принимаем во внимание основные единицы процесса реализации аксиологических интенций акторов ИПВ – стратегии, тактики, приёмы (под приёмами мы понимаем разные способы языковой организации), не вдаваясь в проблему разграничения стратегий и субстратегий, поскольку этот вопрос, не разработанный в специальной литературе, требует дальнейшего исследования. В качестве примера приведем аналитический комментарий митинга в честь годовщины присоединения Крыма к РФ 18 марта, опубликованный «Новой газетой» 21 марта 2016 года, озаглавленный как «К вечному селекторату». Заглавие статьи (здесь мы употребляем слово «статья» в широком смысле – как 'публицистическое сочинение') включает лексему, ассоциирующуюся в сознании, с одной стороны, с политической бюрократией партийных функционеров застойных времен – «селекторат». С другой стороны, слово

«селекторат» напоминает контаминацию «селекция» (лат. selection – ‘выбор’, ‘отбор’) + «электорат» (лат. elector – ‘выбирающий, избиратель’ > круг избирателей, голосующих за определенную политическую партию [Дворецкий. 2000: 363, 914]). Автор статьи употребляет термин «селекторат» для описания стратегии удержания политической власти в авторитарных режимах и приводит определение этого понятия: *«Селекторат, или «минимальная коалиция победителей», — это один из самых распространенных способов удерживать власть в авторитарных режимах. Обнаружил и описал эту стратегию нью-йоркский политолог Брюс Буэно де Мескита. Исследователь определяет селекторат как иерархически выстроенную управленческую верхушку, состоящую из власти и ее ближайших сателлитов, лояльность которых поддерживается через их участие в перераспределении ренты и за счет страха оказаться выброшенными за границы этой системы».*

Подзаголовок комментария *«Накануне выборов в Кремле проводят смотр лояльных партийных сил»* показывает государственную власть как группу людей, не надеющуюся на свои силы и возможности в борьбе за политическую власть в стране, и для достижения победы на выборах использующую нечестные методы.

В статье дискредитируется настоящая высшая государственная власть, равно как и ее оппозиция, представленная как слабые, несамостоятельные, зависящие от правящих кругов организации: *«Проблемы думской оппозиции напрямую затрагивают и интересы Кремля, поскольку голоса, которые потеряли его сателлиты, могут попасть в «ненадежные» руки. Для того чтобы избежать таких проблем и получать более или менее понятные и устраивающие элиту результаты выборов, Кремль начиная с 2003 года придерживался стратегии создания т. н. селектората».* В качестве основных тактик, реализующих стратегию дискредитации, выступают тактики неопределенности (неуточненности данных об источнике информации), намёка, сарказма и другие. Для того чтобы показать слабость

политических оппозиционных партий, автором статьи партии представлены в ситуации выступлений на митинге, где, согласно комментарию, тематика и риторика речей представителей разных фракций *«так называемой системной оппозиции практически неотличима друг от друга»*. Подвержены разоблачению и обвинению представители партии власти «Единая Россия»: *«Сейчас рейтинг самой «Единой России» снижается. Накопилась усталость от этого партийного бренда, но главное — от знакомых лиц в нем. Путинский селекторат стал настолько однородным, что для поддержания его жизнеспособности нужны свежие силы. Все это побуждает Кремль искать пути обновления селектората, повышения его эффективности для того, чтобы не допустить самого страшного — повторения Болотной в 2016 году»*. Здесь использован приём бездоказательного утверждения (*«рейтинг самой «Единой России» снижается»*; *«Путинский селекторат стал настолько однородным»*), перенос мнения небольшой группы людей на мнение большинства (*«Накопилась усталость от этого партийного бренда, но главное — от знакомых лиц в нем»*), представление желаемого как действительного, «чтение в чужих сердцах» [Новая газета, 21.03.2016].

В статье подвергаются критической оценке системная оппозиция, действия государства в геополитической сфере, ставятся под сомнения выборы в стране в целом. Основная часть материала посвящена оппозиционным партиям, которые, с точки зрения автора, являются управляемыми властью. Этот пример демонстрирует использование стратегии, направленной на разрушение авторитета существующей государственной власти, партии «Единая Россия», системной оппозиции.

Отметим, что в работах лингвистов сегодня не наблюдается четкой иерархии в описании коммуникативных или речевых стратегий современной ИПВ. Этот вопрос остается открытым и требует дальнейшей разработки.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В качестве атрибутов информационно-психологической войны выступают понятия: субъект (инициатор), актор, объект и мишень. Субъект информационно-психологической войны (он же инициатор) – это носитель сознания и деятельности, конкретный человек или группа людей, организующих операции информационно-психологической войны. Актор – исполнитель, действующее лицо. Актор и субъект могут совпадать, но могут представлять собой разных индивидуумов или организации. Под объектом понимается сознание тех, на кого направлено речевое воздействие с целью изменения этого сознания в нужном для субъекта-агрессора направлении, под мишенью – та сторона действительности, которая так или иначе связана с объектом и подвергается дискредитации для того, чтобы воздействовать определенным образом на объект.

Интенции актора (коммуникативные целеустановки) относятся к смысловой стороне формирования текста и рассматриваются в качестве его определяющих свойств. При условии, что целеустановка осознана, и верно подобраны языковые средства её воплощения, поставленная цель высказывания будет достигнута, воздействие на сознание воспринимающего будет осуществлено. Среди интенций акторов информационно-психологических войн выделяются аксиологические, под которыми понимаются ценностные целевые установки автора текста, которыми последний проникнут. Аксиологические интенции имеют свое содержание и языковое выражение.

Для воплощения своей интенции актор использует определенные коммуникативные стратегии, тактики и приёмы. Приём – это способ языковой организации высказывания или текста, реализующий некую тактику. Коммуникативная (речевая) тактика рассматривается как речевое действие, соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи

этого этапа. Использование речевой тактики или некоторой их совокупной последовательности призвано обеспечить осуществление речевой стратегии. Стратегия – общий план, или общая линия речевого поведения, определяемая коммуникативной целью. Коммуникативные стратегии инициаторов информационно-психологической войны определяются целями нанесения населению противной страны тяжелой культурной травмы, внедрения чужеродных ценностей, приводящее к разрушению культурного пространства и духовных основ, на которых держится любое общество. В качестве основной коммуникативной стратегии инициаторов и акторов информационно-психологической войны видится стратегия дискредитации мишеней, для реализации которой используются тактики подрыва доверия, умаления авторитета, унижения, осмеяния и им подобные. Сегодня в работах лингвистов не отмечается четкой разработанности иерархии коммуникативных (речевых) стратегий современной информационно-психологической войны. Этот вопрос остается открытым и требует дальнейшей разработки.

Глава 3. ЯЫК ВНУТРИРОССИЙСКИХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЙН В ИХ ЖАНРОВОЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ

3.1. Жанровая представленность внутрироссийских информационно-психологических войн

В настоящее время в русистике сложилась целая область исследований – жанроведение [Бахтин, 1996; Богин, 1997; Гольдин, 1999; Дементьев, 2010; Долинин, 1999; Кожина, 1999; Седов, 1999, 2002; Федосюк, 1997; Шмелёва, 1998]. Помимо разработки проблем общей теории речевых жанров проводятся исследования отдельных жанров [Алексеева, 2013; Вахштайн, 2014; Воркачев, 2014; Джандалиева, 2012; Дубровская, Кормилицына, 2002; Ермакова, 2013; Истомина, 2008; Казачкова, 2005; Копцева, 2014; Симян, 2013]. Существует группа научных работ, посвященных жанрам средств массовой информации [Бобков, 2005; Воронцова, 2012; Дускаева, 2012, 2014; Осетрова, 2012; Сковородников, Копнина, 2013; Тertyчный, 2000, 2010].

Значительная роль в определении речевых жанров принадлежит М. М. Бахтину, согласно которому «использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности». Определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний автор называет речевыми жанрами. «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому, что в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» [Бахтин, 1996: 159]. По В. А. Салимовскому, под литературным жанром понимается «исторически складывающийся и развивающийся тип литературного произведения (художественного,

публицистического, научного и др.), например, роман, монография, репортаж и т. д.» [Салимовский, 2006: 56–57, 352–354]. Понятие речевого жанра является, таким образом, родовым по отношению к понятию литературного жанра. В нашем исследовании будем говорить о жанрах литературных и, более конкретно, о жанрах журналистики, именно тех, в которых чаще чем в других представлена информационно-психологическая война. Приемлемым для нашей работы видится определение жанра журналистики как формы текста, характеризующейся «устойчивыми чертами, зависящими от специфики реализуемого замысла, типом представления содержания адресату, наличием или отсутствием отличительных композиционно-речевых признаков» [Культура русской..., 2007: 183]. Вслед за А. А. Тертычным, мы разделяем жанры периодической печати на информационные, аналитические и художественно-публицистические [Тертычный, 2000]. Обобщение результатов анализа примеров (Приложение А) показало, что в наименьшей степени элементы ИПВ представлены в группе информационных жанров, хотя её следы можно встретить в любом из них. Примерами информационных жанров могут послужить тексты жанров «заметка» и «вопрос-ответ».

В заметке под заглавием «В Грозном совершено нападение на Игоря Каляпина» (материал ежедневного журнала «Грани.ру» от 16.03.2016) рассказывается о нападении на главу Комитета по предотвращению пыток Игоря Каляпина. Как только по приезду в город Игорь Каляпин устроился в отеле «Грозный Сити», к нему в номер пришел администратор с вооруженными полицейскими и выселил его из гостиницы. Рядом с Каляпиным в этот момент находилась журналист Радио Свобода. На выходе из отеля молодые люди в гражданской одежде напали на Игоря Каляпина, избили его, закидали яйцами. После нападения глава КППП в сопровождении полицейских поехал в УМВД по городу Грозному. В Грозном Каляпин находился в связи с инцидентом, который произошел 9 марта вблизи чеченско-ингушской границы. Инцидент заключался в

следующем. В районе поселка Орджоникидзевская в Ингушетии на членов Сводной мобильной группы КППП напали неизвестные. Микроавтобус, на котором правозащитники и журналисты ехали из Ингушетии в Грозный, сожгли, корреспондентов избили. Позже Владимир Путин поручил Министерству внутренних дел выяснить все обстоятельства нападения и дать правовую оценку происшедшего. Работа по раскрытию преступления взята на контроль руководством МВД. По факту нападения были возбуждены уголовные дела. Во вторник к расследованию нападения на правозащитников и журналистов в Ингушетии подключилось МВД Чечни.

В материале присутствуют элементы ИПВ. Это, например, абзац, в котором просматривается факт перекладывания ответственности на пострадавшего Игоря Каляпина за инцидент, случившийся ранее (9 марта вблизи чеченско-ингушской границы) с членами Сводной мобильной группы КППП:

*«При этом уполномоченный по правам человека при главе Чечни Нурди Нухажиев назвал нападение в Ингушетии **"пиаром с политическим" подтекстом** (так у автора – О.Ф.), цель которого - вызвать негативный общественный резонанс. Чеченский омбудсмен заявил, что **за организацией нападения стоит председатель КППП Игорь Каляпин**. "Я его не обвиняю, я говорю, что **это его почерк**", – сказал Нухажиев»* [Грани.ру..., 16.03.2016] (выделено нами – О. Ф). В приведенном примере в рамках стратегии дискредитации представителей Комитета по предотвращению пыток использована «тактика инверсии фактического положения вещей (перекладывания “с больной головы на здоровую”）」 [Сковородников, Королькова, 2015: 165].

Еще пример. В рубрике «Вопрос-Ответ» (материал газеты «Аргументы и факты» от 11.08.2015) поставлен вопрос *«Как в Россию попадают санкционные продукты?»*, на который отвечает эксперт. В ответе эксперта содержатся признаки ИПВ, а именно, дискредитируется вся система государственных властных структур, включая Президента: *«Санкционные*

продукты попадают на территорию России, иногда минуя таможенную <...> Виною тому прозрачные границы со многими странами СНГ. Это, однако, не отменяет вопросов к торговым инспекциям и другим инстанциям, которые проверяют поступающий на прилавки товар <...> Вопрос в том, смогут ли чиновники вышеперечисленных ведомств с этим справиться, если они оказались не в состоянии пресечь проникновение этих продуктов на рынок? <...> В целом в этой ситуации проявились некомпетентность и разгильдяйство российского бюрократического аппарата. Непонятно, например, чем занимается армия президентских помощников и других сотрудников администрации, если они проморгали указ, который вызывает такую негативную реакцию общества» [Аргументы и факты, 11.08.2015] (речь идет, вероятно, об Указе Президента № 320 от 24.06.2015 О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации – О. Ф.). В данном отрывке текста используется стратегия дискредитации государственной власти. Автор ведет тактику обвинения российских чиновников, бюрократического аппарата, администрации Президента. При этом используются такие приёмы, как риторический вопрос («сможут ли чиновники вышеперечисленных ведомств с этим справиться, если они оказались не в состоянии пресечь проникновение этих продуктов на рынок?»); слова с отрицательной оценочной коннотацией («некомпетентность и разгильдяйство», в том числе эпитеты – «бюрократического аппарата», «негативную реакцию общества»).

Интересно сопоставить данный материал со статьей из «Новой газеты» от 10 августа 2015 года под заглавием «Пища для мозгов», предметом которой также является актуальная ситуация, связанная с продуктами питания. Подзаголовок «В чем отличие Великой депрессии от продуктовой агрессии» заявляет собой противопоставление сегодняшней ситуации с продуктами в России и ситуации так называемой Великой депрессии в Америке в начале XX века.

В статье явно присутствует манипулятивная стратегия дискредитации. Для ее реализации используются различные тактики и приёмы. В следующем абзаце прослеживается тактика анализ-«минус»: *«Увидев, что шокирующее зрелище уничтожаемых продуктов не нравится 87% россиян, пиарщики Кремля срочно озаботились поиском аналогов и оправданий»*. Для дискредитации представителей правительственных учреждений задействовано саркастическое описание их деятельности, чему способствует употребление эпитетов (*шокирующее зрелище*), разговорной лексики (*пиарщики*), насмешки (*срочно озаботились*), обличения (*озаботились поиском аналогов и оправданий*). Тактика обвинения проходит красной линией через всю статью. Обвиняются российские журналисты в некомпетентности: *«"В годы Великой депрессии – сообщает нам, к примеру, блогер и журналист Алексей Осин, – американское государство стояло на стороне уничтожителей... помогало им с оружием в руках... для того, чтобы защитить капиталистический строй". Тут, что называется, перефразируя профессора Преображенского, – не читайте за завтраком советских учебников. И за обедом – тоже»*. Обвиняется правительство Советского Союза: *«Советское правительство платило АРА омерзительной клеветой и пыталось вместо пшеницы выцыганить у международного сообщества деньги, чтобы содержать на них Коминтерн»*. С другой стороны по отношению к действиям государства США в эпоху Великой депрессии применяются тактики анализ-«плюс», выгодной презентации (представления в привлекательном виде), отвода критики (приведения аргументов, оправдывающих действия и поступки). Это видно из следующих фрагментов.

«Не надо забывать и о деятельности American Relief Administration (ARA), которая помогала послевоенной Европе и СССР». Здесь компания «American Relief Administration» представлена как положительный герой послевоенного времени, помогающий своим пострадавшим союзникам.

«Многие читатели этих строк живут на свете только потому, что американцы накормили их прадедов». В данном фрагменте представлено безосновательное суждение о том, что продовольственная помощь американцев гражданам СССР в послевоенный период явилась единственно возможным спасением от голодной смерти.

Или – «был принят Agricultural Adjustment Act 1933 г. Его главной идеей была поддержка американского фермера — то есть бедной многодетной семьи, которая на последние деньги купила трактор, распахала землю, — а теперь цена на сельскохозяйственную продукцию упала, рынки рухнули, границы закрыты. Зерно выкупали у фермеров и уничтожали. Свиней, которых нечем было кормить на Великих Равнинах, закапывали в землю. Деньги за все это брались, между прочим, с перерабатывающих компаний, то есть с тех самых капиталистов, которых правительство Рузвельта неустанно проклинали <...> Agricultural Adjustment Act был принят вовсе не затем, чтобы защитить «с оружием в руках капиталистов». Ровно наоборот: он был принят для защиты фермеров от этих самых капиталистов, то есть перерабатывающей промышленности, норовившей скупить избытки зерна, — или, на Великих Равнинах, — скот, который стало нечем кормить, — за гроши <...> Экономическая политика президента Рузвельта является одним из потрясающих примеров деструктивного мема, завладевшего целой страной. Американский избиратель требовал от государства вмешаться в экономику. Чем больше оно вмешивалось, тем хуже становились дела, но чем хуже становились дела, тем больше массовый избиратель — член профсоюза, рабочий, фермер — требовал вмешательства. Agricultural Adjustment Act был ярким примером такого вмешательства. Государство брало деньги с «кулаков» — переработчиков — и отдавало их «бедноте», несчастным фермерам, что, помимо всего прочего, нарушало конституцию США». Большая часть статьи посвящена описанию того, как правительство США, несмотря на интересы состоятельных слоев общества и даже вопреки конституции, защищало интересы обедневших

фермеров. Иными словами, автор статьи максимально подчеркивает, что правительство другой страны сумело справиться с трудностями в какой-то мере напоминающими сегодняшние российские проблемы. И сразу после этого автор проводит сравнение мотивов политики администрации президента США и мотивов политики администрации президента России (*«ААА был направлен на защиту бедняка. Мотивы администрации президента США того времени не имеют ничего общего с мотивами нынешней администрации президента России, которая пытается запугать Запад тем, что будет «бомбить Воронеж»* [Новая газета, 10.08.2015]), сравнение, которое выставляет правительство России в невыгодном свете и дискредитирует его. Таким образом, данный аналитический материал представляет собой один из элементов информационной войны, направленной против России, отраженный в печатных СМИ.

В большей степени, чем в группе информационных жанров, элементы ИПВ содержатся в жанрах художественно-публицистических.

Пример из «Новой газеты» от 18.04.2016 под заглавием «Правило ответки в России: если вы совершили вольнодумство – засеки 3,5 месяца, она прилетит». Материал оформлен как пародия на научную статью, о чем говорит употребление якобы научной терминологии: *«Ответку вообще часто описывают в терминах механики Ньютона, так что явление это, скорее всего, физическое – вроде колебаний в атмосфере»*, *«Изучение ответки носит междисциплинарный характер и находится на стыке физики и политической науки»*. При этом использованы художественные средства выразительности: метафоры (*политическая неблагонадежность <...> толкает атмосферный фронт против преступного либерала*), авторские окказионализмы (*таинственное явление, известное как **ответка***), эпитеты (*в результате **излишнего и несанкционированного** проявления **недозволенных** свобод наступает **точечное** усиление реакции*), сравнения (*явление это, скорее всего, физическое – вроде колебаний в атмосфере*). В данном материале обнаруживается тактика анализ-«минус»: *«В начале*

февраля Национальная медиагруппа заявила о том, что «Известия» должны стать «более респектабельной газетой» и отредила от дел Арама Габрелянова. За несколько месяцев до этого «Известия» продемонстрировали недостаточную гибкость при следовании вдоль генеральной линии партии. В то время как линия давно указывала в направлении Ближнего Востока, колумнисты издания настойчиво продолжали спасать русскоязычное население Украины. Это было признано самоволкой»; тактика безличного обвинения: «На прошлой неделе в офисе ОНЭКСИМ прошли крупнейшие как минимум с начала эпохи стабильности обыски. Они проводились с целью явной демонстрации отсылки, и немедленно породили слухи о том, что Прохорову намекают: что пора поделиться РБК с более благонадежным собственником»; тактика обличения: «В январе разгорелся конфликт между Минфином и руководителем Росимущества Ольгой Дергуновой – последняя резко возражала против идеи экстренной распродажи подешевевших госактивов на дне рынка. Спустя три месяца Дергунова покинула свой пост» [Новая газета, 18.04.2016]. Названные тактики реализуют стратегию дискредитации государственной власти.

Другой пример. Материал о новом российском уполномоченном по правам человека – «Омбудсмен специального назначения» из «Новой газеты» от 22.04.2016. Автор статьи критикует выбор власти – назначить российским уполномоченным по правам человека генерал-майора МВД, депутата Госдумы от «Справедливой России» Татьяну Москалькову. После приведения статистических аргументов («За нее проголосовали 323 депутата», «депутат Госдумы от ЛДПР Сергей Калашиников (140 голосов)», «97 голосов получил депутат Госдумы от КПРФ Олег Смолин») и применения тактики обличения («Новый омбудсмен <...> поддерживала в Госдуме все «антиправозащитные» законы: «закон Димы Яковлева», закон об «оскорблении чувств верующих», закон об НКО – «иностранцах», закон об ужесточении правил проведения митингов и

демонстраций и об усилении ответственности за участие в «несогласованных» публичных акциях, закон об ответственности за «пропаганду гомосексуализма») в русле реализации стратегии «на понижение» используется анекдот: «...с учетом законодательных тенденций последних лет, направленных на создание препятствий на пути реализации конституционных прав, – все чаще вспоминается известный анекдот советских времен о том, что **в СССР не было нарушений прав человека. Потому что у человека не было никаких прав**» [Новая газета, 22.04.2016].

Очевидно, приемлемыми жанрами для ИПВ являются сатирические, например, анекдот или памфлет.

Анекдот – это короткий шуточный рассказ с забавным, смешным содержанием и неожиданным острым концом, без которого трудно себе представить современное межличностное общение. Бытовавший главным образом за пределами сферы массовой информации в годы перестройки анекдот перешел на страницы газет и журналов. Так, в рубрике «О серьёзном с улыбкой ...» газеты Тамбовского областного отделения КПРФ «Наш голос» встречаем анекдот: *«Испытывая полную солидарность с господином Грызловым, предлагаю не только отменить строку "ПРОТИВ ВСЕХ" в избирательных бюллетенях, но и вообще отменить там все строки, кроме одной правильной»* [Наш голос. № 48 (686), 02.12.2010].

В издании «Газета.ru» находим целую статью, посвященную анекдотам о Сталине – «Что общего у Сталина и Моисея? (О жанре политического анекдота на примере анекдотов о Сталине)». В материале прослеживается история политического анекдота в России, связанная с именами руководителей страны, приводятся примеры:

- *«Чем отличается Сталин от Ленина? Тем, что у Ленина Надежда жива, а у Сталина Надежда умерла;*
- *«Однажды ночью Ленин вышел из мавзолея и нанес визит Сталину. «Так-так, ну и как тут у вас, товарищ Сталин?» «Отлично, просто замечательно! – похвастался Сталин. – Я приближаюсь к*

завершению первого пятилетнего плана, и весь народ со мной». «Конечно, – сказал Ленин, – еще пять таких лет, и весь народ будет со мной»;

- *«Пушкин – это наше все, Церетели – это наше везде, а Путин – наше всегда»;*

- *«Рекламная акция Центризбиркома: «Выбери Путина дважды и получи на третий срок бесплатно» [Газета.ru, 12.05.2013].*

В приведенных примерах прослеживается стратегия дискредитации первых лиц государства. Используемые тактики – обвинения, высмеивания; приёмы, с помощью которых достигается эффект – ирония, сарказм, игра слов (двойное значение слова «надежда»), аллюзия.

Приведем пример памфлета. Памфлет (греч. *pam̃ fhlego* – 'все испепеляю') – сатирическое произведение, нацеленное на осмеяние определенных человеческих пороков и уничтожение тех героев, которые представляются автору носителями опасного общественного зла. Материал Э. Лимонова из газеты «Завтра» от 09 марта 2015 года под заглавием «Битва за труп Немцова». Сатирическое острие памфлета направлено против либералов, что иллюстрируют фразы:

«... при жизни Немцов был лишней картой, путался под ногами у претендентов на лидерство ультра-либералами. Не составлял конкуренции, но отбирал часть сторонников от Каспарова, потом от Навального. Откусывал»;

«Ультра-либералы с пеной у рта, истерично воя, не оставляют надежды сделать Путина ответственным за убийство этого никому не нужного, пережившего себя плейбоя-политика»;

«Касьянов (из вполне умеренного оппозиционера ещё в 2006-ом), под влиянием истеричных дружков ультра-либералов превратившийся сам в истерика, тоже заявляет, что Немцова убила власть по политическим мотивам» [Завтра, 09.03.2015].

На первом месте по частоте использования жанров в целях ИПВ находятся жанры аналитические. Согласно А. А. Тертычному, общая задача

текстов, в основе которых лежит аналитический способ отображения, состоит в том, чтобы разъяснять суть различных общественных событий, явлений, показывать их значимость и тенденции развития, критиковать неэффективные или вредные пути достижения тех или иных целей [Тертычный, 2010: 28]. Аналитические жанры удобны для убеждения адресата в чем-либо: в необходимости изменить мнение или в необходимости действовать определенным образом. Приведем примеры жанров аналитической корреспонденции, общеисследовательской статьи, аналитической версии.

Аналитическая корреспонденция содержит в себе сообщение о некотором событии или явлении, как в примере из «Новой газеты» от 14 марта 2016 года – о нападении на журналистов и правозащитников на границе Чечни и Ингушетии, произошедшем 9 марта 2016 года. Материал имеет заглавие – «Вопрос пунктуации». Событие описано, представлен его анализ, в котором четко прослеживается стратегия обличения Рамзана Кадырова и чеченских властей, обвинение их в политике «неблагоприятствования» журналистам и правозащитникам, что отражено в следующих фрагментах.

«Целью теракта, по всей видимости, был имам мечети Хамзат Чумаков. Чумакова объединяет с правозащитниками «Комитета по предотвращению пыток» один немаловажный факт: все они объявлены «личными врагами» Рамзана Кадырова». В данном фрагменте наличествует приём «чтение в сердцах»: автор сообщает о цели теракта, опираясь при этом на свое личное мнение, о чем свидетельствует вводный компонент *«по всей видимости»*, выражающий оценку степени достоверности 'предположение / возможность'. *«Немаловажный факт»* подается без ссылки на источник. Таким образом, из содержания текста не следует, что таковой факт действительно имел место, а не является результатом, например, заблуждения автора.

«С 19 февраля по 9 марта этого года за свою профессиональную деятельность в Чеченской республике пострадали 9 журналистов — российских и иностранных. Трое были незаконно задержаны сотрудниками чеченской полиции, у них были конфискованы все отснятые материалы». Проверить на соответствие действительности все утверждения, заключенные в данном фрагменте, невозможно. Информация же подается как достоверный факт.

Во фрагменте *«... в своей отчаянной попытке восстановить рухнувший информационный «железный занавес», власти республики решились на крайние меры, объявив, по сути, всем журналистам войну. И этот факт надо осознать. В том числе потому, что журналисты в Чечню ездить не перестанут. Рамзан Кадыров и его окружение надолго стали золотоносной новостной жилой, а опасность никого из журналистов никогда не останавливала. Наоборот, подстегивала»* красочно представлено противостояние «Рамзан Кадыров – журналисты». Первая фраза данного отрывка полна оценочных средств: использованы эпитеты (*«отчаянной попытке»*, *«рухнувший»*), фразеологизм (*«решились на крайние меры»*), метафора (*«железный занавес»*). То есть фрагмент является оценочным суждением, но предлагается аудитории (уже в следующем предложении!) как факт, который *«надо осознать»*. Автор для утверждения данного положения использует экспрессивную лексику (*«власти республики решились на крайние меры, объявив, по сути, всем журналистам войну», «стали золотоносной новостной жилой», «опасность <...> не останавливала. Наоборот, подстегивала»*). Статья заканчивается побуждением правительства РФ к радикальным действиям: *«А Кремль, от которого зависит выбор запятой в предложении «казнить Рамзана нельзя помиловать», пока еще не определился с пунктуацией»* [Новая газета, 14.03.2016]. Опираясь на свое собственное видение ситуации, как на аргумент, автор призывает журналистов *«взвесить на своих внутренних весах все риски»*. Здесь использованы лексические средства создания модальности:

аргумент выражается в виде мнения (мнение не является аргументом, так как не может быть проверено на соответствие действительности), вывод выражается глаголом «должен»: *«должны взвесить», «Они должны понимать»*.

В тексте также прослеживается причинно-следственное моделирование ситуации: автор выражает свое предположение (*«Целью теракта, по всей видимости, был...»*), на основании своего предположения делает вывод (*«власти республики решились на крайние меры»*), на основании полученного вывода заключает, что в Чечне отныне ведется война с журналистами (*«отныне поездка в Чечню – это поездка на войну»*), и в итоге, основываясь на вышеизложенном, намекает государственной власти, как ей следует проводить политику в отношении граждан (*«Кремль, от которого зависит выбор запятой в предложении «казнить Рамзана нельзя помиловать», пока еще не определился с пунктуацией»*). Таким образом, с использованием манипулятивных тактик и приёмов в данной аналитической корреспонденции осуществляется стратегия дискредитации органов управления Чечни и конкретно Рамзана Кадырова.

К группе общеисследовательских статей относятся публикации, в которых анализируются общезначимые вопросы. Примером может послужить статья из «Новой газеты» от 10 августа 2015 года под заглавием «Пища для мозгов», которая призывает к осмыслению ситуации с продуктами питания, сложившуюся в связи с санкциями со стороны Запада против России (см. Приложение Б «Перечень текстов, из которых взяты примеры для текста диссертации» и анализ, данный выше – в сравнении со статьей газеты «Аргументы и факты» от 11.08.2015 «Как в Россию попадают санкционные продукты?»).

Жанр аналитической версии базируется на неполных доказательствах, на предположениях автора, на методе исследования действительности, определяемом как «домысел». Домысел становится неизбежным, когда журналист реконструирует неизвестные детали какого-то в целом достоверно

известного события. Версия показывает направление размышлений автора публикации, предоставляет аудитории информацию о возможных причинно-следственных связях отображаемых событий, дает варианты прогноза их дальнейшего хода. Примером является материал под заглавием «Зачем разгромили ФМС с ФСКН и создали Национальную гвардию» из «Новой газеты» от 08.04.2016. В публикации четко прослеживается стратегия «на понижение» – стратегия дискредитации высшего руководства страны. Автор, исследуя процесс переустройства силовых ведомств, выдвигая различные предположения, использует тактики обвинения (*«при всех последних реформах силового блока никто и никогда не думал о его основной функции: обеспечении безопасности граждан и комфортном их проживании на вверенной нынешней власти территории»*), высмеивания (*«МВД вот уже несколько лет сокращают, да так, что кроме начальников, почти никого не осталось»*), «Соловьева с Киселевым и «Давай поженимся» на всех не хватит, а выборы в парламент – вот они»), обличения (*«реформа не такая уж неожиданная. Давайте вспомним, для чего создавалась ФСКН. Новому (тогда еще) президенту нужна была спецслужба, подконтрольная ему лично, – чтобы можно было решать проблемы, которые в начале президентства нельзя было доверить никому: ни МВД, ни ФСБ»*). В ход идут различные манипулятивные приёмы: например, ссылка на неконкретный источник – *«Как справедливо замечено комментаторами, срочно требуется корпус жандармов — причем преданных лично»*. Используются также всевозможные средства языка, обеспечивающие воздействующую функцию: эпитеты (*«что же на самом деле оказалось создано на деньги разгромленных ведомств»*, *«заполонившие фейсбук панические комментарии»*, *«нового большого силового начальника с труднопроизносимой должностью»*), метафоры (*«ассортимент тех, кто щекочет нервы обывателя картинками с войн и войнушек за пределами России, практически исчерпан»*, *«ведомство Бастрыкина – СКР – очень вовремя подхватило валяющееся знамя политического сыска»*, *«от*

бывших хорошо упакованных в офиорном смысле союзников», «зеленые пацаны», «дикая дивизия»), экспрессивная лексика («всенепрременно», «картинками с войн и войнушек»), риторические вопросы («Но что будет после внезапной реформы с массой пылящихся уголовных дел, возбужденных зачастую по надуманным предлогам сотрудниками ФСКН? Что будет с наркотрафиком, для которого Россия давно уже превратилась в хорошо освещенную автомагистраль?») [Новая газета, 08.04.2016].

Итак, тексты информационно-психологической войны представлены информационными, аналитическими и художественно-публицистическими жанрами. Ведущими среди них являются аналитические, которые удобны для убеждения адресата в чем-либо: используя почти в равной степени информационную функцию и воздействующую, оказывают влияние и на сознание общественности, и на чувства. Художественно-публицистические (сатирические) жанры памфлет и анекдот, по природе своей предназначенные для ведения ИПВ, уступают по частотности аналитическим жанрам. К периферийным жанрам ИПВ относятся информационные жанры периодической печати.

Во всех перечисленных группах жанров печатных СМИ осуществляется коммуникативная стратегия дискредитации мишеней ИПВ, в реализации которой чаще других используются тактики обвинения (в том числе и безличного), обличения, высмеивания, безосновательных суждений, неподтвержденной информации, инверсии фактического положения дел.

Результаты обследования примеров показывают, что в текстах ИПВ используется также стратегия оправдания субъектов или акторов информационно-психологической войны. Для этого применяются тактики выгодной презентации, оправдания, отвода критики.

Для реализации тактик ИПВ наиболее часто используются следующие средства:

- лексические (экспрессивная лексика, слова с отрицательной оценочной коннотацией в данном контексте, лексические средства создания модальности, окказионализмы, фразеологизмы, политические ярлыки);

- стилистические – тропы и фигуры речи (сравнения, эпитеты, метафоры, метонимия, гипербола, ирония; антитеза, оксюморон, эллипсис, силлепсис, трансформация прецедентного текста; представление диалога, ответствование, цитаты, аллюзия, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение);

- жанровые приёмы (приёмы сатирических жанров: ирония, насмешка, сатира, сарказм, элементы пародии);

- манипулятивные речевые приёмы (умолчание, селекция и фрагментация информации, искажение (вплоть до откровенной лжи), «чтение в сердцах» через несобственно-прямую речь, оценочные суждения, намёк, причинно-следственное моделирование, ссылка на неопределенный источник, прием бездоказательного утверждения, смешение фактологической информации, перенос мнения небольшой группы на мнение большинства, придание информации характера неотложности или сенсационности). Данные приёмы проиллюстрированы в вышеприведенных примерах, а также в примерах, вынесенных в Приложение Б «Перечень текстов, из которых взяты примеры для текста диссертации».

3.2. Аксиология информационно-психологических войн

«Ценность», будучи одним из ключевых понятий современной общественной мысли, используется в социологии, психологии, культурологии, филологии для обозначения объектов и явлений, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих благодаря этому как эталон должного. «Ценность» является центральным понятием аксиологии, специальной философской дисциплины, исследующей как собственно данную категорию, так и характеристики,

структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, природу и специфику ценностных суждений. Содержание понятия «ценность» большинство исследователей определяют через признаки, свойственные всем формам общественного сознания: значимость, нормативность, полезность, необходимость, целесообразность. Все ценностные суждения скрывают за собой отсылку к некоему стандарту. Иными словами, всякая оценка дает возможность сравнения: сравнивается норма (стандарт) и оцениваемое явление [Столович, 2004: 91].

Формирование мирового сообщества, вырабатывающего общие ценностные ориентиры, является причиной широкого распространения аксиологической науки на современном этапе общественного бытия. Ценности понимаются в различных научных направлениях по-разному. Как отмечает Л. Н. Столович, понятие ценности исследовалось с позиций психологического подхода (А. Мейнонг, Дж. Сантаяна), в аспекте натуралистической аксиологии (Р. Б. Пери, Дж. Дьюи), с точки зрения социологии (М. Вебер, Э. Дюркгейм); логико-семантический и семиотический анализ ценности осуществляли Дж. Мур, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Ф. де Соссюр, Ч. Моррис; аксиология в феноменологической философии Э. Гуссерля, М. Шелера, Н. Гартмана, Г. Шпета, М. Дюфренна выявила одну из важнейших аксиом аксиологии – интенциональность ценностного отношения [Столович, 2004: 88].

Аксиологический лингвистический анализ текста позволяет рассматривать текст как достаточное смысловое пространство для интерпретации закономерностей и ценностных смыслов человека и общества. Современные исследования показывают, что базовые ценности сегодня позиционируются как ценности-цели и ценности-средства. Так, Н. М. Лебедева, используя результаты исследований в области психологии с привлечением знаний из философии, этнографии и литературы, выделяет в качестве ценностей-целей русских людей на рубеже двадцатого-двадцать первого столетий «здоровье», «семью», «любовь», «свободу», «уверенность в

себе», «дружбу», «материальную обеспеченность»; в качестве ценностей-средств – «твердую волю», «честность», «независимость», «предприимчивость», «самоконтроль», «образованность».

Наиболее почитаемыми ценностями в разных группах обследуемых респондентов выявлены «семья», «здоровье», «дружба», «верность», «интеллект», «внутренняя гармония» [Лебедева, 2016].

С юридических позиций А. И. Овчинников выделяет «смыслжизнеобразующие ценности, то есть, те ценности, которые могут лежать в основе самых главных целей человеческой жизни, целей, которые каждый человек призван достигать: любовь к ближнему, любовь к Родине, истина, добро, мир, покой, тишина, красота, чувство долга и совесть. Все материальные ценности: комфорт, здоровье, благополучие, достаток, сытость – только средство для достижения высших ценностей» [Овчинников, 2012].

По итогам психолого-социальных исследований В. С. Магун и М. Г. Руднев описывают базовые ценности россиян в европейском контексте 2010-х годов. Авторы определяют ценности как убеждения человека в значимости (или важности) лично для него некоторого объекта или явления (индивидуальные ценности). И данное определение, по мнению авторов, не противоречит рассмотрению убеждений человека как социально детерминированных. Ценности человека не идентичны поступкам, но при определенных условиях они способны подтолкнуть его к практическим действиям, направленным на воплощение этих ценностей в жизнь. По итогам исследований авторы представляют сегодняшнего россиянина как человека, у которого выражена потребность в защите со стороны сильного государства, которому характерна высокая осторожность (или даже страх), у которого слабее выражены потребности в новизне, творчестве, свободе и самостоятельности и ему менее свойственны склонность к риску, стремление к веселью и удовольствиям, чем европейцу [Магун, Руднев, 2010: 5–22].

Понятия «ценности» и «оценки» тесно взаимосвязаны. Под «оценкой» обычно понимают «суждение о ценности» [Вольф, 1985: 6]. Исследованию

«оценки» посвящены работы многих ученых [Арутюнова, 1988, 1999; Вольф, 1985; Ивин, 1970, 2006; Карасик, 1994; Крейдлин, 1993; Никитин, 2003].

Общефилософское осмысление оценки показывает, что оценка формируется как аспект деятельности и поведения человека в социуме и является своеобразной характеристикой объекта через призму отношения к нему субъекта. Оценочное отношение закрепляется в словарной дефиниции объекта [Кувинова, 2005: 6]. Проблема оценки рассматривается в современном языкознании как один из важнейших аспектов описания содержательной стороны языковых единиц [Арутюнова, 1999; Слышкин, 2000; Карасик, 2004].

По определению Н. Д. Арутюновой, оценка есть особый когнитивный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта [Арутюнова, 1988].

Понятие «оценка» на сегодняшний день не имеет однозначного толкования в лингвистике. В самом общем виде под оценкой понимается «результат оценочной деятельности индивида, выраженный вербально», то есть «закрепленное в высказывании или элементах языковой системы отношение говорящего к предмету речи с точки зрения противопоставления “положительное | отрицательное”» [Ильюшина, 2001: 24]. Согласно Е. М. Вольф, оценка имеет свои особенности: она рассматривается как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения; оценка содержится в семантике слов, входящих в высказывание; при абсолютной оценке речь идет об одном оценочном объекте (хорош он или плох), при сравнительной оценке имеются по крайней мере два объекта или два состояния одного и того же объекта (объекты сравниваются в терминах «лучше / хуже») [Вольф, 1985: 11–21].

С точки зрения лингвопрагматики А. Ф. Папина рассматривает категорию оценки как важную текстообразующую категорию [Папина, 2002: 267]. Авторская оценка наблюдаемых или воображаемых явлений, событий и

объектов действительности проявляется в создаваемом им тексте. Среди интенций автора, реализуемых в тексте, выделяются аксиологические, иначе говоря, оценочные интенции, что существенно для нашего исследования. Важно, как автор воспринимает и оценивает то или иное явление: текст формируется авторской точкой зрения на объекты изображения [Гинзбург, 1974; Гончарова, 1984; Кухаренко, 1988].

Аксиологическую интенцию мы определяем как эмоционально-ценностную направленность авторского сознания на объекты реальности с намерением показать аудитории их значимость. В процессе реализации аксиологической интенции появляется языковое выражение оценки, удостоверяющее качество ценности объекта оценивания, несущее определенный ценностный смысл.

Процесс исследования аксиологических интенций актора ИПВ (автора текста ИПВ) может опираться на разработанную нами на основе теоретических положений лингвистов [Арутюнова, 1999; Вольф, 1985; Ивин, 1970; Серебренникова, 2008] структурную модель акта информационно-психологической войны, связанного с некоторой аксиологической интенцией:

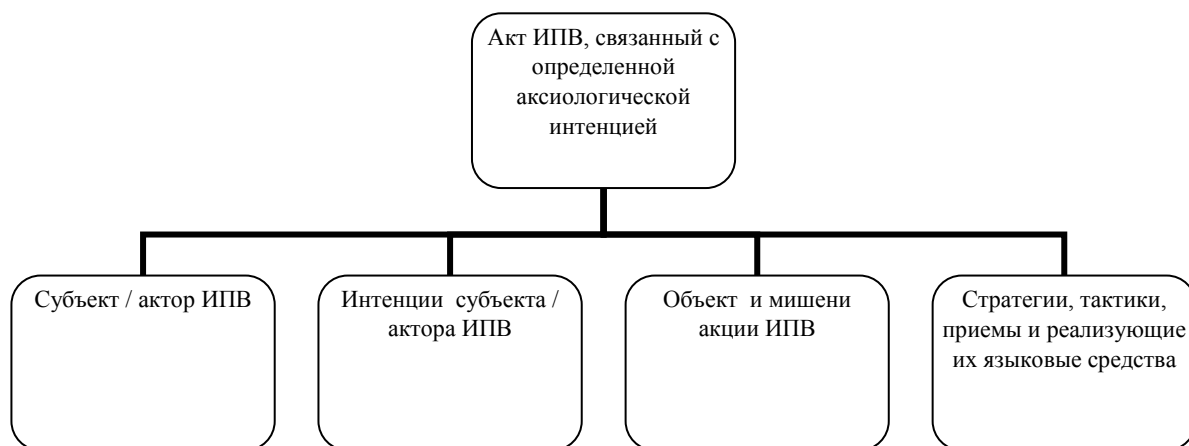

Рисунок 2 – Модель акта ИПВ, связанного с аксиологической интенцией

Под субъектом / актором ИПВ, имеющим определенную аксиологическую интенцию, мы подразумеваем автора текста. Интенции субъекта / актора ИПВ могут быть различными. Среди них –

аксиологические интенции. Объект и мишени акции ИПВ – это дискредитируемые объекты, которые подвергаются оценке, когда автор сосредотачивает на этих объектах свою аксиологическую интенцию (намерение выразить оценочное суждение). Стратегии, тактики, приёмы и реализующие их языковые средства предназначены для воплощения аксиологической интенции актора ИПВ и, следовательно, для осуществления акта ИПВ, связанного с определенной аксиологической интенцией.

Схема связи авторской аксиологической интенции и некоторой ценности может быть представлена следующим образом:

Рисунок 3 - Связь авторской аксиологической интенции и ценности

Из рисунка 3 явствует, что ценности (глубинная мотивационная база убеждений, поведения человека и обычаев общества) формирует ценностные смыслы (мировоззренческие константы понятийного или образного характера), порождающие некоторые авторские аксиологические интенции. Аксиологические интенции воплощаются в тексте при помощи языковых средств, которые создают некоторое оценочное высказывание (речевую актуализацию оценки).

Так, автор текста статьи «Признаков дефолтного сепаратизма в стране пока не наблюдается» из «Независимой газеты» от 24.08.2015 описывает агрессивную политику США по отношению к России, проявляющуюся в целеустановке на «раскол экономической целостности». В тексте нагнетается

негативное настроение при помощи экспрессивно-оценочных средств, например, многократно повторяемой и обыгрываемой фразы *«сломать хребет российского правительства»*. С одной стороны, последовательно показано, что Россия сегодняшняя не похожа на Россию 90-х годов XX-го столетия: она крепче и увереннее в политическом и экономическом плане. С другой стороны, детально описываются (в шести из восьми примерно равных по объему абзацев) примеры сепаратистских настроений, связанных с экономикой, имевших место в истории страны. Аксиологическая интенция автора – дать отрицательную оценку российской власти, политике и экономике. Негативная оценка выявляется из следующих фрагментов:

- «политики в Вашингтоне *«нацелены на то, чтобы **сломать хребет** российского правительства»* (лексико-фразеологическое средство);

- «*Явные признаки экономического раскола в России уже отмечались»*); «*Российская империя и СССР уже демонстрировали склонность к распаду»* (средства лексического уровня: «уже» – наречие, указывающее на то, что обсуждаемое явление имеет место, осуществлено);

- «*Многочисленные признаки экономического сепаратизма проявлялись и в современной России в начале 90-х и особенно во время экономического кризиса 1998 года»*; «*Самые яркие проявления экономического сепаратизма – это попытки выпуска региональных валют»*; «*Волна экономического сепаратизма во время дефолта 1998 года во многом оказалась даже сильнее, чем в начале 90-х, когда создавалась так называемая Уральская республика с собственной валютой – уральским франком»* (средства лексического и синтаксического уровней: словосочетание, в состав которого входит слово «сепаратизм», имеющее негативную коннотацию);

- «*экономический раскол*», «*хребет российского правительства*», «*волна экономического сепаратизма*» (средства лексического и синтаксического уровней: метафоры, фразеологизмы);

- «*“Дефолт 1998 года был результатом неразумной политики макроэкономической стабилизации. А нынешний кризис – это системный тупик экспортно-сырьевой модели экономики, который наше правительство пытается разрешить по принципу тришкиного кафтана”*», – указывает руководитель Центра по международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Алексей Арбатов») (средство текстового уровня: цитация) [Независимая газета, 24.08.2015].

Согласно модели акта информационно-психологической войны (см. рисунок 2), в данном материале актором аксиологической интенции выступает автор статьи – Михаил Сергеев, заведующий отделом экономики «Независимой газеты», представитель оппозиционной российской прессы. Объект, который выделяется субъектом авторской аксиологической интенции, – это экономика РФ. Языковые средства объективации аксиологической интенции в исследуемом случае – это средства лексического, лексико-синтаксического и текстового уровней: лексема «сепаратизм» встречается в тексте девять раз, его синонимы – «раскол», «распад», «расчленение» и однокоренные с ними – десять раз (текст состоит из 646 слов); частотны словосочетания оценочно-негативной направленности – «дефолтный сепаратизм», «экономический раскол», «раскол России», «склонность к распаду», «страна раскалывалась по крайней мере дважды», «волна экономического сепаратизма», «системный тупик», «экспортно-сырьевая модель экономики»; есть два фразеологизма: «тришкин кафтан» (ироничное разговорное выражение, обозначающее такое положение дел, при котором устранение одних недостатков влечёт за собой возникновение новых, пришло из басни И.А. Крылова) и «сломать хребет» ('безжалостно расправиться с кем-либо, уничтожить, победить кого-либо' [Фразеологический словарь..., 2013: 234, 290]); основа же цитат, приводимых в статье, – другие тексты. Ценностные смыслы авторской оценки – пессимистичная система взглядов на государственное устройство РФ,

неверие в будущность России, видение положения дел только с мрачной стороны. Коммуникативная цель автора – убедить читателей в том, что у России нет будущего.

Другой пример. Фельетон из «Новой газеты» под заглавием «Машиноместо в Кремле» (подзаголовок – *«В политике у нас всё – очевидное, в экономике – невероятное»*). В небольшом по объёму тексте (415 слов) автор затрагивает, по крайней мере, три злободневные темы – сегодняшние проблемы России во внешней и внутренней политике, финансирование «президентских проектов» на фоне кризиса и дефицита, проблемы отечественного автопрома. Последняя тема – в фокусе актора ИПВ.

Субъект аксиологической интенции здесь – автор фельетона Борис Бронштейн, писатель, собственный корреспондент издания «Новая газета». Объект текстовой реальности, на который направлена авторская интенция, – проект автомобиля «Кортеж». Характер интенции связан с оценкой, в данном случае – отрицательной. Для оценки использованы стилистические средства языка – ирония, насмешка, языковая игра. Например, анекдот: *«Приезжаю я в Урюпинск и вижу: из трамвая выходит Карл Маркс». – «Да ладно врать! Когда это в Урюпинске трамваи пустили?»*.

Аксиологическая интенция автора текста – выразить скепсис и критическое отношение к проекту «Кортеж». Средства, которые автор использует для этого – средства лексического, синтаксического и текстового уровней языка. Речевая актуализация оценки в данном случае – стилистические приёмы (*«Ну где вы еще такое прочитаете»* – риторический вопрос, *«очевидное - невероятное»* – реминисценция), языковая игра (*«... ”Правда ПФО”. ПФО – это Приволжский федеральный округ, а правда – это правда, ее ни с чем не спутаешь»*), цитаты (*«На инаугурацию 2018 года Путин приедет на автомобиле чебоксарского производства»* – цитата из газеты «Правда ПФО»). Ценностный смысл авторской интенции – устоявшееся скептическое отношение к отечественной автомобильной промышленности; ценность – достижения в области промышленного

производства страны, подвергающиеся в данном газетном материале осмеянию. Этот текст становится текстом ИПВ, прежде всего, потому, что Б. Бронштейн постоянно говорит нечто негативное о России и ее правительстве, а также потому, что эта публикация сделана в «Новой газете» с ее антироссийской модальностью.

Как показывает практический материал исследования, аксиологические интенции акторов информационно-психологических внутрироссийских войн направлены на разрушение главных ценностей в сознании российских граждан: русский этнос, русская идея, православие, русский язык, русская культура, русская земля, русская семья.

3.3. Языковые маркеры аксиологических интенций, реализуемых в текстах внутрироссийских информационно-психологических войн

Языковые маркеры – это отдельные средства разных уровней языка, которые благодаря своему языковому значению способны указывать на наличие в сознании субъекта речи определенного содержания, которое по тем или иным причинам не получило в тексте своего специального вербального выражения [Гладкая, 2008].

Языковые маркеры аксиологических интенций акторов ИПВ (далее – АИА ИПВ) – средства разных уровней языка, указывающие на намерение адресанта выразить негативную оценку мишени ИПВ. АИА ИПВ часто не получают в тексте эксплицитного выражения, поскольку актер использует манипулятивные тактики и приемы, то есть заведомо скрывает свои намерения и целеустановки. Однако в ходе лингвистического анализа текста становится возможным выявление средств, указывающих на АИА ИПВ, принадлежащих разным уровням языка (определение единиц уровней дано по [Ахманова, 1969: 94, 214, 240–241, 347, 426, 470, 494, 502–503]):

- фонемный (фонема – минимальная единица звуковой системы языка);

- морфемный (морфема – наименьшая единица системы выражения значения / смысла);
- лексический (лексема – это слово как структурный элемент языка);
- синтаксический (словосочетание, предложение или фраза: словосочетание – соединение двух или более знаменательных слов (вместе с относящимися к ним служебными словами), созданное для выражения единого понятия или представления; предложение – грамматически и интонационно оформленная целостная единица речи, главное средство формирования, выражения и сообщения мысли о некоторой действительности и отношении говорящего к этому; фраза – 1) наименьшая самостоятельная единица речи, актуализованная единица общения; 2) интонационное единство, отрезок речи между двумя паузами; 3) один из законченных по смыслу отрезков речи). К синтаксическому уровню мы относим такое построение высказываний фигуративного типа, в основе которого лежит какая-либо синтаксическая модель, определенным образом организующая лексические единицы определенной семантики;
- текстовый (текст – произведение речи, зафиксированное на письме).

План содержания аксиологических интенций автора – это комплекс мишеней оценивания. План выражения аксиологических интенций автора – языковые и речевые средства выражения оценочных суждений об объектах / мишенях оценивания. Аксиологические интенции в тексте могут быть выражены локально, эпизодически, либо в эмоционально-оценочных развернутых контекстах. Они могут выражаться имплицитно или эксплицитно. Автор обнаруживает свои симпатии и антипатии, свою оценку изображаемого мира в условиях разных типов речи: монологической, диалогической, в описаниях событий и т. д. Субъект аксиологической интенции использует многообразные средства разных уровней языка, давая негативную оценку мишени ИПВ.

Пример. Памфлет «В защиту Конституции, или филолог как последний ополченец» из «Новой газеты» от 18.04.2016. Подзаголовок статьи – «О

манифесте главы Следственного комитета Бастрыкина». Автор (Гасан Гусейнов, представляющий себя филологом, специалистом, вынужденным отстаивать конституционные устои РФ) ведет речь о содержании статьи Александра Бастрыкина, председателя Следственного комитета РФ, опубликованной в газете «Коммерсантъ», посвященной методам борьбы с экстремизмом в России. (Действительно, в газете «Коммерсантъ» от 18.04.2016 находим статью А. Бастрыкина «Пора поставить действенный заслон информационной войне», имеющую подзаголовок *«Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин – о методах борьбы с экстремизмом в России»*). Аксиологическая интенция автора материала, которого мы рассматриваем как актора ИПВ, – направленность авторского сознания на дискредитацию представителя правительства Российской Федерации. В качестве главной стратегии актор ИПВ использует стратегию дискредитации, в качестве тактик, обеспечивающих осуществление этой стратегии, – иронию, сарказм (*«политика приобретает черты клоунады, политологи становятся сатириками, сатирики — психиатрами, юристы — просят к ним в пациенты»*); обвинения, сделанные в оценочной тональности (*«глава Следственного комитета г-н Бастрыкин выступил в газете «Коммерсантъ» со статьей, призывающей, по-моему, к подрыву конституционного строя России»*); авторскую оценочную антитезу (*«Задача руководителя Следственного комитета — расследовать, кто виноват в этом конкретном нарушении п. 5 ст. 13 Конституции РФ, а не препятствовать такому расследованию с помощью публикаций в СМИ»*). На самом деле в тексте А. Бастрыкина нет никакого призыва к подрыву конституционного строя. Председатель Следственного комитета РФ в качестве одной из мер противодействия экстремизму предлагает создание концепции идеологической политики государства. Цитата: *«Базовым её (концепции идеологической политики государства – О. Ф.) элементом могла бы стать национальная идея, которая по-настоящему сплотила бы единый многонациональный российский народ. В концепции можно было бы*

предусмотреть конкретные долгосрочные и среднесрочные меры, направленные на идеологическое воспитание и просвещение нашего подрастающего поколения. Именно сознательная устойчивость к радикальной религиозной и иной идеологии подобного рода могла бы выбить фундамент, на котором строятся современные экстремистские идеологии. При наличии такой защиты даже самое щедрое финансирование дестабилизации обстановки в России извне окажется бесполезным» [Коммерсантъ, 18.04.2016].

Языковые средства выражения оценки в материале об А. Бастрыкине – преимущественно стилистические. Речевая актуализация оценки – высказывания оценочно-негативной направленности. Ценностные смыслы авторской оценки – пессимистичная система взглядов на правительство и государственное устройство РФ. Ценности, подвергающиеся разрушению, – государственная власть и единство России. Актор ИПВ целит в конкретную мишень – в А. И. Бастрыкина, председателя Следственного комитета РФ, генерала юстиции, предлагающего способы борьбы с экстремизмом и терроризмом на территории России. Объектом же информационно-психологической войны в данном случае является общественное сознание россиян.

Единицы анализа материала, собранного в ходе нашего исследования из оппозиционных государственной власти источников, демонстрируют стратегию дискредитации объектов и мишеней ИПВ. Одновременно осуществляется стратегия апологетики антироссийских политических сил: движений, партий и организаций, а равно и отдельных личностей более или менее авторитетных, настроенных враждебно по отношению к России. Однако в рамках настоящего исследования, в силу его небольшого формата, стратегия апологетики не рассматривается. Языковыми маркерами стратегии дискредитации, в первую очередь, являются тематика и семантика текстов. Отметим также, что названная стратегия реализуется главным образом в

аналитических жанрах, а именно: в жанрах комментария, корреспонденции, интервью, версии, журналистского расследования, статьи.

Языковыми маркерами тактик и приёмов, реализующими стратегию дискредитации мишеней и объектов ИПВ, являются преимущественно стилистические средства языка, в частности тропы, фигуры выделения и фигуры диалогизма.

По итогам анализа единиц наблюдения (по поводу маркированности аксиологических интенций акторов ИПВ) нами отмечено, что:

- маркеры фонемного уровня отсутствуют в текстах корпуса примеров;
- АИА ИПВ маркированы на лексическом и синтаксическом уровнях во всех исследуемых жанрах ИПВ;
- маркеры текстового уровня наиболее часто встречаются в таких жанрах как анекдот, фельетон, памфлет, статья.

Кроме языковых средств АИА ИПВ отмечены использованием речевых средств, к которым мы относим коммуникативные (речевые) стратегии, тактики и приёмы, а также речевые жанры текстов ИПВ. Например, жанры фельетон и памфлет.

Проиллюстрируем данные таблицы на коротких примерах.

Языковые маркеры морфемного уровня

Из памфлета И. Яковенко «Акт национального унижения №14»: *«И тут выяснилось, что организаторы напрасно боялись, поскольку блестящий народный протестант Мельниченко, который в Интернете смотрелся чуть ли не Каспаровым или Травкиным, тут вдруг задал вполне себе **верноподданический** вопрос про то, почему вопреки воле президента закрывают больницы и школы. Путин, **естественно, ответил, что это нехорошо и он разберется**»* (здесь ирония – О. Ф.) [Ежедневный журнал, 15.04.2016]. Эпитет «верноподданический» создан путем словосложения сложно-суффиксальным способом.

Из статьи М. Ганапольского «Русь, куда ж несешься ты? В эмиграцию...»: *«...святость образа снижалась наличием дворца, угодьев и*

знаменитого шубохранилища; а когда выяснилось, что его сын получил наконец-то британское гражданство, стало понятно, что все статьи об Отчизне писались для тех же лохов, за которых г-н Якунин принимал своих немногочисленных читателей. Ну а дальше произошло то, что хорошо известно: Крым, который «наш», Донбасс, который уже почти «не наш». Теперь есть Сирия, которая, судя по истошным телевизионным крикам, и есть место, откуда пошла русская земля.

Это все те места, где русскому человеку предлагается сложить кости.

А если ты дома, то есть санкции, давилово тушек уточек и сыров тракторами» [Московский комсомолец, 20.10.2015]. Два слова – «шубохранилище» и «давилово» (новообразования способами словосложения и суффиксации) – приобретают в данном контексте резко отрицательные коннотации, маркируют аксиологическую интенцию актора (автор данной статьи Матвей Ганапольский, по нашим наблюдениям, систематически выступает актором ИПВ. – О. Ф.) дать отрицательную оценку действиям представителей государственной власти.

Языковые маркеры лексического уровня

Из аналитического комментария С. Соколова «Зачем разгромили ФМС с ФСКН и создали Национальную гвардию»: «Как справедливо замечено комментаторами, срочно требуется корпус жандармов – причем преданных лично. И чтобы защищал он даже не столько от стихийных пикетчиков (для них есть статья в Уголовном кодексе имени Дадина) (Ильдар Ильдусович Дадин – российский оппозиционный гражданский активист, первый осуждённый по статье 212.1 Уголовного кодекса РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (включена в УК РФ в июле 2014 года) – О. Ф.), сколько от бывших хорошо упакованных в офшорном смысле союзников...» [Новая газета, 08.04.2016]. «Жандармами» здесь названа созданная по инициативе Президента Национальная гвардия.

Слово «жандарм» означает человека, находящегося на службе в жандармерии, то есть в особых полицейских войсках, выполняющих роль политической охраны и сыска ([Большой толковый..., 2000: 299]), употреблено в контексте в самом негативном значении.

Заглавие статьи З. Бурской и А. Копачева из «Новой газеты» от 13.05.2016 – *«Заливают не пожары, а на совещании у президента»* включает игру слов на лексическом уровне – глагол в форме «заливают» употреблен сразу в двух значениях: «заливать» – (1) 'заливать, тушить водой огонь, пожар' и (2) 'заливать, обманывать, лгать, рассказывать небылицы' [Большой толковый..., 2000: 330–331]. В тексте речь идет о крупных пожарах на территории Сибири и Дальнего Востока, а также о том, как именно чиновники докладывают о ситуации с пожарами Президенту: *«начальник Национального центра управления в кризисных ситуациях МЧС России Виктор Яцуценко ... уверенно заявил, что в Амурской области, Бурятии и Забайкалье пожары тушат 45 воздушных судов. Однако в тот же день Авиалесоохрана ... сообщила только о 20 самолетах и вертолетах <...> Представители Забайкалья и Бурятии, которые стали лидерами (так у автора текста – О. Ф.) по местным пожарам в прошлом году, убеждали президента, что держат ситуацию под контролем. Еще в конце апреля эти регионы жаловались на многомиллионную кредиторскую задолженность, образовавшуюся во время тушения пожаров в прошлом году, на то, что им могут арестовать счета, на то, что денег на авиатрулирование хватит в лучшем случае на половину сезона. Но президенту сказать об этом постеснялись ... Глава Рослесхоза Иван Валентик напомнил, что в этом году ведомство, наконец, может перебрасывать собственных специалистов по тушению пожаров в самые проблемные регионы еще до введения режима чрезвычайной ситуации, но не объяснил, почему это не помогло предотвратить катастрофу в Амурской области. Глава МЧС Владимир Пучков докладывал долго, много раз упоминал об «энергичной работе», которую проводит ведомство, но ничего конкретного так и не сказал»*

[Новая газета, 13.05.2016]. В данном материале дискредитируются представители правительства РФ, используется тактика выражения сомнений в искренности и правдивости высказываний диффамируемой мишени.

Языковые маркеры синтаксического уровня

Из аналитического комментария Н. Митрохина «Русский златоустный»: *«На прошлой неделе на заседании одной из структур Московской патриархии - Патриаршего совета по культуре - было объявлено, что по инициативе президента Путина и под председательством патриарха Кирилла в России воссоздается Общество русской словесности (ОРС). Фигура Кирилла в данном контексте дает немало поводов для иронии. Доклад об учреждении общества был частично скопирован референтами Кирилла из Википедии. Сам докладчик, в свое время не сумевший окончить среднюю школу, словесным искусством не блещет. Среди своих он изъясняется на какой-то причудливой смеси неуклюжих славянизмов с советским канцеляритом»* [Грани.ру, 15.03.2016]. Мишенью ИПВ в данном материале является Патриарх Кирилл. Автор статьи сразу заявляет об ироничном отношении к значимой для многих граждан РФ персоне (*«Фигура Кирилла в данном контексте дает немало поводов для иронии»*). Далее для дискредитации мишени используется тактика анализ-«минус»: язык Патриарха уничижительно описан следующим образом – *«он изъясняется на какой-то причудливой смеси неуклюжих славянизмов с советским канцеляритом»* (здесь использованы стилистические средства (например, эпитеты *«причудливой смеси неуклюжих славянизмов с советским канцеляритом»*). Отметим также, что в данном тексте, по нашему мнению, встречается тактика безосновательных суждений вплоть до откровенной клеветы (*«Доклад об учреждении общества был частично скопирован референтами Кирилла из Википедии»; «докладчик, в свое время не сумевший окончить среднюю школу, словесным искусством не блещет»*).

Языковые маркеры текстового уровня

Здесь в качестве примеров можно использовать как фрагменты статей, так и целые статьи (в широком смысле этого термина):

- *« – Что общего у Сталина и Моисея? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин – из Политбюро»; «В 1980-е годы вызывают Ивана Ивановича Иванова в партком. Там ему говорят: «У вас, Иван Иванович, такая репутация: во время войны вы были партизаном, вы старый член партии. Но вот вам все время приходят посылки из Израиля. Как вы можете это объяснить?» Иван Иванович отвечает: «Во время войны я прятал двух евреев, они выжили и теперь шлют мне продуктовые посылки из Израиля». «Это очень, конечно, здорово, что вы так хорошо выполнили свой интернациональный долг, но вообще нужно и о будущем подумать». На что Иван Иванович отвечает: «А я и думаю о будущем, вот сейчас прячу у себя двух китайцев» [Сайгонов И., Стеженская Л. «Что общего у Сталина и Моисея?» // Газета.ru от 12.05.2013];*
- Ганапольский М. Русь, куда ж несешься ты? В эмиграцию... // Московский комсомолец от 20.10.2015;
- Бронштейн Б. Машино-место в Кремле // Новая газета от 27.04.2016;
- Шендерович В. Березовский. Вослед // Ежедневный журнал от 11.04.2013.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Элементы информационно-психологической войны представлены так или иначе и в информационных, и в аналитических, и в художественно-публицистических жанрах российской прессы. Ведущими жанрами в этой сфере являются аналитические. К периферийным относятся жанры информационные.

Во всех группах публицистических жанров реализуется основная стратегия дискредитации. В качестве дискредитируемых мишеней

информационно-психологической войны выступают базовые ценности российского общества. В реализации данной стратегии особенно часто используются тактики обвинения, безличного обвинения, обличения, высмеивания, безосновательных суждений, неподтвержденной информации, инверсии фактического положения дел.

Воплощение актором информационно-психологической войны какой бы то ни было стратегии проистекает из общего замысла и конкретных интенций, среди которых выделяются аксиологические. Аксиологическая интенция определяется как эмоционально-ценностная направленность авторского сознания на объекты реальности с намерением продемонстрировать их значимость (положительную или отрицательную). В процессе актуализации аксиологической интенции актора информационно-психологической войны появляется языковое выражение оценки, удостоверяющее качество ценности мишени оценивания, несущее определенный ценностный смысл.

Под субъектом аксиологической интенции подразумевается автор текста информационно-психологической войны. Под объектом интенции – объект реальности, который подвергается оценке. Оценка может быть положительная или отрицательная, общая или частная, может быть выражена эксплицитно либо имплицитно. Аксиологические интенции часто не получают в тексте эксплицитного выражения, поскольку актор, используя манипулятивные тактики и приёмы, заведомо скрывает свои намерения. Языковыми средствами объективации аксиологической интенции являются средства разных уровней языка, преимущественно лексического и синтаксического. Речевыми средствами, воплощающими аксиологическую интенцию актора информационной войны, являются речевые стратегии и тактики, приёмы их реализующие, а также жанр текста.

Выявление аксиологических интенций актора информационно-психологической войны представляется немаловажным делом в процессе обеспечения безопасности граждан России и противостояния

информационным атакам. Лингвоаксиологический анализ, будучи инструментом раскрытия истинных намерений инициаторов и акторов информационно-психологической войны, позволяет выявить реальные интенции авторов подобных текстов, чему способствует ориентация на определенные маркеры – средства разных уровней языка, указывающие на коммуникативную целеустановку адресанта. Языковые маркеры фонемного уровня отсутствуют в текстах обследованного корпуса примеров. Аксиологические интенции акторов информационно-психологической войны особенно часто отмечены языковыми маркерами лексического и синтаксического уровней в текстах всех встречающихся жанров. Маркерами текстового уровня отмечены аксиологические интенции в текстах, допускающих, согласно жанру, употребление цитат, а также в текстах жанров, изначально предназначенных для негативной оценки – это анекдот, фельетон и памфлет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня действующие лица, планирующие и осуществляющие информационно-психологические атаки, вооружены технологиями, оказывающими воздействие на психику человека помимо его сознания. Главная цель информационно-психологической войны заключается в том, чтобы повлиять на идеологического противника, при этом надежно защитив свои собственные информационные ресурсы от любого враждебного воздействия.

В соответствии с гипотезой наше исследование показало, что общий обзор современных работ по проблематике информационно-психологических войн демонстрирует неполноту раскрытия их лингвистического аспекта. Наряду с глубокими исследованиями отдельных вопросов существуют лакуны в разработке таких проблем, как мишени и объекты информационных войн, их стратегии и тактики, аксиология, а также жанровая и языковая представленность текстов информационно-психологической войны в средствах массовой информации.

В российских публикациях по теме информационной войны исследуются вопросы политического дискурса в аспекте информационной агрессии, психологических манипуляций, языковых маркеров этнической нетерпимости, использования политических метафор. Что касается жанровых и собственно языковых средств информационно-психологической войны, то они только затрагиваются некоторыми авторами по ходу более подробного изложения других вопросов.

Важными атрибутами информационно-психологической войны выступают понятия субъекта (инициатора), актора, объекта и мишени.

Акторы информационно-психологических войн имеют различные интенции в отношении объектов и мишеней воздействия, в том числе аксиологические, под которыми понимаются ценностные целевые установки актора как автора текста, воздействующего на реципиента. Аксиологические

интенции имеют свое содержание и выражение. Для воплощения той или иной интенции акторы используют определенные коммуникативные (речевые) стратегии, тактики и приёмы. Коммуникативные стратегии инициаторов информационно-психологической войны определяются целями нанесения населению противной страны тяжелой культурной травмы, внедрения чужеродных ценностей, которое приводит к разрушению культурного пространства и духовных основ общества.

В качестве основной коммуникативной стратегии инициаторов и акторов информационно-психологических войн является стратегия дискредитации мишеней, для реализации которой используются тактики подрыва доверия, умаления авторитета, унижения, осмеяния, обвинения, обличения, безосновательных суждений, неподтвержденной информации, инверсии фактического положения дел и им подобные.

Тексты информационно-психологической войны представлены так или иначе в разных жанрах российской прессы: информационных, аналитических, художественно-публицистических. Ведущими жанрами в этой сфере являются аналитические (комментарий, корреспонденция, интервью, версия, журналистское расследование, статья). Хотя памфлет и анекдот уступают по частотности аналитическим жанрам, они вряд ли могут быть отнесены к периферийным, поскольку по природе своей они более других предназначены для использования в информационно-психологической войне. К периферийным относятся жанры информационные (заметка, репортаж, вопрос-ответ).

Средствами объективации аксиологических интенций акторов информационно-психологической войны являются, во-первых, средства разных уровней языка, преимущественно лексическо-фразеологического; во-вторых, речевые средства: речевые стратегии и тактики, речевые жанры, риторические приёмы – тропы и фигуры.

Основные языковые и речевые средства, используемые в текстах информационно-психологической войны, следующие:

- лексические (экспрессивная лексика, слова с отрицательной оценочной коннотацией в данном контексте, лексические средства создания модальности, окказионализмы, фразеологизмы, политические ярлыки);

- стилистические – тропы и фигуры речи (сравнения, эпитеты, метафоры, метонимия, гипербола, ирония; антитеза, оксюморон, эллипсис, силлепсис, трансформация прецедентного текста; представление диалога, ответствование, цитаты, аллюзия, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение);

- жанровые приёмы (приёмы сатирических жанров: ирония, насмешка, сатира, сарказм, элементы пародии);

- манипулятивные речевые приёмы (умолчание, селекция и фрагментация информации, искажение (вплоть до откровенной лжи), «чтение в сердцах» через несобственно-прямую речь, оценочные суждения, намёк, причинно-следственное моделирование, ссылка на неопределенный источник, прием бездоказательного утверждения, смешение фактологической информации, перенос мнения небольшой группы на мнение большинства, придание информации характера неотложности или сенсационности).

В качестве возможностей противодействия информационно-психологическим войнам предлагаются следующие:

- в лингвистическом аспекте: необходимость разработки речевых технологий и методов противодействия информационным атакам;

- в плане защиты государственного русского языка: разработка и внедрение специальной программы, нацеленной на противостояние манипулятивному речевому воздействию со стороны противника;

- в аспекте высшего образования: введение спецкурсов для студентов гуманитарных (в частности, филологических) специальностей по проблемам речевой агрессии и манипуляции общественным сознанием;

- в направлении популяризации русской литературы и языка на территориях, прилежащих к границам государства: система мероприятий

культурного характера (фестивали, молодежные и детские праздники, письменные конкурсы);

- в области внутренней государственной политики: расширение диалога между государственной властью и народом, поскольку политическое доверие относится к числу ключевых позиций, определяющих устойчивость и эффективность политической системы.

Дальнейшее исследование языковых особенностей информационно-психологической войны видится, во-первых, в расширении предмета исследования за счет текстов Интернета; во-вторых, в уточнении набора как общих языковых маркеров ИПВ, так и специфических для отдельных жанров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. В. Информационное сопровождение деятельности вооруженных сил в современных конфликтах // Власть, 2014. № 6. С. 35–39.
2. Алексеева А. В. Документ как речевое произведение официально-деловой коммуникации: жанровый канон и речевая практика (на примере обращения граждан в официальные инстанции) // Филология и человек, 2013. № 2. С. 51–63.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 869 с.
5. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.
6. Байниязов Р. С. Конституционное сознание и правовая культура в российском обществе // Правовая культура, 2007. № 1 (2). С. 4–9.
7. Баранов А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание): Новое в жизни, науке и технике: Серия № 9. Лекторское мастерство. М.: Знание, 1990.
8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
9. Беляев Д. Разруха в головах. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2015. 256 с.
10. Бец М. В. Аксиологическая соотнесенность текста информационно-аналитической статьи и комментария в виртуальном пространстве рунета: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кемерово, 2013. 21 с.
11. Блинов А. Л. Общение. Звуки. Смысл. М.: Гнозис, 1996. 282 с.

12. Блохин И. Н. Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретации толерантности // Гуманитарный вектор. Серия: Политология. 2014. № 3 (39). С. 110–115.
13. Бобков А. К. Газетные жанры: учебное пособие. Иркутск: Иркутский университет, 2005. 64 с.
14. Богданов В. В. Теоретические основания опережающего анализа социальных противоречий как информационное противодействие угрозам терроризма // Информационное противодействие угрозам терроризма, 2013. № 21. С. 6–16.
15. Богин Г. И. Речевой жанр как средство индивидуации // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 12–22.
16. Богоявленская Ю. В. Воздействующий потенциал парцеллированной конструкции в политическом медиатексте // Политическая коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26.09.2013. Гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. С. 45–49.
17. Болгов Р. В. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях: политические аспекты: автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. СПб., 2011. 21 с.
18. Бронников И. А. Будущее политических Интернет-технологий: два сценария развития // Власть, 2014. № 1. С. 46–49.
19. Брусницын Н. А. Информационная война и безопасность. М.: Вита-Пресс, 2001. 280 с.
20. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006. 215 с.
21. Бухарин С. Н., Цыганов В. В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический Проект, 2007. 382 с. (Социально-политические технологии).

22. Буровский А. М. Россия будущего. М., 2010. С. 49. – цит. по: Ткаченко С. В. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2011. 224 с.
23. Васильев А. Д. Изображение информационно-психологической войны в литературно-художественных текстах // Политическая коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26.09.2013. Гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. С. 67–71.
24. Вахштайн В. Производство ценностных суждений URL: www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/59/5.pdf (дата обращения: 05.11.2014).
25. Власова М. Г. Разведка в начале XXI века: основные вызовы эпохи // Национальная безопасность и стратегическое планирование, 2014. Вып. 2 (6). С. 17–21.
26. Волковский Н. Л. Журналистика в информационных войнах: Исторические истоки и современные тенденции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2003. 641 с.
27. Володина М. Н. Язык массовой коммуникации – особый язык социального взаимодействия // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 27–47.
28. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
29. Воркачев С. Г. Карнавализация лингвоидеологемы «народ» в речевом жанре русского анекдота // Жанры речи, 2014. № 1–2 (9–10). С. 107–113.
30. Воронцова Т. А. Телевизионная дискуссия как жанр дискурса СМИ // Язык СМИ и политика. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 612–633.
31. Герасименко Т. В. Выборы: юридическая и политическая природа явления // Гражданское общество и правовое государство, 2013. Т. 1. С. 6–9.

32. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974. 320 с.
33. Гладкая Е. Ф. Языковые маркеры невербальных смыслов в лирике: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2008. 182 с.
34. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 4–7.
35. Гончарова Е. А. Пути лингвистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте. Томск: Изд-во Томского университета, 1984. 149 с.
36. Грейг О. Тайная доктрина Третьего рейха, или Во что верил Адольф Гитлер. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 400 с.
37. Григорьева О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 248 с.
38. Губарев А. Б. Информационные войны как объект политологического исследования: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Уссурийск, 2005. 170 с.
39. Даренский В. Ю. Тоталитаризм как экзистенциальный феномен // Гуманитарный вектор. Серия: Политология, 2014. № 3 (39). С. 122–129.
40. Дедушкина Т. А. Языковая игра: современное состояние вопроса // StudiaLinguistica. Випуск 6, 2012. С. 88–92.
41. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
42. Демьянков В. З. Язык СМИ и тексты политического дискурса // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 374–393.
43. Джандалиева Е. Ю. Портретное интервью как жанр речевого общения: некоторые особенности коммуникативного поведения участников (на материале немецкого языка) // Научный диалог, 2012. № 12. Филология. С. 86–101.

44. Дзюба Е. В. Интеллект политика как категория русского «наивного» сознания // Политическая лингвистика, 2014. № 3 (49). С. 185–192.
45. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 8–14.
46. Дугин А. Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 424 с.
47. Дубровская Т. В., Кормилицына М. А. Некоторые прагматические характеристики речевых жанров «осуждение» и «обвинение» // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 271–281.
48. Дускаева Л. Р. Политический анализ в прессе: жанрово-стилистический аспект // Язык СМИ и политика. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 441–495.
49. Дускаева Л. Р. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров // Жанры речи, 2014. № 1–2 (9–10). С. 50–57.
50. Евстафьева А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тамбов, 2009. 26 с.
51. Еремеева Ю. В. Мнимое завещание Петра I, его история и значение. М., 2006 URL: http://www.historichka.ru/works/petr_I_zaveshanie/ (дата обращения: 12.03.2016).
52. Ермакова Е. С. Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-02/403-a> (дата обращения: 05.08.2015).

53. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (ещё раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи, 2013. № 1(9). С. 75–81.
54. Ефимова Н. Н. Ценность: слово, понятие, концепт // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее и будущее (Иркутск, 23–24 мая 2006 г.): материалы международной научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2006. С. 82–86.
55. Жаде З. А. Российская цивилизационная идентичность в меняющемся мире // Власть, 2014. № 4. С. 54–58.
56. Завадский И. И. Информационная война – что это такое? // Защита информации. «Конфидент», 1996. № 4. – цит. по Расторгуев С. П. Формула информационной войны URL: <http://www.rc-analitik.ru/file/%7B76a67493-79d7-450b-be1d-87c430f27d0f%7D> (дата обращения: 19.02.2015).
57. Зобнин А. В. Информационная сила в международной политике: основы анализа // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ в 10-ти томах. Т. 6: Новые тенденции в мировой политике. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 50–59.
58. Иванов В. Ф. Социальная информация и её свойства // Филологические науки, 2008. № 4. С. 96–107.
59. Иванова Г. Ф. Ментальные сферы языка: оценка: монография. Уфа: БГПУ, 2007. 124 с.
60. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970. 230 с.
61. Ивин А. А. Аксиология. М.: Высшая школа, 2006. 390 с.
62. Ильин В. В. Аксиология. М.: Изд-во МГУ, 2005. 216 с.
63. Ильюшина С. С. Лексические средства положительной оценки человеческих качеств: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 180 с.

64. Ильясова С. В. Игровые способы и примеры выражения социальной оценочности в языке современных российских СМИ // Политическая лингвистика, 2014. № 1 (47). С. 60–64.
65. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
66. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
67. Истомина А. Е. Фельетон как жанр политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2008. 192 с.
68. Каган М. С. Философская теория ценности: курс лекций. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.
69. Казаков А. А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика, 2013. № 3 (45). С. 87–90.
70. Казачкова Ю. В. Речевой жанр «соболезнование» в личностном и официальном общении (на материале русскоязычных сайтов сети Интернет) // Жанры речи: Сборник научных статей. Вып. 4: Жанр и концепт. Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», 2005. С. 410–420.
71. Каменская О. Л. Текст и коммуникация: учебное пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 152 с.
72. Капуловский А. В. Определение приоритетов безопасности личности и государственной безопасности при принятии управленческих решений // Национальная безопасность и стратегическое планирование, 2014. Вып. 2 (6). С. 26–29.
73. Кара-Мурза С. Г. Евроцентризм: эдипов комплекс интеллигенции (Серия: Тропы практического разума). М.: Алгоритм, 2002 URL: http://www.kara-murza.ru/books/evr_centra/evr_centra.htm (дата обращения: 06.04.2015).

74. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. 3-е изд. М.: Академический проект, 2015. 358 с. (Социально-политические технологии) [Кара-Мурза, 2105a]
75. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015. 464 с. [Кара-Мурза, 2105б]
76. Карапетян А. А., Тагильцева Ю. Р. Игра на понижение: последствия информационно-психологической войны и религиозный экстремизм // Политическая лингвистика, 2013. № 4 (46). С. 256–261.
77. Карасик В. И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология-Philologica, 1994. № 3. С. 2–7.
78. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
79. Карасик В. И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика, 2014. № 1 (47). С. 65–75.
80. Карпова А. А. «Царь» и «король» в метафорах власти (на материале русского, английского и французского языков) // Политическая коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26.09.2013. Гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. С. 128–132.
81. Карпова А. Ю. Императивы информационной политики // Информационное общество. 2014. № 2. С. 10–16.
82. Карпова А. Ю. Информационная аномия: выбор на грани фолла // Власть, 2014. № 1. С. 41–45.
83. Ким Л. Г. Интерпретация содержания политического текста рядовыми носителями русского языка // Политическая коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26.09.2013. Гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. С. 154–160.

84. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. М., 2008. 57 с.
85. Клушина Н. И. Медиастилистика // Экология языка и коммуникативная практика, 2014. № 2. С. 69–77.
86. Кобец П. Н. Совершенствование антитеррористической деятельности – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность и стратегическое планирование, 2014. Вып. 3 (7). С. 4–7.
87. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
88. Кобозева И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 221–236.
89. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 55–84.
90. Козырева П. М., Смирнов А. И. О границах политического доверия // Власть, 2014. № 5. С. 5–10.
91. Коморовская Т. В. Основы информационной культуры: учебное пособие по изучению курса для студентов направлений подготовки 080200.62, 080100.62, 080400.62, 221400.62, 030300.62, 035700.62, 034700.62, 040400.62 очной и заочной форм обучения. Красноярск: СибГТУ, 2012. 246 с.
92. Константинов В. М. Элиты судебной ветви власти современной России: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2005. 158 с.
93. Концепция внешней политики Российской Федерации URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 25.02.2015).

94. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 176 с.
95. Копцева В. А. Политический меморандум как речевой жанр // Политическая лингвистика, 2014. № 1 (47). С. 175–180.
96. Кошкин А., Атоян Т. Взаимодействие российской власти и бизнеса в условиях санкций // Власть, 2015. № 1. С. 200–205.
97. Краснова Т. И. Анализ политического дискурса: подходы и категории // Политическая лингвистика, 2013. № 2 (44). С. 46–54.
98. Крейдлин Г. Е. Таксономия и аксиология в языке и тексте: Предложения таксономической характеристики // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 30–40.
99. Кувинова Н. Б. Семантика и прагматика смыслового пространства положительной оценки в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 22 с.
100. Кузиванова О. Политико-идеологические векторы национальной политики России // Власть, 2015. № 1. С. 39–43.
101. Кузнецов С. Е., Клейменов В. А. Анализ ПО посредством исследования информационных потоков // Информационное противодействие угрозам терроризма, 2014. № 22. С. 6–10.
102. Култышева И. В. Уловки в доказательстве как способ аргументации в предвыборных листовках // Политическая лингвистика, 2010. № 2 (32). С. 114–118.
103. Кухаренко В. А. Интерпретация текста : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
104. Кучумов Д. О. Семантический анализ информационной войны (на примере осетино-ингушского конфликта) : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2007. 27 с.
105. Лассвелл Г. Стил в языке политики // Политическая лингвистика, 2007. № 22. С. 165–177.

106. Лебедев С. В. Современная коммуникативистика в структуре российской политической науки: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. Москва, 2013. 23 с.
107. Лебедева Н. М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/kult_lebedeva/~kult_lebedeva.htm (дата обращения: 09.05.2016).
108. Левкин И. М., Галкова Е. А. Математическое описание динамической среды угроз информационной безопасности // Национальная безопасность и стратегическое планирование, 2014. Вып. 1 (5). С. 46–53.
109. Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность, 2010. № 3. С. 5–22.
110. Макиавелли Н. Государь // Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1982. 39 с.
111. Малишевский Н. Н. Технология и организация выборов. Минск: Харвест, 2003. 256 с.
112. Манаенко Г. Н., Манаенко С. А. Дискурсивные слова и интенциональность аналитического текста политического дискурса // Политическая лингвистика, 2014. № 1 (47). С. 65–71.
113. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография. М.: МИФИ, 2003. 388 с.
114. Медведко Л. И. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох. М.: Кучково поле, 2003. 512 с.
115. Мельничук О. А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста. М.: Изд-во Московского университета, 2002. 208 с.
116. Микаилов С. М. Национальные интересы Российской Федерации в сфере обеспечения имущественной безопасности граждан и организаций // Национальная безопасность и стратегическое планирование, 2014. Вып. 2 (6). С. 22–25.

117. Мирошниченко И. В. Открытые механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления: российский опыт // Известия Саратовского ун-та. Серия: Социология. Политология, 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 71–78.
118. Михалёва О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кемерово, 2005.
119. Молодыхенко Е. Н. Риторика превосходства: аксиологическая перспектива (Барак Обама о Крымском кризисе) // Политическая лингвистика, 2013. № 2 (44). С. 155–165.
120. Морева А. Н. Коммуникативные стратегии и тактики в медиадискурсе литературной рецензии (на материале «Литературной газеты»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород, 2015. 280 с.
121. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. 172 с.
122. Мясникова М. А. Коммуникативные аспекты функционирования телевидения // Филологические науки, 2008. № 4. С. 108–117.
123. Назаров М. М. К вопросу о политико-идеологических представлениях россиян // Власть, 2014. № 5. С. 65–70.
124. Намли Е. Православное богословие и искушение властью // Государство, религия, церковь (в России и зарубежом), 2014. № 3 (32). С. 12–41.
125. Наумов С. Ю. Украинский кризис как момент истины для российской политики // Власть, 2014. № 4. С. 5–9.
126. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2011. 313 с.
127. Немировский В. Г. Тайные общества и заговорщики. СПб.: Питер, 2007. 240 с.

128. Ненашев М. Ф. Иллюзия свободы: Российские СМИ в эпоху перемен (1985–2009). М.: Логос, 2010. 315 с.
129. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики: учебное пособие. СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 277 с.
130. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Повышение культуры публичной политики – вызов для демократического развития России // Власть, 2014. № 9. С. 5–10.
131. Овчинников А. Базовые ценности в идеологии государственности современной России. URL: <http://ru-news.ru/bazovye-tsennosti-v-ideologii-gosudarstvennosti-sovremennoj-rossii/> (дата обращения: 09.05.2016).
132. Осетрова Е. В. Речевые жанры СМИ: теория и практика: учебно-методическое пособие. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 68 с.
133. Оспанова Б. А. Категория «актор» в теории международных отношений URL: <http://www.eni.kz/repository/repository2012/kategoriya-aktor.pdf> (дата обращения: 26.05.2015).
134. Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб.: Питер, 2010. 256 с.
135. Паневина И. А. Эмоционально-экспрессивная антропонимическая лексика в газетно-публицистическом дискурсе: на материале смоленских СМИ: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Смоленск, 2011. 22 с.
136. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник для студентов-журналистов и филологов. М.: Едиториал УРСС, 2002. 368 с.
137. Парсонс Т. О структуре социального действия. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
138. Паршев А. Почему Россия не Америка. М., 1999. 234 с. URL: <http://rumol.ru/files/library/books/parshev/parshev-russia-usa.pdf> (дата обращения: 06.03.2015).

139. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2005. 325 с.

140. Плаксина Е. Б. Антитеза в заголовках статей российской и французской прессы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2007. 186 с.

141. Плотникова С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах): монография. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2000. 244 с.

142. Подобный В. В. Экономический базис легитимности политической власти в современной России: состояние и проблемы упрочения // Власть, 2015. № 1. С. 49–54.

143. Поликарпов В. С., Поликарпова Е. В. Современные информационно-интеллектуальные войны // Информационное противодействие угрозам терроризма, 2013. № 20. С. 41–46.

144. Политическая коммуникация: материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 24–26 сентября 2013 года) Гл. ред. А. П. Чудинов; Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2013. 397 с.

145. Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 26–28 августа 2014 года). Гл. ред. А. П. Чудинов; Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2014. 397 с.

146. Полудина В. П. Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии, 2011. Т. XIV. № 5 (58). С. 386–394.

147. Попов А. А. Характеристика коммуникативных стратегий, реализуемых в блогах журналистов // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки, 2013. № 6 (149). Выпуск 17. С. 161–171.

148. Почепцов Г. Г. Психологические войны. М.: Рефл-Бук, Киев: Ваклер, 2000. 528 с.
149. Почепцов Г. Г. Информационная война: определения и базовые понятия URL: <http://psyfactor.org/psyops/infowar25.htm> (дата обращения: 26.10.2014).
150. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 256 с. (Манипуляция сознанием) [Почепцов, 2015a]
151. Почепцов Г. Г. Информационные войны: URL: www.telecomlaw.ru (дата обращения: 08.02.2015). [Почепцов, 2015б]
152. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. М.: Вузовская книга: МПСИ, 2003. 301 с.
153. Расторгуев С. П. Формула информационной войны URL: <http://www.rc-analitik.ru/file/%7B76a67493-79d7-450b-be1d87c430f27d0f%7D> (дата обращения: 06.02.2015).
154. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 415 с.
155. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 309 с.
156. Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. М.: РИЦ МГУ им. М. А. Шолохова, 2014. 593 с.
157. Руженцева Н. Б. Антонова Ю. А. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи: монография. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. 292 с.
158. Руженцева Н. Б. Речевой жанр: портрет в контексте дискурса (к вопросу о методике описания) // Политическая лингвистика, 2015. № 1 (51). С. 44–57.

159. Салимовский В. А. Жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М. Н. Кожиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта : Наука, 2006. С. 56–57, 352–354.
160. Санина А. Г. Информационное общество и государственная идентичность // Информационное общество, 2013. № 6. С. 9–15.
161. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 14–27.
162. Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 40–51.
163. Серебренникова Е. Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. Иркутск: ИГЛУ, 2008. С. 8–73.
164. Сёрль Дж. Р. Природа интенциональных состояний: пер. с англ. и нем. // Философия, логика, язык. Общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 96–126.
165. Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт?: пер. с англ. И. М. Кобозевой // Философия языка. Ред.-сост. Дж. Р. Сёрль. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 56–74.
166. Симян Т. С. К проблеме манифеста как жанра: генезис, понимание, функция // Критика и семиотика? 2013. № 2 (19). С. 130–148.
167. Синельникова Л. Н. Информационная война *ad infinitum* : украинский вектор // Политическая лингвистика, 2014. № 2 (48). С. 95–101.
168. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов : Издательство ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 28–32.
169. Сиротинина О. Б. Современная коммуникативная практика и судьба русского языка // Экология языка и коммуникативная практика, 2014. № 2. С. 293–307.

170. Сковородников А. П. Коммуникативные стратегии и тактики // Эффективное речевое общение: базовые компетенции: словарь-справочник. Красноярск: Издательство Сибирского федерального университета, 2012. С. 246–247.
171. Сковородников А. П. К философским основаниям предметной области эколоингвистики // Экология языка и коммуникативная практика, 2014. № 2. С. 140–161.
172. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 521–539.
173. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Фигуральная основа комических текстов минимальной структуры (на материале российских газет) // Жанры речи, 2013. № 1 (9). С. 97–102.
174. Сковородников А. П., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика, 2015. № 3 (53). С. 160–171.
175. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
176. Снесарев А. Е. Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003. 286 с.
177. Соколова А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2007. 174 с.
178. Солганик Г. Я. О языке и стиле газеты // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. М. : Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 471–478.
179. Солоневич И. Л. Народная монархия. Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.

180. Степанов В. Н., Болдырева Е. М. Аргументация как способ речевого воздействия в рекламном тексте современной массовой культуры // Ярославский педагогический вестник, 2012. № 2. Том I (Гуманитарные науки). С. 182–187.
181. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 227 с.
182. Столович Л. Н. Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии, 2004. № 7. С. 86–97.
183. Сурма И. В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия // Вестник МГИМО, 2013. Вып. № 4 (31). С. 141–151.
184. Тагильцева Ю. Р. Локальные информационно-психологические войны: особенности развития в современной России // Политическая лингвистика, 2010. № 4 (34). С. 171–175.
185. Тагильцева Ю. Р. Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект // Политическая лингвистика, 2012. № 3 (41). С. 99–102.
186. Тагильцева Ю. Р. Экстремистские материалы как инструмент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика, 2012. № 4 (42). С. 175–178.
187. Тагильцева Ю. Р. Война и мир: основные способы выхода из информационно-психологической войны // Политическая лингвистика, 2013. № 3 (45). С. 133–138.
188. Тагильцева Ю. Р. «Хто не скаче, той москаль» : информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика, 2014. № 2 (48). С. 185–189.
189. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 310 с.
190. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект-пресс, 2010. 352 с.

191. Титаренко И. Н. Противодействие религиозно-политическому экстремизму и терроризму: информационно-идеологическое воздействие против насилия // Информационное противодействие угрозам терроризма, 2013. № 21. С. 17–26.
192. Ткаченко С. В. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2011. 224 с.
193. Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (этническая основа русской культуры) // Исход к Востоку. София, 1921. С. 86–103. URL: <http://gumilevca.kulichki.net/TNS/> (дата обращения: 12.02.2015).
194. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. София, 1921. С. 71–85. URL: <http://gumilevca.kulichki.net/TNS/> (дата обращения: 12.02.2015).
195. Тураева З. Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
196. Турен А. Беседа с Аленом Туреном: *Entretien avec Alain Touraine* // *Revue sciences humaines*. № 42. Août. Septembre, 1994. – цит. по: Цыганков П. А. О содержании термина «международный актер»: вклад социологии // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4 Конвента РАМИ в 10 т. : Т. 1 : Акторы в пространстве и времени мировой политики*. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 30–42.
197. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // *Жанры речи: Сборник научных статей*. Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 66–88.
198. Федотовских Т. Г. Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2005. 23 с.
199. Фельдман Д. М. Мировая политика во власти толпы? // *Власть*, 2014. № 8. С. 28–38.

200. Филатов А. В. Основы распознавания и противодействия манипуляции сознанием (вводный курс). Калининград : МО «Сенте», 2006. 198 с.
201. Филимонов Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. Москва, 2013. 50 с.
202. Химик В. В. Национальная идея и русский язык // Политическая лингвистика, 2008. № 3 (26). С. 9–16.
203. Цветова Н. С. Коммуникативный потенциал совокупного газетного текста // Экология языка и коммуникативная практика, 2013. № 1. С. 223–232.
204. Цыганков П. А. О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ в 10 т.: Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 30–42.
205. Цыганов В. В. Информационные войны в бизнесе и политике: Теория и методология. В. В. Цыганов, С. Н. Бухарин. М.: Академический Проект, 2007. 336 с.
206. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Барнаул, 2005. 38 с.
207. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.
208. Чудинов А. П. Идеи и принципы политической метафорологии // Филология и человек. 2014. № 2. С. 103–113.
209. Шафаревич И. Р. Русофобия URL: http://el133.ucoz.ru/El_Books/Shafarevich_Rusofobiya.pdf (дата обращения: 11.02.2015).
210. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000. 431 с.

211. Шикунов Д. В. Система противодействия терроризму в Российской Федерации // Власть, 2014. № 8. С. 190–192.
212. Шишкина Е. В. Коммуникативные стратегии и тактики судебного допроса (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 2012. Т. 1. № 1. С. 155–162.
213. Шмелёва Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Культура речи: Сборник статей и материалов. Великий Новгород, 1998. С. 36–49.
214. Шульц Э. Э. «Оранжевая революция» и технологии управления бунтом // Политэкс, 2013. Т. 9. № 3. С. 137–143.
215. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2014. 400 с.
216. Щитова Д. А. Лингвистическое моделирование имиджа в политическом дискурсе (на материале концепта вооруженная борьба): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2014. 185 с.
217. Юсупов Р. М., Шишкин В. М. Информационная безопасность, кибербезопасность и смежные понятия: cybersecurity vs информационная безопасность // Информационное противодействие угрозам терроризма, 2013. № 21. С. 27–35.
218. Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. Под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. 760 с.
219. Яшин В. Н. Архитипические ключевые слова отечественной политической речи: советский и постсоветский периоды: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2010. 21 с.
220. Baudot M. Une illustration de la guerre de l'information: Le conflit entre Israël et le Hezbollah de l'été 2006. M. Baudot, E. Delcroix, B. Guiot, B. le Gouvello, M. Osada // École de guerre économique, 2007. 87 p.

221. Charbit Y. L'échec politique d'une théorie économique: la physiocratie // Population (French Edition), (Nov. – Dec., 2002). Vol. 57. No. 6. P. 849–878.

222. David S. Alberts and others. Understanding information age warfare / David S. Alberts, John J. Garstka, Richard E. Hayes, David A. Signori, 2001. Chapter 1-2. P. 1–34.

223. Eco U. Interprétation et surinterprétation. Paris: Presses Universitaires de France, 1996. – 140 p.

224. Germain É. De la guerre à distance à une guerre désincarnée: les enjeux moraux d'une globalisation du champ de bataille // International Review of the Red Cross, 2014. Vol. 95. № 900. 28 p.

225. Levine T. R. and Wheelless L. R. Situation intimacy as a predictor of compliance-gaining tactic selection // Communication Research Reports, 1997.

226. Marwell G. and Schmitt D. R. Dimention of compliance–gaining behavior: An empirical analysis. Sociometry, 1967.

227. Miller G. R., Boster F., Roloff J. and Seibold D. Compliance–gaining message strategies: A topology and some findings concerning effects of situational differences // Communication Monographs, 1977.

228. Nichiporuk B. U. S. Military opportunities: information-warfare concepts of operation // Strategic Appraisal: United States Air and Space Power in the 21st Century, 1999. P. 187–223.

229. Parsons T. On the concept of influence // The Public Opinion Quarterly, 1963.

230. Rouquet M. Point de situation sur les operations psychologiques // Base de Connaissance AEGE URL: <http://www.bdc.aege.fr> (дата обращения: 09.11.2015).

231. Touraine A. Le Retour de l'Acteur. Essai de Sociologie. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1984. 241 p.

Словари, справочники

232. Аберкромби Н. Социологический словарь: пер. с англ. Под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Издательство "Экономика"», 2004. 620 с. [Аберкромби, 2004]
233. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с. [Ахманова, 1969]
234. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. СПб: НОРИНТ, 2000. 1536 с. [Большой толковый... , 2000]
235. Большой психологический словарь. Под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2003. 673 с. [Большой психологический..., 2003]
236. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 6-е изд., стер. М.: Русский язык, 2000. 846 с. [Дворецкий, 2000]
237. Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов URL: <http://www.psyoffice.ru/6-179-aktor.htm> (дата обращения: 25.10.2015). [Ильин, 2015]
238. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1975. 720 с. [Кондаков, 1975]
239. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]; 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 840 с. [Культура русской..., 2007]
240. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник. В. Б. Вепринцев, А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. Под ред. А. И. Петренко. 2-е изд., стереотип. М.: Горячая линия – Телеком, 2015. 496 с. [Операции информационно-психологической..., 2015]
241. Политическая наука: Словарь-справочник. Сост. проф. полит. наук Санжаревский И. И., 2010 URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1973/%D0%9E%D0%B1%D1%8A%D0>

[%B5%D0%BA%D1%82](#) (дата обращения: 28.05.2015). [Политическая наука ... , 2010]

242. Политический словарь URL: <http://enc-dic.com/politic/Politicheskij-Aktor-3717.html> (дата обращения: 25.10.2015) [Политический словарь..., 2015]

243. Психологический словарь URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=960> (дата обращения: 26.05.2015). [Психологический словарь..., 2015]

244. Современный словарь иностранных слов. Под. ред. Л. Н. Комаровой. М. : Русский язык, 1993. 740 с. [Современный словарь..., 1993]

245. Социологический словарь URL: <http://enc-dic.com/sociology/Subekt-7657.html> (дата обращения: 25.10.2015). http://enc-dic.com/enc_sociology/Obekt-1628.html; (дата обращения: 25.10.2015). [Социологический словарь..., 2015]

246. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с. [Толковый словарь..., 2011]

247. Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М.: Республика; Современник, 2009. 846 с. [Философский словарь..., 2009]

248. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник. Отв. ред. М. И. Панов. М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп»», 2005. 960 с. [Эффективная коммуникация..., 2005]

Источники

249. «Аргументы и факты» URL: www.aif.ru

250. «Газета.ru» URL: www.gazeta.ru

251. «Грани.ру» URL: www.grani.ru

252. «Ежедневный журнал» URL: <http://mvvc44tv.cmle.ru/?a=note&id=29103>
253. «Завтра» URL: www.zavtra.ru
254. «Литературная газета» URL: www.lgz.ru
255. «Московский комсомолец» URL: www.mk.ru
256. «Независимая газета» URL: www.ng.ru
257. «Независимая» URL: <http://www.ng.ru/about/editors/>
258. «Новая газета» URL: www.novayagazeta.ru
259. «Российская газета» URL: www.rg.ru
260. Селюнин С. Моё терпение лопнуло... Список российских русофобов URL: http://tchaykovsky.ru/blog_a/pyataya.htm
261. Сервер органов государственной власти России URL: <http://www.gov.ru>
262. Словари и энциклопедии на Академике URL: www.dic.academic.ru
263. Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии) URL: <http://rusrand.ru/actuals/putin-i-pjataja-kolonna>
264. «Lenta.ru» URL: <http://lenta.ru/>
265. «Newsland» URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1513151/>
266. «Voprosik.net» URL: <http://voprosik.net/novaya-gazeta-vrazheskoe-izdanie/>
267. «BestPravo» URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/rf-praktika/a2k.htm>

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Перечень источников единиц наблюдения – текстов российских газет

(Названия СМИ представлены по алфавиту)

1. «Аргументы и факты» www.aif.ru – 52 текста, например:
 - Санкционные продукты. Зачем уничтожать товар, когда в нём так нуждаются? (Вопрос-ответ) // АиФ, 05.08.2015;
 - Конь и трепетная лань // АиФ, 10.08.2015;
 - Как в Россию попадают санкционные продукты? (Вопрос-Ответ) // АиФ, 11.08.2015;
 - Михаил Жванецкий: «Заколебали эти колебания...» // АиФ, 27.01.2016.
2. «Газета.ru» www.gazeta.ru – 15 текстов, например:
 - Сайгонов И., Стеженская Л. «Что общего у Сталина и Моисея?» // Газета.ru от 12.05.2013.
3. «Грани.ру» www.grani.ru – 19 текстов, например:
 - Соколов Б. Исходя из обстоятельств // Грани.ру, 15.03.2016;
 - В Москве на улицу выкинули гору папок из Центрального архива КГБ // Грапни.ру, 16.03.2016;
 - В Грозном совершено нападение на Игоря Каляпина // Грани.ру, 16.03.2016.
4. «Ежедневный журнал»
<http://mvvc44tv.cmle.ru/?a=note&id=29103> – 12 текстов, например:
 - С утра в магазин // Ежедневный журнал, 19.12.2015;
 - Медиафрения. Россия — головной мозг планеты // Ежедневный журнал, 22.12.2015;
 - Пасха и облака // Ежедневный журнал, 29.04.2016.
5. «Завтра» www.zavtra.ru – 24 текста, например:

- Матвеев В. Спецслужбы «Пятиглазого альянса» стремятся доминировать и контролировать киберпространство // Завтра, 09.08.2015;
- Александров А. Российские СМИ против Путина // Завтра, 12.08.2015;
- Проханов А. «Племя младое, незнакомое...» // Завтра, 13.08.2015.
- 6. **«Литературная газета»** www.lgz.ru – 24 текста, например:
 - Сильная, но не агрессивная, или Какой видят свою страну россияне (беседа корреспондента «ЛГ» Олега Назарова с директором Института социологии РАН, доктором философских наук, академиком РАН Михаилом Константиновичем Горшковым) // Литературная газета, 11.03.2015;
 - Тарло Е. Требуются либерал-патриоты // Литературная газета, 25.08.2015;
 - Болдырев Ю. Чужим – всё, своим – беззаконие? (в рубрике «Колумнисты ЛГ / Очевидец») // Литературная газета, 03.03.2016.
- 7. **«Московский комсомолец»** www.mk.ru – 22 текста, например:
 - Делягин М. Россия на дне. Осенью снизу постучат // Московский комсомолец, 11.08.2015;
 - Зубов М. «Единая Россия» войдет в книгу Гинесса благодаря мистическим силам // Московский комсомолец, 26.08.2015.
- 8. **«Независимая газета»** www.ng.ru – 53 текста, например:
 - Сергеев М. Российская безработица сокращается во время увольнений // Независимая газета, 19.08.2015;
 - Попова Т. На ЛУКОЙЛе загорелась шапка // Независимая газета, 24.08.2015;
 - Мухин В. Гособоронзаказ подвергнут секвестру // Независимая газета, 14.03.2016.
- 9. **«Новая газета»** www.novayagazeta.ru – 74 текста, например:

- Станислав БЕЛКОВСКИЙ: «Я тот, кто должен передать соль» (Исповедь «маленького человека») // Новая газета, 20.10.2014;
 - Латынина Ю. Закат рубля // Новая газета, 26.08.2015;
 - Боброва О. Энциклопедия роскошпозора // Новая газета, 26.08.2015;
 - Макаренко В. Полковнику никто не верит // Новая газета, 30.03.2016;
 - Шенкман Я. Плакаты вместо пикетов // Новая газета, 11.04.2016.
10. «Российская газета» www.rg.ru – 23 текста, например:
- Зыкова Т. Список Буратино (Банк России дал перечень признаков финансовой пирамиды) // Российская газета, 04.03.2015;
 - Петров В. Сергей Собянин от имени Москвы принял от Валентины Матвиенко «Меч Победы» // Российская газета, 29.04.2015.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Перечень текстов, из которых взяты примеры для текста диссертации

В Приложении Б размещены следующие материалы:

Шендерович В. Березовский. Вослед // Ежедневный журнал от 11.04.2013;

Ганапольский М. Русь, куда ж несешься ты? В эмиграцию... // Московский комсомолец от 20.10.2015;

Соколов Б. Исходя из обстоятельств // Грани.ру от 15.03.2016;

Байдакова А. Реформу комиссовали // Новая газета от 28.04.2016;

Комин М. К вечному селектору // Новая газета от 21.03.2016;

В Грозном совершено нападение на Игоря Каляпина // Грани.ру от 16.03.2016;

Как в Россию попадают санкционные продукты? // Аргументы и факты от 11.08.2015;

Латынина Ю. Пища для мозгов // Новая газета от 10.08.2015;

Мартынов К. Правило ответки в России: если вы совершили вольнодумство — засеките 3,5 месяца, она прилетит // Новая газета от 18.04.2016;

Вишневский Б. Омбудсмен специального назначения // Новая газета от 22.04.2016;

«Испытывая полную солидарность...» (в рубрике «О серьёзном с улыбкой») // Наш голос от 02.12.2010;

Сайгонов И., Стеженская Л. «Что общего у Сталина и Моисея?» // Газета.ru от 12.05.2013;

Лимонов Э. Битва за труп Немцова // Завтра от 09.03.2015;

Милашина Е. Вопрос пунктуации // Новая газета от 14.03.2016;

Соколов С. Зачем разгромили ФМС с ФСКН и создали Национальную гвардию // Новая газета от 08.04.2016;

Сергеев М. Признаков дефолтного сепаратизма в стране пока не наблюдается // Независимая газета от 24.08.2015;

Бронштейн Б. Машино-место в Кремле // Новая газета от 27.04.2016;

Гусейнов Г. В защиту Конституции, или филолог как последний ополченец // Новая газета от 18.04.2016;

Яковенко И. Акт национального унижения №14 // Ежедневный журнал от 15.04.2016;

Митрохин Н. Русский златоустный // Грани.ру от 15.03.2016;

Зинаида Бурская З., Александра Копачева А. Заливают не пожары, а на совещании у президента // Новая газета от 13.05.2016.

Тексты к 2.1. «Субъекты и акторы информационно-психологических войн»

Шендерович В. Березовский. Вослед // Ежедневный журнал от 11.04.2013

Березовский. Вослед

«Мало быть одаренным, обладать блестящим умом, даже талантами, если в человеке закрыто сердце.

Тогда, если ум и таланты и работают иной раз на благо других - это скорее исключение, чем привычный образ отношений между собой и неопределенной массой этих "других". Без сердечного ума и гений - всего лишь "злой гений". Он может потрясать, ошеломлять, но как любить его?

Потому что в системе его взаимодействия с миром существует единственная значимая ценность - это его "Я". Конечно, порядочный человек видит и ценит хорошее, что все же делал этот талантливый эгоист для других и не кинется поливать его грязью при первой возможной дозволенности...

И не только потому, что "о мертвых или хорошо, или ничего". Просто не сможет.

Как же все-таки обидно, когда то, чем одарила тебя природа, так бестолково, так бессмысленно растрчено.

Что останется в памяти оставшихся? И сколько придется еще ушедшему "отрабатывать" свое духовное невежество, свое закрытое сердце...

Потому что только тело смертно. Не дух...

Березовский. Вослед

В откровенности его цинизма было своеобразное обаяние, как у того скорпиончика из анекдота: вот такое я дерьмо!

Он использовал людей и выбрасывал их, как презервативы, и подходить к нему близко было даже не то чтобы рискованно — просто все заведомо знали: использует и выбросит при первом удобном случае. Ничего личного: так устроен процесс.

Зарплату телекомпании ТВ-6 Борис Абрамович, помнится, перестал платить в тот самый день, когда он — уже не проказник с «Логоваза», а последний оплот свободы слова в России! — получил в Англии долгожданный статус политического беженца. Бывшие журналисты НТВ, им же уничтоженные на прошлом витке сюжета, сделали то, для чего были ненадолго приобретены, и тратиться далее на свободу слова не имело смысла.

Логично? Да не то слово: просто блестяще!

Прилично ли?

Вопрос не из лексикона Бориса Абрамовича.

Он использовал всех, не брезгуя никем. Некоторые, впрочем, были не против — и прямо договаривались о расценках на услуги. Это был праздник для небрезгливых. Кургинян с Минкиным, Леонтьев с Доренко, Валя с Таней, Костя с Олегом, Стальевич, Товьевич... Кто только не поучаствовал в этом празднике финансирования, кто только не попасся у березовского пирога в разные годы!

Те из них, кто поумнее, отрыгнув, сегодня скорбно изображают идеологические расхождения с покойным; те, которые попроще, наперегонки наложили свои кучи ему на могилу.

И кто тут циник?

Березовский обольщал, но обольщался и сам. Он был гением авантюры, немыслимой без искреннего самообмана. Будущую «Единую Россию» лепили на скорость, на коленке по-настоящему талантливые люди — Марат Гельман, поэт Михаил Генделев... Они шли за «Березой», думаю, не только из-за гонораров — людей увлекала артистическая перспектива поучаствовать в ходе истории...

Хоть бы кто извинился потом, кстати, за всю эту разлюли-малину с опереточным шойгу и фиктивным карелиным.

Березовский, кстати, извинился.

Он делал только крупные ставки, предпочитая игры государственного масштаба. Его победы были блестящими, поражения — ужасными.

В последние годы он по инерции считал себя вершителем судеб, демиургом и игроком, хотя уже давно был лохом, чьим самолюбием вертели, как хотели, и которого кидали все, кому не лень.

Говорят, он был сильный математик. Может быть, но его человеческая слепота была поразительной! Один Рыбкин чего стоит. Когда Березовский начал лепить из этого недоразумения лидера оппозиции, многим показалось, что он делает это, нарочно подыгрывая Путину: такое пустое место, как Иван Петрович, надо ж было еще найти...

В это же время он предлагал тележурналисту Соловьеву возглавить партию «Либеральная Россия», и тележурналист Соловьев летал к нему в Лондон на переговоры... Вы будете смеяться, но мне это рассказывал сам Владимир Рудольфович; даже передавал приглашение слетать с ним, поучаствовать...

Я-то, дурачок, воздержался, а умный Соловьев полетел, а потом пошел к Суркову, и Сурков дал ему больше, чем пообещал Березовский, и Соловьев стал звездой федерального телевидения.

Все, кому не лень, поймали Бориса Абрамовича.

Но главным образом поймел его, конечно, Путин, и именно этого Березовский, в конечном смысле, не смог пережить. Так пушкинский Германн сошел с ума, не понимая, как мог обдернуться...

«Какая дама?» — «Та, что у вас в руках: дама пик!»

Мысль о Путине, я думаю, была невыносима Березовскому, прежде всего, из-за исходных масштабов. Многими героями своих проектов он искренне увлекался до поры до времени — Путин с самого начала был чистой функцией, пешкой в большой игре. Один менеджер рассказывал мне, как Березовский среагировал в девяносто девятом на осторожное предположение, что кремлевский новичок может выйти из-под контроля.

Даже не рассказывал, а передавал односложно-презрительную интонацию Бориса Абрамовича:

— Володя?

«Володя» много лет сидел в нагрудном кармане и питался крошками; «Володя» вообще не был субъектом игры. Он был глиняный раб для уборки помещения от Примакова-Лужкова, раб со знаком послушания, раз и навсегда начертанном на узком лбу...

Пражская средневековая легенда о Големе, в недобрый час стершем с глиняного лба этот знак послушания, или хотя бы фамилия «Франкенштейн»... — в мозгу у гуманитария на этом месте сюжета немедленно зажглась бы красная лампочка! Но Березовский был математик, и лампочка не зажглась.

И все случилось, как в средневековой Праге. Кстати, пострадавший там тоже был евреем... (Глиняное средневековое чудовище, правда, не было чекистом, но тем хуже для еврея.)

А Березовский — это вам не Дерипаска, которого можно прилюдно вываливать в грязи, а потом дать в утешение четыре миллиарда долларов из казны — он и доволен. В Березовском текла кровь игрока-победителя, и он пошел ва-банк, объявив войну своему уже победившему Голему...

Напоследок его поймали еще несколько умельцев. Товарищ Проханов тоже не поленился слетать в Лондон и по-быстрому срубил с беглого олигарха бабла — в тот день Березовскому в очередном бреде показалось, что с его отчеством и биографией можно, до кучи, возглавить и патриотическое движение...

Потом было еще много нелепостей и попыток вернуть себе былую значимость, а затем Березовский проиграл окончательно, сокрушительно-поучительным образом — проиграл, в сущности, выигранное дело, и именно потому, что по привычке заврался...

Его покаянное письмо Путину, я думаю, действительно имело место, и, судя по тому, что Кремль держал это в секрете, было то письмо вполне частным и откровенным, напоминающим «Володе» о том, кому он обязан шапочкой Мономаха. Старый проигравшийся игрок Березовский просил мира.

В нем текла человеческая кровь, но он обращался к лимфе. Путин, разумеется, не ответил.

Чужая душа потемки, но, может быть, этот чертов шарф и стал истинным, а не пиаровским извинением Березовского перед всеми нами — и за своего выкормыша, и за позорно, на многие годы вперед дискредитированные понятия «либерализм», «демократия», «свобода»... Не он один их дискредитировал, разумеется, но именно его имя стало символом эпохи.

Все эти дерипаски, абрамовичи, лужковы, фридманы, сосковцы — шустрый, но унылый фон нашей вороватой отечественной Директории, а ее баррасом был, конечно, именно он, Борис Абрамович Березовский.

А что вслед за Директорией в прайс-листе матушки-Истории стоит маленький отморозенный консул (впоследствии император), который всех сожрет и не подавится — этого Березовский, поди, тоже не знал.

Он же был математик...».

Ганапольский М. Русь, куда ж несешься ты? В эмиграцию... //
Московский комсомолец от 20.10.2015

«Русь, куда ж несешься ты? В эмиграцию...

Общество разделилось на тех, кто может уехать и кто не может

Все уже было.

В советские времена, когда границы страны были закрыты, был популярен такой анекдот. В СССР приехала красавица актриса Джина Лоллобриджида — ходили слухи, что от нее был без ума сам Брежнев. И вот она осталась с ним без свидетелей, положила ему руку на плечо и нежно проворковала: «Леонид, а ты не хочешь открыть границы? Сделай это ради меня!..» На что Брежнев ухмыльнулся и игриво спросил: «Дорогая, ты хочешь, чтобы мы остались одни?»

Все повторяется. Даже то, что повторяться не должно.

Кто мог предположить, что через четверть века после развала СССР граждане все так же будут стремиться покинуть границы своей родины.

Все опросы оказались полным враньем. Те самые почти 90% граждан, которые жить не могут без патриотизма, Кремля и президента, подозрительно быстро бегут в различные консульства, чтобы подать документы на эмиграцию. Известные заверения верных Кремлю статистических служб, что желание покинуть Россию не превышает 13% и эта цифра не меняется, независимо от экономики страны, пусть остаются на совести этой самой госстатистики.

Общество разделилось уже не на богатых и бедных, не на коренных и приезжих, не на либералов и патриотов, а на тех, кто может уехать и кто не может.

С тех пор как то ли красotka Джина, то ли западные санкции уговорили-таки Брежнева открыть границы, родина пережила несколько волн эмиграции. Сначала идейные евреи уехали строить Израиль; потом было несколько волн эмиграции, которые завистники издевательски называли «колбасными» — люди просто уезжали за новыми возможностями и — да-да! — за большим ассортиментом колбасы; оказалось, что возможности и количество сортов колбасы, как и прочих товаров, коренным образом взаимосвязаны.

Далее были тяжелые 1990-е, когда уезжали от бандитизма и бардака. Но не только уезжали, но и возвращались, чтобы делать бизнес между странами. Появилась надежда на единый мир, где не важно, где ты живешь, — делай дело, зарабатывай деньги, строй семью, расти детей.

Потом появились компьютеры и первые программисты, приехал Джордж Сорос и стал помогать независимой науке. Я очень хорошо помню это время: жили бедно, но уезжать никто не хотел, казалось, что теперь твоя жизнь в твоих руках. А раз так, то зачем уезжать?

Но государство мутировало. Появилась новая власть, появились те, кто равнее других, — те, кто по-настоящему стал приватизировать страну. Сороса выкинули, обвинив чуть ли не в шпионаже.

Тут-то и пошла новая волна эмиграции. Вначале чуткие программисты, а потом... скажем так, все остальные — кто мог, кто сумел, у кого нашлись силы, воля и деньги.

Тут, конечно, забились в истерику госпропаганда и телевизор. Было сказано, что эмиграции нет, а жизнь хорошеет с каждым днем. Это только увеличило эмиграцию, причем все ее виды. К примеру, Юго-Восточная Азия стала прибежищем всех тех, кто просто уехал, чтобы не видеть этого отчаянного вранья.

Все последние пятнадцать лет процесс только углублялся. По телевизору пропагандисты на зарплате продолжали клеймить Чубайса, а и правительство в это же время спешно скупали недвижимость за рубежом, не забывая отправить детей в престижные университеты. Некоторые детки к этому времени уже эти западные университеты успели окончить, и их папы немедленно пролоббировали назначение деток на руководящие должности в ведущие госкомпании. И все это открыто, без стеснения.

Одновременно в Интернете стали появляться фото квартир, вилл и яхт наиболее высокопоставленных «товарищей», и Россия увидела, как мастерски все переписано на бабушек и троюродных тетюшек. Страна увидела, как извиваются данные «товарищи», как они неуязвимы, как защищены от суда, законов и справедливости. Но главное — стало понятно, что власть и должности, которые они занимают, это не более чем временное пристанище для аккордного заработка, после чего они брезгливо покинут эту страну лохов и будут у теплого моря рассказывать, как любили Отчизну. Весь этот позор был на виду, отчего идея «валить» только укреплялась. Особо она укреплялась от персон, подобных г-ну Якунину, который, окруженный иконами, рассказывал в статьях о важности Отчизны в душе каждого русского. Правда, святость образа снижалась наличием дворца, угольев и знаменитого шубохранилища; а когда выяснилось, что его сын получил наконец-то британское гражданство, стало понятно, что все статьи об Отчизне писались для тех же лохов, за которых г-н Якунин принимал своих немногочисленных читателей.

Ну а дальше произошло то, что хорошо известно: Крым, который «наш», Донбасс, который уже почти «не наш». Теперь есть Сирия, которая, судя по истошным телевизионным крикам, и есть место, откуда пошла русская земля.

Это все те места, где русскому человеку предлагается сложить кости.

А если ты дома, то есть санкции, давилово тушек уточек и сыров тракторами.

Правда, кое-чего нет. Нет, к примеру, понимания, куда катится страна. Те, кому не нравится слово «катится», могут заменить его выражением «куда страна встает с колен».

Да, куда она «встает»? Если судить по падению производства, падению рубля, замораживанию накопительной части пенсии и грозному предупреждению г-жи Голодец, что студенты не могут рассчитывать на индексацию стипендий, так что пусть идут работать, ибо они молодые, «встаем» мы явно не туда.

Короче, тут не стоит быть «Капитаном очевидностью», чтобы россиянину описывать положение, в котором он же и находится. И если не работать телевизионным пропагандистом, то есть если не врать за деньги, то ясно, что с каждым днем будет только хуже. Эта позиция исходит из того, что ни у правительства, которого просто нет, ни у президента нет никакого объяснения, как страна будет жить дальше.

Стоит ли удивляться, что данная ситуация называется «спасайся кто может!». И что россияне пытаются спастись радикально — эмиграцией.

Уж не знаю, что придумают в очередной раз пропагандисты, чтобы втереть ложь доверчивым гражданам, но реальные цифры не скроешь: Госдепартамент США заявляет, что в этом году около 265 тыс. россиян подало заявки на получение гринкарты, хотя на Россию ежегодно выделяется лишь 4 тыс. подобных удостоверений. А год еще не закончился.

И тут нужно осознать, что это данные только про Америку. А сколько пытается уехать и уехало в Европу; сколько молодых людей рвануло на Запад на учебу, чтобы не вернуться никогда.

Смешно, что, когда в Европу рванули 300 000 сирийских беженцев, то телевизор издевался над Западом, что тот переживает «гуманитарную катастрофу». Да нет, гуманитарная катастрофа — это когда не к тебе едут, потому что ты никого не интересуешь, а когда свои же граждане покидают свою же страну, чтобы обогатить знаниями, талантом и своими детьми чужую землю.

Триста тысяч в этом году подадут заявки только в США. А сколько уедут на все четыре стороны — и сказать трудно.

Впору смеяться над такой страной, но не до смеха.

Россия — страна без будущего?

Страшно подумать».

Тексты к 2.2. «Объекты и мишени информационно-психологических войн»

Соколов Б. Исходя из обстоятельств // Грани.ру от 15.03.2016

«Исходя из обстоятельств

Сирийская авантюра Путина внезапно подошла к концу. Хотя тут могут быть варианты. Если вспомнить Афганистан, там уже через полгода после ввода советских войск в декабре 1979-го громогласно объявили об их частичном выводе. (На самом деле тогда вывели только несколько зенитных и ракетных частей, которые все равно в Афганистане были без надобности.) А поскольку сейчас объявлено о выводе из Сирии только "основной части" российских войск, не исключено, что речь идет лишь о пропагандистской акции под открывающиеся в Женеве переговоры о мирном урегулировании.

Численность российского контингента в Сирии официально не объявлена, и никто ее толком не знает, хотя ясно, что счет идет на тысячи, но не на десятки тысяч человек. Вполне можно будет продемонстрировать под телекамеры, как brave российские летчики и морпехи покидают Сирию, а через месяц-другой, если переговоры в Женеве зайдут в тупик, возобновить бомбардировки. Собственно, их можно не прекращать и сейчас, под предлогом защиты российских баз и подавления нарушителей перемирия (остающемуся контингенту как раз и поручен "контроль за соблюдением перемирия").

Но все же гораздо больше оснований полагать, что российская интервенция в Сирии действительно сворачивается. Очевидно, она планировалась на полгода, которые истекают в конце марта, когда, вероятно, и будет закончен вывод основной части группировки. За это время предполагалось полностью разгромить отряды умеренной оппозиции (но отнюдь не ИГИЛ), добиться капитуляции значительной части из них и обеспечить возможность Асаду диктовать свои условия урегулирования конфликта. А также заставить Запад считаться с Россией в сирийском вопросе.

Почти все удары российской авиации, сирийских правительственных войск и поддерживающих их российских спецподразделений были направлены против умеренных, а не против ИГИЛ. Это доказывается и тем, что в 2015 году "Исламское государство" практически не имело территориальных потерь в Сирии. Все такие потери пришлось на Ирак, причем в основном на районы, населенные курдами. Ситуация не изменилась и в первые месяцы 2016 года.

Однако уже к моменту заключения перемирия стало ясно, что своих целей России достичь не удалось. Бойцы умеренной оппозиции понесли потери, но отнюдь не катастрофические, а убыль в вооружении и боеприпасах была с лихвой компенсирована поставками из Турции, Саудовской Аравии и других поддерживающих ее государств. Российская авиация в основном использовала не дорогостоящее высокоточное оружие, а неуправляемые бомбы и ракеты, от которых главным образом страдает мирное население. Колонн пленных повстанцев не было видно даже в пропагандистских телесюжетах, что доказывает, что они отнюдь не разгромлены. Противникам сирийского президента пришлось оставить ряд городов, но попытка разгромить их в Алеппо, что должно было стать решающей победой Асада в войне, обернулась провалом. Наступавшая на Алеппо группировка правительственных войск сама оказалась под угрозой окружения, что и вынудило Россию согласиться на перемирие.

И стоило все это удовольствие немалых денег. По некоторым оценкам, на кампанию в Сирии Россия тратила 2,5 млн долларов в день, что к середине марта составило около 415 млн долларов. Были с российской стороны и людские потери. Официально Россия признала гибель в Сирии лишь четырех человек: одного солдата из персонала аэродромного обслуживания, одного летчика сбитого турками самолета, одного морпеха и одного безымянного военного советника.

Возможно, реальные безвозвратные потери и больше заявленных. Но в любом случае они несравнимо меньше, чем в Афганистане, и не они заставили Путина отступить. Просто он и его генералы поняли, что, если цели не удалось достичь в первые полгода, вряд ли что изменится и в следующие шесть месяцев. А там и в Америке президент сменится, и еще неизвестно, какую политику он будет вести в Сирии - может, решится на вмешательство, и тогда российскому контингенту в Сирии нечего будет делать. Кроме того, постоянно возрастал риск турецкого вмешательства в конфликт.

Запад же, хотя и признает Россию одним из игроков в Сирии, по-прежнему не готов пойти на урегулирование конфликта на российских условиях. А сейчас еще можно уйти с сохранением лица. В качестве победы российская пропаганда представляет то, что удалось сохранить Асада у власти. Но это лишь хорошая мина при плохой игре. В момент начала российской военной интервенции его диктатуре отнюдь не угрожало немедленное падение. Теперь же после вывода основной части российских войск положение сирийского президента будет примерно таким же, как и до начала интервенции. Те территории, которые асадистам удалось отвоевать с помощью России, вскоре могут вновь перейти под контроль оппозиции, поскольку из-за малочисленности алавитской общины у Асада элементарно не хватит солдат для их удержания.

И в каком-то отношении положение диктатора будет даже хуже, чем до 30 сентября прошлого года. Теперь выяснится, что правящий режим не

может спасти даже массированная поддержка российской авиации и участие в боях российских подразделений. Оппозиция и в разгар российской интервенции не соглашалась на сохранение Асада у власти. Тем более не согласится теперь. Пусть даже в Сирии останется какой-то российский контингент, как был он и до 30 сентября. Пусть даже останется какое-то количество самолетов и ракеты С-400. Существенно повлиять на ситуацию они уже не смогут. И можно предположить, что еще до конца года Асаду придется уйти в отставку и подыскивать себе виллу где-нибудь на Рублевке или в Крыму».

Байдакова А. Реформу комиссовали // Новая газета от 28.04.2016

«Реформу комиссовали

Премьер-министр предложил президенту сообщать оценивать эффективность работы министров

Правительство затекает новую административную реформу. Дмитрий Медведев предложил Владимиру Путину ввести показатели эффективности КРІ для министерств, а для контроля над выполнением собрать специальную комиссию. Руководить ею, по замыслу Медведева, должен сам президент, а премьер-министр должен стать его заместителем. Входить в состав комиссии должны депутаты, сенаторы, сами министры и эксперты. По данным газеты «Ведомости», Путин одобрил план. Эксперты не ожидают, что реформа повысит эффективность правительства — как не удалось это сделать в ходе предыдущих реформ.

Очередной призыв к административной реформе — не более чем вышедшая на поверхность борьба элит, считает Евгений Гонтмахер, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений имени Примакова. Алексей Кудрин, вновь призванный во власть (он возглавит совет Центра стратегических разработок), ранее озвучивал

идеи очередных преобразований во власти, но премьер успел перехватить у него повестку.

«Близятся выборы, а у населения — стойкое ощущение, что государство работает плохо. Со стороны реформаторского крыла власти — Грефа, Кудрина — постоянно звучит идея реформы госуправления, и Дмитрий Анатольевич решил перехватить инициативу, — полагает Гонтмахер. — Происходят внутриэлитные разборки, и, возможно, люди пытаются выстроить свои будущие позиции».

За время правления Владимира Путина правительство реформировалось уже несколько раз, самая крупная реформа произошла в 2004 году, ее автором считают первого замруководителя президентской администрации Дмитрия Козака. Тогда от 30 министерств, которые были в правительстве Михаила Касьянова, в кабинете нового премьера Михаила Фрадкова осталось 17. Органы исполнительной власти были разделены на собственно министерства, которые могут предлагать законы и издавать нормативные акты, и на агентства и службы, которые выполняют решения министерств, плюс надзорные органы, которые следят за исполнением задач.

В результате прекратили существование Министерство имущественных отношений, Министерство по налогам и сборам, по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства, по связи и информатизации, по атомной энергии, путей сообщения — их полномочия были переданы соответствующим федеральным службам и агентствам. Функции министерств юстиции, природных ресурсов, транспорта, труда и социального развития были в существенной степени перераспределены между новыми министерствами, агентствами и службами.

В результате слияния министерств и ведомств были образованы Министерство здравоохранения и социального развития, Министерство культуры и массовых коммуникаций, Министерство промышленности и энергетики, Министерство транспорта и связи. В 2008 году некоторые

изменения были отыграны назад, например, вновь появилось упраздненное до этого отдельное Министерство энергетики.

Еще во время прошлой реформы, в 2004 году, были введены показатели эффективности министерств, о которых идет речь и сейчас, но к улучшению результатов они не привели, считает Евгений Гонтмахер, с ним согласен Олег Буклемишев.

Олег Буклемишев, помощник премьер-министра в 2000—2003 годах:

«В 2004 году установили для каждого министерства показатели деятельности — правда, назывались они не КРІ, — и каждый год министры должны были отчитываться. Но это постепенно сошло на нет и не оказало влияния ни на экономическую политику, ни на государственное управление. Доклады становились все более формальными, никаких оргвыводов не делалось, для объяснения неудач стали ссылаться на объективные форсмажорные обстоятельства, и в конце концов все это просто втихаря прекратили, — говорит Евгений Гонтмахер. — Сначала политическая воля для реформы была, а на втором этапе нужно было делать систему более открытой, и на это воли уже не стало. Потому что на самом деле все эти КРІ должны устанавливаться извне: например, парламентом, когда это дееспособный парламент, и если правящая партия не справляется — люди голосуют за другую».

«Предыдущая попытка административной реформы отделаась исключительно косметическими изменениями, коренные проблемы госслужбы решены не были, — считает Олег Буклемишев. — Работа правительственных чиновников слишком сложно измеряема, потому что они занимаются бумагами. Реформа должна ограничивать роль государства в экономике, делать государство подотчетным. У нас кто-то был уволен в последние годы за провал вверенного направления работы? Из старших управленцев — никто».

**Тексты к 2.3. «Интенции, стратегии и тактики акторов
внутрироссийских информационно-психологических войн»**

Комин М. К вечному селектору // Новая газета от 21.03.2016

«К вечному селектору»

Накануне выборов в Кремле проводят смотр лояльных партийных сил

Риторика представителей трех фракций из числа так называемой системной оппозиции практически неотличима друг от друга. Для того чтобы зафиксировать этот факт, достаточно послушать, о чем они говорили на митинге в честь годовщины присоединения Крыма 18 марта. В Риге на днях маршировали фашисты, из Сирии войска вывели, потому что всех разбомбили, СССР развалили верхи, предавшие интересы Родины, и т.д. — вот единая политическая повестка думских «оппозиционеров». Наблюдателю было бы довольно трудно в тот день понять, что перед ним выступали представители разных партий.

В преддверии сентябрьских выборов такое родство думских фракций между собой и с властью не сулит им ничего хорошего. Скорее всего, Кремль отблагодарит отдельных представителей КПРФ, ЛДПР и СР за лояльность и проявленный «патриотизм» либо в виде проведения относительно честных кампаний на их округах, либо вовсе не выдвигая на их округе сильного представителя власти. Часть избирателей будет по-прежнему голосовать за старые партийные бренды. Но в новых посткрымских условиях этого явно будет недостаточно для того, чтобы сохранить имеющееся в распоряжении «системных оппозиционеров» число депутатских мандатов.

Проблемы думской оппозиции напрямую затрагивают и интересы Кремля, поскольку голоса, которые потеряли его сателлиты, могут попасть в «ненадежные» руки. Для того чтобы избегать таких проблем и получать более или менее понятные и устраивающие элиту результаты выборов,

Кремль начиная с 2003 года придерживался стратегии создания т.н. селектората.

Селекторат, или «минимальная коалиция победителей», — это один из самых распространенных способов удерживать власть в авторитарных режимах. Обнаружил и описал эту стратегию нью-йоркский политолог Брюс Буэно де Мескита. Исследователь определяет селекторат как иерархически выстроенную управленческую верхушку, состоящую из власти и ее ближайших сателлитов, лояльность которых поддерживается через их участие в перераспределении ренты и за счет страха оказаться выброшенными за границы этой системы. Включение в селекторат происходит по двум базовым принципам: данная политическая сила — партия, группа интересов, крупный бизнес, армейская или силовая элита или даже отдельный человек либо могут привести за собой голоса на выборах (тем самым обеспечивая власть формальной легитимностью и не давая протестным голосам уйти к реальной оппозиции), либо могут напрямую защитить интересы селектората околосиловыми или силовыми методами. При этом для максимизации ренты количество участников селектората стремится к минимуму, а внутри самой коалиции могут случаться ротации, т.е. чистки неэффективных участников.

До 2011 года обе части выстроенного Кремлем селектората — и партийные проекты, и силовой аппарат — справлялись с задачами удержания власти довольно неплохо. Осечка случилась во время последних думских выборов. В результате некоторые изменения внутри селектората пришлось произвести — например, привлечь к участию в нем часть думской оппозиции для получения необходимого большинства в парламентах. Но от неэффективных участников коалиции избавиться не смогли или не успели. Сейчас рейтинг самой «Единой России» снижается. Накопилась усталость от этого партийного бренда, но главное — от знакомых лиц в нем. Путинский селекторат стал настолько однородным, что для поддержания его жизнеспособности нужны свежие силы.

Все это побуждает Кремль искать пути обновления селектората, повышения его эффективности для того, чтобы не допустить самого страшного — повторения Болотной в 2016 году. Удивительно, но этих целей можно добиться с помощью самих выборов.

Похоже, что в целом ряде российских регионов — Волгоградская и Иркутская области, Санкт-Петербург, часть Москвы и Московской области — старых неэффективных депутатов «Единой России» заменят на более активных и молодых путем проведения относительно честных партийных праймериз. Обновление внутрипартийного состава произойдет и путем участия в выборной гонке «свежей крови» через структуры ОНФ, которому будут отдано значительное число одномандатных округов.

Ряды партийных сателлитов «Единой России» также можно подчистить. Взамен быстро теряющей популярность и разваливающейся на глазах «Справедливой России» Кремль экстренно готовит новую партию, перспективы которой попасть в парламент повышаются с каждым днем. В конце февраля о готовности участвовать в выборах под брендом «Правого дела» заявил Дмитрий Потапенко — харизматичный бизнесмен, особенно прославившийся после своего резкого выступления на Московском экономическом форуме, где в экспрессивной форме раскритиковал экономическую политику Кремля. Ранее Оксана Дмитриева и близкая ей группа депутатов заявили о желании баллотироваться в Госдуму по спискам «Правого дела».

Фактически «эсеров» готовятся исключить из селектората, отдав освободившийся после потери «социалистами» своих избирателей слот новой правой партии. Которая и голоса у демократической оппозиции сможет оттянуть, и кооптировать часть недовольных внутри системы. Кроме того, ее риторику можно будет удачно использовать при проведении непопулярных, но необходимых из-за кризиса экономических реформ».

**Тексты к 3.1. «Жанровая представленность внутрироссийских
информационно-психологических войн»**

В Грозном совершено нападение на Игоря Каляпина // Грани.ру от
16.03.2016

«В Грозном совершено нападение на Игоря Каляпина

В Грозном совершено нападение на главу Комитета по предотвращению пыток Игоря Каляпина. Об этом в твиттере сообщил сотрудник правозащитной организации Дмитрий Утукин.

«Только что у входа в отель "Грозный Сити" напали на Игоря Каляпина. Избили, закидали яйцами, - написал Утукин. - До этого в номер к нему пришел администратор с вооруженными полицейскими и выселил его из гостиницы». Вместе с Каляпиным в этот момент находилась журналист Радио Свобода. После нападения глава КППП в сопровождении полицейских поехал в УМВД по городу Грозному.

Как уточнил Утукин, на главу КППП напали молодые люди в гражданской одежде. В Грозном Каляпин находился в связи с инцидентом, который произошел 9 марта вблизи чеченско-ингушской границы.

Между тем корреспондент «Граней» сообщает, что гражданин, выселивший Каляпина из номера, представился не администратором «Грозного Сити», а гендиректором. Он же затем координировал действия нападавших на правозащитника.

Вечером 9 марта в районе поселка Орджоникидзевская в Ингушетии на членов Сводной мобильной группы Комитета по предотвращению пыток напали неизвестные. Микроавтобус, на котором правозащитники и журналисты ехали из Ингушетии в Грозный, сожгли.

Нападавшие избили корреспондента норвежского издания Ny Tid Эйстейна Винстада, Лену Лёфгрэн из «Шведского радио», корреспондента

«Медиазоны» Егора Сковороду, журналиста New Times Александру Елагину, фотографа Михаила Солунина и экс-сотрудника «Коммерсанта» Антона Прусакова. Помимо журналистов, при нападении пострадали Жильцов, юрист-международник Екатерина Ванслова и водитель автобуса Башир Плиев.

Позже Владимир Путин поручил Министерству внутренних дел выяснить все обстоятельства нападения и дать правовую оценку произошедшего. Незадолго до этого пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков назвал «возмутительным и абсолютным хулиганством» инцидент на чечено-ингушской границе. «Насколько мы понимаем, опасности была подвергнута жизнь этих людей. Это абсолютно неприемлемо и мы рассчитываем, что правоохранительные органы республики примут самые действенные меры для поиска и нахождения виновных, чтобы должным образом обеспечить безопасность правозащитников и журналистов», - заявил пресс-секретарь.

Работа по раскрытию преступления взята на контроль руководством МВД. «Министр внутренних дел Владимир Колокольцев поручил начальнику ГУ МВД по СКФО Сергею Ченкину и министру внутренних дел по республике Ингушетии Александру Трофимову принять исчерпывающие меры к установлению и задержанию лиц, причастных к нападению на правозащитников и представителей СМИ», - сказал сотрудник пресс-центра МВД.

При этом уполномоченный по правам человека при главе Чечни Нурди Нухажиев назвал нападение в Ингушетии «пиаром с политическим» подтекстом, цель которого - вызвать негативный общественный резонанс. Чеченский омбудсмен заявил, что за организацией нападения стоит председатель КППП Игорь Каляпин. «Я его не обвиняю, я говорю, что это его почерк», - сказал Нухажиев.

«По факту нападения были возбуждены уголовные дела по части 2 статьи 213 (хулиганство, совершенное группой лиц по предварительному

сговору) и части 2 статьи 167 (умышленное уничтожение или повреждение имущества общеопасным способом). 12 марта пресс-служба МВД Ингушетии сообщила о возбуждении нового дела по части 2 статьи 162 УК (разбой, то есть нападение в целях хищения имущества, совершенное группой лиц с применением оружия)», - говорится в сообщении. За это преступление кодекс предусматривает до 10 лет колонии. Дела соединены в одно производство.

Во вторник к расследованию нападения на правозащитников и журналистов в Ингушетии подключилось МВД Чечни. Как заявил глава министерства Руслан Алханов, его ведомство работает по отдельным поручениям коллег из соседней республики».

Игорь Каляпин, правозащитник:

«Около 18 часов я заселился в номер 2401 гостиницы «Грозный Сити». Примерно через 40 минут ко мне пришли двое журналистов и оператор, которым я, находясь еще в Ингушетии, пообещал дать интервью, как только приеду в Грозный. Когда мы начали записывать интервью, в дверь постучали. Зашли мужчина примерно 60 лет, представившийся генеральным директором отеля, охранник в черной форме и еще какой-то мужчина средних лет. Директор заявил мне, что, так как я критикую главу Чечни и чеченскую полицию, а он очень любит Рамзана Ахматовича, я должен покинуть гостиницу. Я заявил ему, что его действия незаконны, и попросил дать мне справку о том, что я выселен за то, что не люблю Кадырова. Он сказал: «Дураков ищите в зеркале».

После этого я был отконвоирован вниз, где меня задержала толпа женщин числом около 30 человек, явно спешно собранная из служащих отеля и работников бутиков, расположенных на первом этаже. Все они хором начали кричать: «Как ты смеешь говорить плохо о Рамзане». На мои попытки хоть что-то ответить громко кричали: «Мы не хотим тебя слушать». Тем не менее, выйти из отеля мне не давали. Я понимал, что меня специально задерживают, ожидая приезда команды забойщиков. Но идти или бежать мне

было все равно некуда. Своих сотрудников на машине я отпустил еще засветло, и ехать за мной в такое время в Грозный им было неправильно. Было очевидно, что ни в один отель в Грозном мне заселиться не дадут. Любой из моих друзей-чеченцев, проживающих в Грозном, будет подвергаться смертельной опасности. В общем, спешить было некуда. Помощи ждать тоже неоткуда. Стал звонить председателю СПЧ Федотову. Не успел... Остальное известно».

Как в Россию попадают санкционные продукты? // Аргументы и факты от 11.08.2015

«Как в Россию попадают санкционные продукты?»

Президент приказал уничтожать запрещённые к ввозу в Россию продукты... А как они вообще оказались на территории России? Куда смотрит таможня? Ну и сам указ, конечно, вызывает вопросы — как будто у нас нет неимущих! Складывается впечатление, что кто-то в правительстве решил подставить президента...

Ответ эксперта

«Санкционные продукты попадают на территорию России, иногда минуя таможню, — говорит Дмитрий Журавлёв, генеральный директор Института региональных проблем. — Виной тому прозрачные границы со многими странами СНГ. Это, однако, не отменяет вопросов к торговым инспекциям и другим инстанциям, которые проверяют поступающий на прилавки товар».

Действительно, непонятно, как Россельхознадзор, Роспотребнадзор и другие ответственные ведомства, позволили запрещённым товарам оказаться на складах и в магазинах?! Теперь чиновники из этих инстанций громко рассказывают, как беспощадно они будут уничтожать санкционную еду (возможно, через некоторое время они даже премию за это получат).

Проходила информация, что к этой операции привлекут силы полиции, у которой, видимо, нет более важных дел, чем искать и сжигать запрещённые продукты.

«Вопрос в том, смогут ли чиновники вышеперечисленных ведомств с этим справиться, если они оказались не в состоянии пресечь проникновение этих продуктов на рынок? — продолжает Дмитрий Журавлёв. — В целом в этой ситуации проявились некомпетентность и разгильдяйство российского бюрократического аппарата. Непонятно, например, чем занимается армия президентских помощников и других сотрудников администрации, если они проморгали указ, который вызывает такую негативную реакцию общества».

Латынина Ю. Пища для мозгов // Новая газета от 10.08.2015

«Пища для мозгов»

В чем отличие Великой депрессии от продуктовой агрессии

Увидев, что шокирующее зрелище уничтожаемых продуктов не нравится 87% россиян, пиарщики Кремля срочно озаботились поиском аналогов и оправданий.

Будучи — в большинстве своем — воспитанниками советских школ, где им рассказывали о том, что в США безработица и негров линчуют, они вспомнили, как в годы Великой депрессии администрация президента Рузвельта поливала апельсины керосином, закапывала в землю туши свиней и сжигала вместо топлива пшеницу.

«В годы Великой депрессии — сообщает нам, к примеру, блогер и журналист Алексей Осин, — американское государство стояло на стороне уничтожителей... помогало им с оружием в руках... для того, чтобы защитить капиталистический строй».

Тут, что называется, перефразируя профессора Преображенского, — не читайте за завтраком советских учебников. И за обедом — тоже. Что же оно все-таки там происходило, в проклятой капиталистической Америке?

В 1933-м администрация Франклина Делано Рузвельта приняла т.н. Agricultural Adjustment Act (AAA) — государство платило фермерам за то, чтобы те не засевали землю или уничтожали излишки скота и сельхозпродукции. В 1936 году Верховный суд США признал акт незаконным, однако в 1938 году он был принят в новой форме.

Я нимало не оправдываю практику администрации президента Рузвельта — об этом ниже. Однако хочется напомнить все-таки, чем было вызвано уничтожение сельхозпродукции, как оно протекало и кто был главным бенефициаром этого процесса.

Напомню для начала, что после Первой мировой, и особенно Октябрьской революции, фермерство в США пережило необычайный взлет. Европа была разорена войной, российская пшеница исчезла с рынков, и на прилавки хлынуло то, что произвели американские фермеры, резко увеличивавшие объем производства.

Не надо забывать и о деятельности American Relief Administration (ARA), которая помогала послевоенной Европе и СССР. Только в послевоенной Европе с 1919 по 1922 год ARA раздала 4 млн тонн продовольствия, а в разгар советского голода 1921 г., вызванного большевиками и продразверсткой, ARA кормила ежедневно 10,5 млн человек.

Многие читатели этих строк живут на свете только потому, что американцы накормили их прадедов.

Советское правительство платило ARA омерзительной клеветой и пыталось вместо пшеницы выцыганить у международного сообщества деньги, чтобы содержать на них Коминтерн.

Так или иначе, для нас важно, что все эти 10 млн человек ежедневно кормились американским зерном, выращенным американскими фермерами и закупленным американским правительством.

Надобно напомнить, что стандартный американский фермер той поры — это семья: мать и отец плюс пять детишек — которые трудятся с ночи до зари и сажают монокультуру, которая хорошо продается на рынке: табак, или хлопок, или зерно.

В 1929-м началась депрессия, цены рухнули, и в июне 1930-го администрация президента Гувера приняла совершенно безумный закон — Тариф Смута—Хаули (Smoot-Hawley Tariff). Это был протекционистский закон, закрывавший для иностранных товаров американский рынок. Администрации надо было хоть как-то показать избирателям, что она реагирует на катастрофу, и она упустила из виду ответную реакцию. Окрестные страны тоже ввели заградительные пошлины, и американские фермеры — то есть бедняки с 100 акрами земли и пятью детьми — потеряли ровно треть рынка.

Этого было мало. В это же самое время, в 1930-х годах, в США началось явление, очень хорошо известное нам, в СССР, — по итогам распахивания целины. В середине 50-х годов Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев призвал комсомольцев всего СССР осваивать целину — миллионы и миллионы плодородных гектаров казахстанской степи. Дальнейшее хорошо известно.

Миллионы гектаров полупустынной степи, с недостаточным количеством осадков, были распаханы, верхний почвенный слой, удерживаемый корнями многолетних трав, был уничтожен — и сотни тысяч тонн плодородной почвы при первом же сильном ветре снялись с места и полетели куда-то в направлении Арала.

Мало кто в России знает, что нечто похожее произошло и в США в 1930-х годах, только без всякого участия партии и правительства. В 1910—1920-х годах, в момент наивысшего подъема сельского хозяйства США,

тысячи и тысячи бедных фермеров распахали Великие Равнины (Great Plains) — миллионы акров засушливых прерий в Оклахоме, Арканзасе, Небраске, Миссури, Техасе, Колорадо и Нью-Мексико.

Все, казалось, сошлось, чтобы обрушить несчастье на их голову.

Во-первых, американское правительство щедро выделяло поселенцам земли. Kinkaid Act 1904 года выделял в Небраске поселенцам по 640 акров (260 га), а Enlarged Homestead Act 1909 г. выделял по 320 акров (130 га) в других штатах Великих Равнин.

Во-вторых, как раз тогда появившийся трактор сделал возможным обработку этих пусть засушливых, но гигантских участков земли.

И, наконец, в-третьих, начало XX века было временем потепления (это обычный 30-летний цикл солнечной активности, который в 40-х годах сменился похолоданием). Начало потепления обычно совпадает с повышенной влажностью, потому что вся влага, застывшая льдом на полюсах, возвращается в атмосферу и выпадает в виде осадков. Соответственно в 10—20-х гг. на Великих Равнинах шли дожди, и все решили, что климат изменился. (Это к вопросу о постоянном изменении климата.)

В 1933 г. — прямо в разгар депрессии — климат изменился снова. Дожди кончились. Миллионы распаханых бедняками акров в Оклахоме, Арканзасе, Небраске, Миссури, Техасе, Колорадо и Нью-Мексико стояли пораженные засухой. Глубоко вспаханная тракторами и высохшая почва, лишенная травяного покрова и удерживающих ее многолетних корней, при первом же сильном ветре поднялась в воздух — и миллионы фунтов ее полетели по всей стране, добивая до Вашингтона и Нью-Йорка. Явление получило название Dust Bowl.

Так, ветер, начавшийся 9 мая 1934 года, к примеру, уже через два дня добил до Чикаго, где выпало около 12 млн фунтов пыли. Через два дня та же буря достигла уже Бостона, Буффало и Вашингтона. В этот год в Новой Англии шел красный снег. День превращался в ночь, видимость пропадала на

расстоянии вытянутой руки, всего катастрофа затронула 100 млн акров земли.

Применительно к животноводческим хозяйствам, расположившимся на этих 100 млн акров, это означало, что у них больше нет урожая, чтобы кормить скот.

Вот в этой-то обстановке и был принят Agricultural Adjustment Act 1933 г. Его главной идеей была поддержка американского фермера — то есть бедной многодетной семьи, которая на последние деньги купила трактор, распахала землю, — а теперь цена на сельскохозяйственную продукцию упала, рынки рухнули, границы закрыты. Зерно выкупали у фермеров и уничтожали. Свиней, которых нечем было кормить на Великих Равнинах, закапывали в землю. Деньги за все это брались, между прочим, с перерабатывающих компаний, то есть с тех самых капиталистов, которых правительство Рузвельта неустанно проклинали.

Отчасти помогло: в 1935-м доход среднего фермера был на 50% выше, чем в 1932-м.

Иначе говоря, Agricultural Adjustment Act был принят вовсе не затем, чтобы защитить «с оружием в руках капиталистов». Ровно наоборот: он был принят для защиты фермеров от этих самых капиталистов, то есть перерабатывающей промышленности, норовившей скупить избытки зерна, — или, на Великих Равнинах, — скот, который стало нечем кормить, — за гроши.

Теперь, благодаря ААА, «капиталисты» — платили, а фермеры — получали. Еще раз напомним, что массовый фермер в США в то время владел не плантацией и не латифундией. Это была семья, которая очень тяжело и мало зарабатывала на жизнь. Вторая особенность Agricultural Adjustment Act, прямо вытекающая из первой, заключалась в том, что уничтожению подвергалась переработанная продукция.

В задачу данной статьи не входит подробный разбор причин Великой депрессии и экономической политики президента Рузвельта. Скажу только,

что она носила отчетливо «антикапиталистический» характер, и AAA был лишь одним из многих антикапиталистических законов, принятых администрацией.

Во времена президента Рузвельта подоходный налог был резко повышен и к концу Второй мировой достигал 95%. Государственные расходы возросли на 83% с 1933 по 1936 год, а государственный долг вырос за то же время на 73%.

В 1933 году помимо Agricultural Adjustment Act был принят National Industrial Recovery Act (NIRA). Фактически NIRA создавал в США Госплан, который назывался National Recovery Administration. NRA, финансируемая за счет регулируемых ею производств, диктовала цены и условия производства, совершенно по образцу фашистских и социалистических государств.

В 1935 г. был принят National Labor Relations Act, он же Акт Вагнера, предоставивший беспрецедентные права профсоюзам. Этот закон изъяс трудовые споры из ведения судов и передал их новому госоргану — National Labor Relations Board. Результатом стала эпидемия забастовок, бойкотов, захватов заводов и безумные требования всевластных профсоюзов в разгар рецессии, — что отнюдь не способствовало ее прекращению.

Только Верховный суд, запретивший NRA в 1935-м и AAA в 1936 г., предотвратил дальнейшее сползание американской экономики к фашизму и социализму.

Результаты New Deal, предложенного американскому избирателю Рузвельтом, говорят сами за себя. Великая депрессия продолжалась 12 лет и кончилась только в годы войны. Ни одна экономическая депрессия просто не может продолжаться так долго. Каким бы глубоким ни был крах, надо помнить, что любой крах рынка — это крах завышенных ожиданий и возвращение экономики к реальности.

Рухнувшая экономика, если ей не мешать, начинает расти очень быстро, как мы это видели в 1998 г. Если рухнувшая экономика лежит в

пыли 12 лет — это значит, что в действие вступили силы, которые не имеют ничего общего с причинами, вызвавшими крах.

Экономическая политика президента Рузвельта является одним из потрясающих примеров деструктивного мема, завладевшего целой страной. Американский избиратель требовал от государства вмешаться в экономику. Чем больше оно вмешивалось, тем хуже становились дела, но чем хуже становились дела, тем больше массовый избиратель — член профсоюза, рабочий, фермер — требовал вмешательства. Agricultural Adjustment Act был ярким примером такого вмешательства. Государство брало деньги с «кулаков» — переработчиков — и отдавало их «бедноте», несчастным фермерам, что, помимо всего прочего, нарушало конституцию США.

Однако, как бы то ни было, ААА был направлен на защиту бедняка. Мотивы администрации президента США того времени не имеют ничего общего с мотивами нынешней администрации президента России, которая пытается запугать Запад тем, что будет «бомбить Воронеж».

И да, кстати. Каковы бы ни были последствия ААА, степень голодания американцев в годы Великой депрессии не надо преувеличивать. Продолжительность жизни американцев возросла с 57,1 года в 1929 году до 63,3 в 1932-м».

Мартынов К. Правило ответки в России: если вы совершили вольнодумство — засеките 3,5 месяца, она прилетит // Новая газета от 18.04.2016

«Правило ответки в России: если вы совершили вольнодумство — засеките 3,5 месяца, она прилетит

В сущности, речь идет о парадоксе: политическая неблагонадежность, оформленная как правило в виде слов, каким-то не вполне пока известным образом толкает атмосферный фронт против преступного либерала.

В России существует таинственное явление, известное как ответка. Ученые сейчас только-только подступаются к изучению этого феномена. В общем виде ответку можно описать как ситуацию, при которой в результате излишнего и несанкционированного проявления недозволенных свобод наступает точечное усиление реакции.

Под ответку может попасть каждый. Частные лица, чиновники и общественные организации, совершив некоторую неблагонадежность, замирают в ожидании: когда же прилетит и откуда. Ответку вообще часто описывают в терминах механики Ньютона, так что явление это, скорее всего, физическое — вроде колебаний в атмосфере. Соответственно, оно не имеет юридического статуса и никакими законами, конечно, не предусмотрено. Ответка может включать в себя законодательство в качестве инструмента неизбежного возмездия, но это тоже необязательно. Соответственно, нет против нее и методов судебной защиты. В этом состоит ужас ответки, которая переживается тем, к кому она прилетела, как стихийное действие: у нее нет человеческого лица и с ней вряд ли можно будет договориться.

Изучение ответки носит междисциплинарный характер и находится на стыке физики и политической науки. В сущности, речь идет о парадоксе: политическая неблагонадежность, оформленная как правило в виде слов, каким-то не вполне пока известным образом толкает атмосферный фронт против преступного либерала. К настоящему моменту исследователям известно, что методом передвижения ответки является полет и что наступает она неотвратно (иначе ее можно было бы принять за простое совпадение). Теперь мы можем двинуться дальше и поставить вопрос о скорости ответки. Примерно так древние химики изучали флогистон — вещество предположительно ответственное за процесс горения, — и в итоге пришли к успеху.

Рассмотрим последние известные нам случаи. На прошлой неделе в офисе ОНЭКСИМ прошли крупнейшие как минимум с начала эпохи стабильности обыски. Они проводились с целью явной демонстрации

ответки, и немедленно породили слухи о том, что Прохорову намекают: что пора поделиться РБК с более благонадежным собственником. Накануне, в декабре-январе РБК опубликовал серию расследований о семье и активах Катерины Тихоновой, директора фонда «Национальное интеллектуальное развитие».

В начале февраля Национальная медиагруппа заявила о том, что «Известия» должны стать «более респектабельной газетой» и отрешила от дел Арама Габрелянова. За несколько месяцев до этого «Известия» продемонстрировали недостаточную гибкость при следовании вдоль генеральной линии партии. В то время как линия давно указывала в направлении Ближнего Востока, колумнисты издания настойчиво продолжали спасать русскоязычное население Украины. Это было признано самоволкой, ответка прилетела по законам строгого послевоенного времени.

В январе разгорелся конфликт между Минфином и руководителем Росимущества Ольгой Дергуновой — последняя резко возражала против идеи экстренной распродажи подешевевших госактивов на дне рынка. Спустя три месяца Дергунова покинула свой пост.

Взяв эти и другие аналогичные случаи, мы можем найти среднее значение скорости ответки. По нашим расчетам она прилетает в среднем через 3,5 месяца. Такова скорость полета этой сущности вне зависимости от ее масштаба и числа драйверов. Если вы проявили вольнодумство, пора посмотреть в календарь.

Итак, правило ответки звучит так: скорость ответки является константой».

Вишневский Б. Омбудсмен специального назначения // Новая газета от 22.04.2016

«Омбудсмен специального назначения

Российским уполномоченным по правам человека стала генерал-майор МВД

Как и предполагала «Новая газета», российским омбудсменом стала генерал-майор МВД и депутат Госдумы от «Справедливой России» Татьяна Москалькова, уверенно заявившая с трибуны, что «сегодня правозащитная тема стала активно использоваться западными и американскими структурами в качестве оружия шантажа, спекуляций, угроз, попыток дестабилизировать и оказать давление на Россию», и что «у уполномоченного по правам человека есть достаточно инструментариев, чтобы противодействовать этим явлениям». За нее проголосовали 323 депутата.

Конкуренты, впрочем, были не лучше: главный соперник Москальковой — сенатор, а ранее депутат Госдумы от ЛДПР Сергей Калашников (140 голосов), в пользу которого снялись двое других «жириновцев», Антон Морозов и Иван Сухарев) заявил, что «деятельность уполномоченного по правам человека — это арена политической и гибридной войны». 97 голосов получил депутат Госдумы от КПРФ Олег Смолин.

Новый омбудсмен, как рассказывала «Новая газета», поддерживала в Госдуме все «антиправозащитные» законы: «закон Димы Яковлева», закон об «оскорблении чувств верующих», закон об НКО — «иностранных агентах», закон об ужесточении правил проведения митингов и демонстраций и об усилении ответственности за участие в «несогласованных» публичных акциях, закон об ответственности за «пропаганду гомосексуализма», и другие.

В Госдуме генерал Москалькова входит в межфракционную группу по «защите христианских ценностей» (наряду с такими одиозными персонажами, как Ирина Яровая). А за два дня до избрания она уверенно поддержала разработанный в Минюсте проект закона, который расширяет понятие политической деятельности — что позволяет объявить «иностранными агентами» даже благотворительные организации, спасающие больных детей. Заметим, что ее конкуренты, — Морозов, Сухарев и Смолин, — от поддержки этой, по сути, людоедской инициативы воздержались, не

приняв участия в голосовании. Москалькова заявила, что планирует посетить Чечню и встретиться с главой этой республики Рамзаном Кадыровым, чтобы понять, «как соблюдаются там права человека». Ничего, кроме грустной усмешки, это намерение вызвать не может — чьи права и как соблюдаются в Чечне, мы прекрасно знаем. Но практически не вызывает сомнений, что серьезных нарушений в Чечне генерал Москалькова не найдет.

Реакция правозащитников на избрание Москальковой предсказуема — они еще на этапе ее выдвижения говорили о категорической профнепригодности полицейского генерала на должность омбудсмена, и о том, что в случае ее избрания взаимодействие с ней будут крайне сложным. Правозащитники, как известно, предлагали таких кандидатов, как Владимир Лукин, Андрей Бабушкин, Александр Шишлов, Татьяна Марголина и Ирина Скупова — но от их предложений отмахнулись. Против избрания Москальковой выступило «Яблоко» — в его заявлении говорится о том, что «человек, ущемляющий права меньшинств, не может быть правозащитником, основная функция которого — защищать эти меньшинства». Но тщетно...

Первые же заявления Москальковой — о «западных спекуляциях» на правозащитной теме, вполне подтверждают эти высказанные ранее опасения. Впрочем, в Кремле этим будут крайне довольны: там отношение к правам человека, как к навязанному нам «враждебным Западом» понятию, хорошо известно. Если только речь не идет об одном конкретном человеке, которого вы знаете.

А вообще, — с учетом законодательных тенденций последних лет, направленных на создание препятствий на пути реализации конституционных прав, — все чаще вспоминается известный анекдот советских времен о том, что в СССР не было нарушений прав человека. Потому что у человека не было никаких прав.

В этой ситуации, конечно, сегодня омбудсменом можно назначать и генерала МВД. С таким же успехом, как в советские времена можно было вводить эту должность при ЦК КПСС».

«Испытывая полную солидарность...» (в рубрике «О серьёзном с улыбкой») // Наш голос от 02.12.2010

«Испытывая полную солидарность с господином Грызловым, предлагаю не только отменить строку "ПРОТИВ ВСЕХ" в избирательных бюллетенях, но и вообще отменить там все строки, кроме одной правильной».

Сайгонов И., Стеженская Л. «Что общего у Сталина и Моисея?» // Газета.ru от 12.05.2013

««Что общего у Сталина и Моисея?»»

О жанре политического анекдота на примере анекдотов о Сталине

Как происходит формирование современного политического анекдота, когда появился первый анекдот о Сталине, что общего и что различного в анекдотах о Сталине и анекдотах о Путине? На эти и многие другие вопросы отвечает кандидат филологических наук, доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, один из авторов книги «Анекдоты о Сталине: тексты, комментарии, исследования» Александра Архипова.

— Как вы начали заниматься политическим фольклором СССР? Почему выбор ваших исследований пал именно на политические анекдоты? Как родилась ваша с Михаилом Мельниченко книга «Анекдоты о Сталине: тексты, комментарии, исследования»?

— В этом есть большой элемент случайности. В Западной Европе существует несколько больших архивов эмигрантских текстов, у них в коллекциях содержатся в основном письма, газеты, бумаги — документы эмигрантов разных волн и документы людей, которые находились в немецких лагерях в конце войны и остались, хотя бы даже временно, на

территории, занятой союзниками. Есть несколько таких архивов, три — наиболее крупных. Один из них находится во Франции (Библиотека современной международной документации в городе Нантер), второй — в Голландии (коллекция (Международного института социальной истории в Амстердаме) и третий, очень хороший, расположен в Бремене — в Центре по изучению Восточной Европы. В последнем архиве я начала работать и обнаружила, что в документах 1920-1940-х годов огромное количество политических анекдотов, в том числе анекдотов о Сталине. Газеты, письма, дневники — все это переполнено ими.

Вторая причина в том, что мой коллега, в некотором смысле учитель, известный филолог, специалист по структурной паремиологии Арво Крикман из тартуского Эстонского литературного музея в какой-то момент начал писать статью об анекдотах о Сталине, для чего начал собирать материалы. В результате он выпустил эти материалы отдельной книжкой — «Интернет-анекдоты о Сталине». Когда мы эту монографию увидели, то решили добавить туда ранние анекдоты о Сталине, из чего и выросла наша книга. Это были две случайности. Но есть в этом и закономерность. Если бы не мы, то кто-нибудь другой обнаружил такое огромное количество материала.

— Были ли еще какие-нибудь причины, которые заставили вас систематизировать анекдоты о Сталине?

— Почти вся западная литература о советских политических анекдотах грешит полным презрением к источникам. То есть берется, предположим, 15 текстов анекдотов, и абсолютно неважно, когда они рассказывались: в 1920-е годы или в 1960-е. Не отмечено, кто их рассказывал. Между тем известно, что некоторые анекдоты рассказывались по всей стране — от Москвы до Владивостока (это известно, потому что сводки о настроениях, составлявшихся НКВД, их фиксируют), другие анекдоты — очень редкие. Если анекдот, например, за 1937 год, фиксируется в ста записях в районных сводках о настроениях НКВД, значит, он был распространенным и в некотором смысле отражал общественное мнение. Если анекдот встречается

в единичном случае и опубликован, к примеру, в эмигрантской газете, то можно предположить, у этого текста существует автор. Это надо учитывать. Но некоторые публикаторы очень часто все смешивают в кучу, и возникает такой бессмысленный калейдоскоп, историческую картину полностью меняющий. Это меня всегда раздражало. Потому что таким образом настоящие, подлинные тексты смешиваются с фальсифицированными. А это, в свою очередь, зачастую приводит к смешным результатам. Получается, что поколения историков, культурологов занимаются текстами, которых просто-напросто не существовало.

— Как построена ваша книга?

— Наша книга построена таким образом: приводится сюжет, приводятся записи, в которых этот сюжет встречается. Там указан тип источника, который можно посмотреть: это сводка НКВД, это письмо или мемуары.

А иногда там, предположим, один текст, и про него сказано, что это публикация в журнале «Социалистический вестник», который как орган меньшевиков просто обожал публиковать или придумывать анекдоты про Советский Союз. И это тоже важно, потому что, собирая тексты, можно понять, какие из них были внутри страны, а какие создавались о Советском Союзе, но извне. Такие анекдоты очень часто не пересекались.

— Как зародился политический анекдот в России?

— Его зарождение связано с революцией 1905 года. В этот революционный год, с его свободомыслием, свободой слова, появляется 100 новых видов изданий в Москве и 150 — за ее пределами. То есть 250 разного вида прессы. Даже нельзя сказать, что это были газеты или журналы... Это были такие листочки, которые выходили нерегулярно. Основным оружием этих листочков (они так и назывались — «листок») была политическая сатира. Именно на их страницах появляется жанр политического скетча, анекдота. Этим активно пользовались все политические силы: и большевики, и меньшевики, и эсеры, и другие партии. Это был бесконечный поток

юмористических, саркастических текстов друг про друга. Помимо печатной продукции эти формы перешли и в устную сферу, поскольку все эти деятели много выступали публично и использовали таковые приемы в своей речи.

Есть и другой фактор. С отменой черты оседлости в начале XX века еврейское население в большой степени ассимилируется, появляется в городах там, где его раньше не было, и огромное количество текстов из еврейской традиции переходит в городской фольклор, а это очень важно, потому что еврейские анекдоты имеют свою давнюю историю. Существовали тексты, толкующие непонятные места Торы, которые зачастую подавали эти толкования в занимательном ключе, чтобы интересно разъяснить непонятные моменты. И там была фигура некоего рабби, который выдавал умные советы, остроумные реплики. Постепенно такие истории выкристаллизовались в отдельный жанр остроумных текстов — рассказов и анекдотов. Естественно, все это попало на благодатную постреволюционную почву.

— Как происходило формирование анекдота?

— Первая характерная черта анекдота в том, что он был жанром публичного обличения, очень популярным. Если мы посмотрим, политические скетчи начала XX века даже не всегда имеют остроумную концовку. В анекдоте, родившемся из такого текста, сейчас в конце обязательно должна быть бисоциация. Это такое явление, при котором происходит пересечение двух фреймов, двух представлений: человек думает об одном, а в конце оказывается, что имеется в виду совсем другое.

Например, чем отличается Сталин от Ленина? Тем, что у Ленина Надежда жива, а у Сталина Надежда умерла.

Обыгрывается двойное значение слова «надежда» как имени собственного и в значении упования.

Анекдот приобретает необходимость в остроумной концовке постепенно. Первоначально, до формирования такой концовки, остроумное замечание встречалось в середине текста, а иногда и не встречалась вовсе,

некоторые анекдоты являлись просто забавными историями. Постепенно структура анекдота в устном бытовании изменяется: вырабатывается концовка, которая вызывает непроизвольный смех, основанный на бисоциации.

— Когда появляются анекдоты о Сталине? В чем характерные особенности анекдотов о Сталине 1920–1930-х годов?

— Первый раз Сталин появляется в эмигрантском анекдоте в 1925 году как нарком по делам национальностей. Между прочим, выражение «антисоветский фольклор» придумали именно в эмиграции.

Так стали называть рубрики: «антисоветский фольклор», «антисоветские анекдоты». И это заслуга эмиграции. Она формировала ожидание и знание, что существует антисоветский фольклор. Массово фигура Сталина начинает появляться чуть позже, вместе с расцветом культа личности, то есть с 1929 года.

1933–1934 годы — это пик развития антисталинского анекдота. Характеризует этот период знаменитая фраза Льва Троцкого: «Зиновьев и Каменев вернулись в партию с твердым намерением заслужить доверие верхов и снова подняться в их ряды... Отдав в официальных заявлениях должное «величию» Сталина, в которое они могли верить меньше, чем кто-либо другой, они в повседневном обиходе заразились общим настроением, то есть судачили, рассказывали анекдоты о невежестве Сталина...».

Характерной особенностью политического, антисталинского анекдота конца 1920-х — 1930-х годов является то, что такие анекдоты структурируются вокруг имени революционного деятеля Карла Радека. Говорят, что он был замечательным оратором и своеобразной «медийной фигурой» своего времени. Внешне очень некрасивый, но крайне остроумный и язвительный, он славился действительно острыми высказываниями. При этом очень часто высмеивалось его умение прогибаться вместе с линией партии, предавать всех и вся. Правда, настоящий Радек не имеет никакого отношения к Радеку мифологическому, вошедшему в анекдоты. От реально

существовавшего человека к герою анекдотов перешла только одна черта — его репутация остролова и любителя выходить из положения с помощью остроумных высказываний. Таким образом возникает фигура Радека — рассказчика анекдотов.

Отметим, например, что сначала появляются анекдоты, где приходит еврей и говорит что-то Сталину, потом этот еврей заменяется на Троцкого, а потом он заменяется на Карла Радека и пополняет цикл анекдотов о нем. Представление о том, что Радек сам был придумывателем анекдотов, прижилось настолько, что, когда его судили на процессе 1937 года, в обвинительной речи Вышинского в качестве одного из пунктов было: «Радек — рассказчик антисоветских анекдотов». Этому, кстати, очень поспособствовала эмигрантская пресса, которая перепечатывала анекдоты о политике Советского Союза и приписывала их Радеку.

С другой стороны, формирование цикла — это необходимое условие функционирования текста. Вот представьте себе: в культуре существуют тысячи устных текстов. Они могут передаваться от человека к человеку разным путем, например путем долгого обучения. Существует сказитель, который пересказывает этот текст, добавляя при этом некоторые детали, таким образом постепенно образуется эпическое произведение. Но при этом может ли слушатель сразу повторить этот текст? Нет, не может. Потому что это требует специальной подготовки и навыков. Поэтому техника передачи текста от человека к человеку в некоторых случаях бывает затруднена.

Анекдот — это прямо противоположная ситуация. Мы слушаем анекдот и, в идеале, можем его повторить, если у нас нет проблем со слухом, если мы принадлежим к этой культуре. Анекдот как раз и предназначен для устного пересказа. Соответственно, у такого текста есть определенная тенденция к сокращению объема, потому что чем короче анекдот при сохранении смысла, тем он лучше и быстрее распространяется. Если у анекдота возникает некоторая фигура, объединяющая цикл, то рассказывать его гораздо проще: не надо вводить слушателя в курс дела, объяснять, что

приходит, например, еврей к Сталину потому-то и потому-то и говорит то-то и то-то. То есть половина текста сокращается, и в анекдоте остается всего две реплики, которые легко запомнить и пересказать.

Карл Радек сказал Сталину: «С вами, товарищ Сталин, очень трудно спорить: я вам цитату — вы мне ссылку, я вам вступление — вы мне заключение».

Знание, кто такой Радек и почему он все время разговаривает со Сталиным, сильно сокращает анекдот. Соответственно, он быстрее распространяется, и такие сюжеты выживают. К анекдоту, который может и не иметь никакого отношения к Карлу Радеку, присоединяется этот фрейм — рамка, просто потому, что так удобнее и быстрее его передавать. Например, первые существующие записи анекдота, который я сейчас рассказала, вовсе не связаны с именем Радека, но в устные тексты он попадает уже с ним. Вот, например, один из самых популярных анекдотов конца 1920-х годов.

Что общего у Сталина и Моисея? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин — из Политбюро.

Изначально, судя по дневниковым записям, этот текст тоже приписывался разным людям. Но в устной традиции он остался как анекдот, приписываемый Радеку. Это закон функционирования анекдота: так проще его распространять. К тому же в анекдотах 1920–1930-х годов Радек являлся фигурой, противостоящей Сталину. Именно ему принадлежит риторическая победа над Сталиным. Например, когда Сталину доложили, что Радек рассказывает анекдоты о нем, Сталин очень осерчал и позвал его в Кремль на беседу. Радек заходит и говорит: «О боже, какая у вас квартира, товарищ Сталин!». «Скоро каждый советский человек будет жить в такой квартире», — отвечает Сталин. «Одно из двух, товарищ Сталин: либо вы рассказываете анекдоты, либо я», — парировал Радек. Героем этой истории мог быть, например, Троцкий или Бухарин, но в анекдоте, выросшем из нее, остроумную победу над Сталиным, по традиции, приписывают Радеку. И таких анекдотов немало.

А вот противопоставление Сталина Ленину редко встречается. Можно вспомнить всего несколько таких анекдотов, в которых, кстати, Ленин — положительный, а Сталин — скорее отрицательный персонаж.

Вот один из таких примеров:

Однажды ночью Ленин вышел из мавзолея и нанес визит Сталину. «Так-так, ну и как тут у вас, товарищ Сталин?» «Отлично, просто замечательно! — похвастался Сталин. — Я приближаюсь к завершению первого пятилетнего плана, и весь народ со мной». «Конечно, — сказал Ленин, — еще пять таких лет, и весь народ будет со мной».

— Когда началась борьба с анекдотами в Советском Союзе?

— Рассказывание, а тем более хранение текстов к концу 1930-х годов стало очень опасным делом.

Анекдот становится запрещенным жанром к 1935 году. Именно тогда рассказывание анекдотов и исполнение контрреволюционных песен и частушек выделяют в отдельную подстатью, за которую давали 10 или 25 лет. Люди, севшие по статье 58-10, назывались «анекдотчиками». Но необязательно они действительно пели и рассказывали антисоветские частушки или анекдоты. Конечно, это мог быть, в частности, производ следователя. При этом надо учитывать, что протоколы несли на себе особенности времени. Была, например, служебная записка, которая запрещала цитировать в точности антисоветские анекдоты, песни или частушки. Использование имен Ленина и Сталина в таких текстах было табуировано. Имеется, к примеру, стенограмма допроса, в которой написано от руки, что человек рассказывал такой-то запрещенный анекдот, далее следует точное воспроизведение текста анекдота, который устно рассказал допрашиваемый. К написанному от руки прилагается напечатанный на машинке протокол, где анекдот схематично пересказан, а вместо фамилии «Ленин» стоит прочерк (нижнее подчеркивание на машинке). Или, например, имя Сталина могло заменять выражение «один из членов партии». И

получался такой анекдот: еврей пришел к одному из членов партии и спросил про другого члена партии.

— Использовался ли анекдот о Сталине как средство политической борьбы?

Во-первых, это было характерным приемом эмигрантских изданий — использовать анекдот как средство политической борьбы с советской властью. Между прочим, эту традицию перенял вестник троцкистов — «Бюллетень оппозиции». Там была рубрика «Анекдоты о Сталине», которая велась будто бы от имени Мануильского, видимо, имеется в виду Дмитрий Мануильский — известный деятель Коминтерна, про которого ходили слухи, что он большой любитель розыгрышей. Эти анекдоты были явно антисталинские, очень жесткие, саркастические. Про многие из них известно, что записей до публикации в «Бюллетене оппозиции» не найдено. Поэтому можно предположить, что они, скорее всего, были авторскими. Но потом доступ эмигрантских изданий к советскому читателю прекратился. То есть в 1920-е годы «Социалистический вестник» и другие эмигрантские издания еще относительно открыто попадали в Советский Союз. Однако вскоре вышло несколько постановлений Политбюро, все более сужающих эти каналы, и кончилось тем, что поставки всех этих изданий были запрещены. Канал стал настолько узок, что можно было по пальцам назвать людей, которые их читали. Это первое.

Во-вторых, их использовали в листовках.

В деревню, кстати, анекдоты попадали через антисоветские листовки, где ситуация в стране рассказывалась как раз с помощью таких текстов. Например, во время войны у нацистов несколько раз менялась политика пропаганды. Первое время считалось, что война будет быстро закончена, поэтому обработка должна была идти в лоб: сдавайся и выживешь. А когда стало понятно, что война затягивается, отдел пропаганды для обращения к красноармейцам стал использовать анекдоты, частушки и тому подобное. Это использовалось, правда, не очень удачно.

— Какая связь между реальными событиями и анекдотом, городским политическим фольклором? Каковы источники политического анекдота сталинской эпохи?

— Конечно, большой процент политического анекдота — это текст, возникший на прецеденте. То есть был какой-то остроумный ответ, какой-то случай, который породил анекдот. Есть случаи, про которые непонятно, был исторический факт или нет, а есть анекдоты, которые появляются из традиционной волшебной сказки, из легенд.

Есть, например, сюжет, как приходит Ленин или Сталин (чаще все же Ленин) к воротам рая, и его не пускают. Под воротами рая ходит еврей (или Радек). Ленин обращается к нему за помощью. Еврей запикивает его в чемодан, подходит к воротам рая, стучится и спрашивает: «Карл Маркс у вас?». Получает утвердительный ответ. К окошку подходит Маркс. Еврей спрашивает: «Это вы, господин Маркс?» Маркс: «Я». Еврей: ««Капитал» — Ваш?» Маркс: «Мой». «Так получите себе ваши проценты!» И бросает ему чемодан.

На самом деле данный сюжет, кроме последней остроумной реплики, — это сюжет «Смерти и кузнеца», чрезвычайно широко представленный в европейском сказочном фольклоре. Одна из самых известных его фиксаций — сказка братьев Гримм «Брат Весельчак».

Сюжет также может приходить из исторического рассказа, который, превращаясь в анекдот, теряет или приобретает маленькую деталь. Так, например, известны два воспоминания о том, как некоторый генерал-полковник много наградил в Берлине. Настолько много, что забрал под эти вещи целый вагон. И этот вагон не пропускали на границе. Тогда военный написал жалобу Сталину. Согласно мемуарам, Сталин ответил резолюцией: «Вернуть генерал-полковнику барахло. И. Сталин». В анекдоте одно слово из резолюции убирается, и она выглядит так: «Вернуть полковнику его барахло. И. Сталин». То есть генерал-полковник вещи свои получает, а в звании

теряет. Анекдот берет историю почти без изменений, убирается лишь одно слово, но именно благодаря ему получается остроумная концовка.

— Какой образ в анекдотах про Сталина у самого главного героя в 1920–1930-е годы? Он как-то меняется со временем?

— В довоенных анекдотах 1920–1930-х годов Сталин предстает полным ничтожеством: он тупой, жадный, глупый, плохо владеет русским языком.

Это явилось, в частности, ответом на насаждавшийся культ личности. Ближе к середине XX века (в конце 1930-х годов это начинает появляться, но пика достигает в 1940–1950-е годы) вдруг реактуализируются сюжеты, изначально связанные с Петром I, где Сталин рисуется жестоким, но в то же самое время справедливым и мудрым. Образ тоже негативный, но при этом негативный не в сторону глупости и жадности, а в сторону самодурства и жестокости. В анекдотах этого типа Сталин начинает выигрывать риторические поединки:

Поспорили Сталин с Рузвельтом, у кого телохранители преданнее, и приказали им выпрыгнуть из окна пятнадцатого этажа. Телохранитель Рузвельта категорически отказался прыгать, сказав: «Я думаю о том, что будет с моей семьей». Телохранитель же Сталина выпрыгнул в окно и разбился насмерть. Рузвельт был поражен и спросил Иосифа Виссарионовича: «Скажите, а почему ваш человек это сделал?». Сталин, раскурив трубку, ответил: «Он просто подумал о том, что будет с его семьей». На самом деле здесь используется тот же сюжет, что и в зафиксированном в 1927 году анекдоте, где Политбюро решило доказать Троцкому на деле, что рабочие и крестьяне не только преданы партии и ее ленинскому ЦК, но каждый из них готов умереть за дело партии. Для эксперимента вызвали в ЦК из провинции трех представителей трудящихся: донбасского рабочего, тверского крестьянина и минского кустаря-еврея. Подняли на последний этаж здания ЦК и привели на балкон, где в полном составе их ожидало Политбюро.

Сталин обратился к рабочему:

— В интересах партии Ленина требую от вас, товарищ рабочий, прыгнуть с этого балкона и своей жертвенностью доказать преданность рабочего класса нашей партии!

Рабочий отказался. С теми же словами Калинин обратился к своему земляку-крестьянину. Крестьянин тоже отказался. Тогда Каганович обратился к кустарю-еврею, но еще не кончил Каганович своих напутственных слов, как еврей рванулся к перилам.

— Стойте, — сказал Сталин, — для нас вполне достаточно вашей готовности умереть за дело партии, не надо прыгать. Но вот объясните теперь товарищу Троцкому мотивы вашего героического порыва.

— Очень просто, — ответил еврей, — лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас!

Если в анекдоте конца 1920-х годов риторическая победа принадлежит еврею, то в послевоенном варианте того же сюжета — уже Сталину.

— Как анекдот о Сталине изменился после смерти своего героя?

— Если посмотреть эволюцию анекдота о Сталине на протяжении XX века, то получается, что эволюция образа этого героя такова: от правителя презируемого и глупого к жестокому, но уважаемому. Это, на мой взгляд, ответ на своеобразный запрос общества — ожидание жесткого и справедливого царя. Это, к сожалению, некоторая особенность России: мы позитивно относимся к жесткому правителю. Было множество анекдотов про голод: как Сталин провоцирует голод, как он относится к голодающим людям. Это все вымерло, потому что для большинства сейчас это неактуально. А актуально что? Средний обыватель думает, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой. Эта точка зрения выживает, и, соответственно, выживают подобные сюжеты. По большому счету, такие анекдоты не требуют знания исторической и политической ситуации, а просто отвечают социальному запросу.

— С чем связано появление в анекдотах лидеров антигитлеровской коалиции?

— Действительно, в 1940-е годы возникают анекдоты, где фигурируют Сталин, Рузвельт и Черчилль, и опять же в этих анекдотах Сталину удается обхитрить, обмануть и выиграть «риторический поединок» у Рузвельта и Черчилля. Это, конечно, реакция на пропаганду, на превращение Рузвельта и Черчилля из практически врагов в союзников. Но в то же самое время многие анекдоты о Сталине, Рузвельте и Черчилле — это анекдоты людей, приближенных к тем, кто был приближен к Кремлю. То есть анекдоты второго круга. Ходили же рассказы, как проходили переговоры. А на этих переговорах (это исторический факт) Сталин очень старался подавить Рузвельта и Черчилля и психологически, и риторически. Привезли из Москвы в Тегеран известного певца Вадима Козина, когда Черчилль захотел его послушать, устраивали какие-то невероятные застолья. Видимо, Сталин воспринимал переговоры как ситуацию поединка, и, согласно воспоминаниям людей, которые там присутствовали, в том числе переводчика Сталина, Бережкова, Сталин любил остроумно ответить Рузвельту и Черчиллю. Конечно, это породило некоторые истории.

Кроме всего прочего, анекдот, где Сталин и Рузвельт заставляют своих телохранителей прыгать с крыши, по сюжету полностью повторяет анекдот о Петре I, о короле польском и короле датском. Структура подобных анекдотов напоминает структуру анекдотов XVIII и XIX веков. В это время были популярны (а возникли еще раньше) сборники письменных историй о деяниях королей. В этих сборниках один правитель соревновался в чем-нибудь с другими. В анекдотах о «поединках» Сталина с Рузвельтом и Черчиллем была заимствована структура именно такого анекдота. Но заполнена она была современными историческими событиями.

Образ Сталина в этих текстах довольно привлекателен: он предстает победителем в риторических поединках с Черчиллем и Рузвельтом. Поэтому в отличие от упоминавшихся ранее политических анекдотов они запрещены

не были. Известна, например, история об одном фольклористе, который был на фронте и записывал в блокнот разные тексты от солдат. Замполит поймал его с этим блокнотом и, обнаружив, что фольклорист записал два анекдота о Сталине, Черчилле и Рузвельте, отпустил. То же самое рассказывал один военный журналист. В своих дневниках он говорит, что единственный анекдот, который разрешен, — о Сталине, Рузвельте и Черчилле. Видимо, цензура воспринимала его как продолжение пропаганды.

— Как Великая Отечественная война повлияла на бытовую мифологию?

— Война повлияла на фольклор, на мифологию в принципе. Неожиданно стали возникать легенды о Сталине странного свойства. Например, что якобы Сталин облетел Москву с иконой, и поэтому столица устояла. Якобы эта легенда пошла от блаженной Матроны — очень популярной в послевоенные годы блаженной старицы в Подмосковье. Вообще, обход объекта с иконой с целью его защитить — это известное народное средство спасения дома от пожара. И вдруг этот же механизм воскресает в легенде о Сталине. Так образ Сталина-защитника постепенно проникает в фольклор.

Были и другие тенденции. К концу войны, когда все понимали, что война вот-вот закончится, ходил миллион слухов, что будет дальше, как поделят Европу. Было огромное количество досужих разговоров о том, что происходит на переговорах, много такой «народной мифологии». Например, о том, что Рузвельт и Черчилль уговорили Сталина написать секретный протокол, по которому отменяются колхозы и возвращается частная собственность на землю, но злодей Маленков (злодеем чаще всего выступал именно он) этот протокол спрятал и семь лет велел его народу не показывать. И в это настолько верили, что происходили массовые волнения то в одних, то в других регионах. Люди ожидали опубликования этого секретного документа. Например, в 1947 или в 1949 году на Украине разбрасывались листовки, где якобы от имени Жукова говорилось, что он поднимает

восстание на Украине. Дальше шла история про секретный протокол и говорилось, что он-де хочет вернуть этот секретный протокол крестьянам. Была паническая служебная записка Маленкову, что крестьяне какого-то подмосковного района отказываются подписывать поздравительные письма по поводу годовщины победы. А крестьяне отказались подписывать это письмо, потому что боялись, что их подписи под этим письмом будут являться отказом от секретного протокола.

После Фултонской речи Черчилля, произнесенной в 1946 году, пошел слух, что вот-вот начнется война. Общество упорно ожидало войны. Предполагалось, что, начавшись, она принесет освобождение от колхозов и изобилие продуктов.

Во время Великой Отечественной войны изобилие продуктов связывалось с помощью союзников, некоторые крестьяне высеивали себе поля в форме, например, посадочной полосы, чтобы при необходимости на него мог сесть американский самолет. Формально говоря, это абсолютный культ карго.

Расскажу об одном следственном деле: в послевоенной Белоруссии один человек приходил к председателям колхозов и говорил, что он американский шпион и идет на встречу со своими, но заблудился, отстал, и ему нужны еда и деньги, чтобы дойти до связного. Ему сочувствовали, и он получал от председателей колхозов еду и деньги, чтобы дойти до места назначения. Конечно, закончилось эта история тем, что его посадили за мошенничество.

Кстати, по этому поводу один из моих любимых анекдотов, косвенно имеющих отношение к теме:

В 1980-е годы вызывают Ивана Ивановича Иванова в партком. Там ему говорят: «У вас, Иван Иванович, такая репутация: во время войны вы были партизаном, вы старый член партии. Но вот вам все время приходят посылки из Израиля. Как вы можете это объяснить?» Иван Иванович отвечает: «Во время войны я прятал двух евреев, они выжили и теперь шлют мне

продуктовые посылки из Израиля». «Это очень, конечно, здорово, что вы так хорошо выполнили свой интернациональный долг, но вообще нужно и о будущем подумать». На что Иван Иванович отвечает: «А я и думаю о будущем, вот сейчас прячу у себя двух китайцев».

— Есть ли общее в анекдотах о Путине и анекдотах о Сталине?

- Тенденция та же самая. Есть анекдоты о Путине, которые возникают на каком-то современном политическом прецеденте и к прежним сюжетам отношения не имеют.

Пушкин — это наше все, Церетели — это наше везде, а Путин — наше всегда.

Кстати, этот анекдот был записан в первый раз в 2007 году, а вовсе не сейчас. Или анекдот времен второй предвыборной кампании Путина:

Рекламная акция Центризбиркома: «Выбери Путина дважды и получи на третий срок бесплатно».

Есть анекдоты про Путина, которые пародируют его образ в массовой культуре. Во время первого срока — это образ чекиста.

Например, должна состояться встреча Путина и Шредера. Путин опаздывает. Немецкий канцлер едет к нему домой и видит Путина, который держит голову в холодильнике, моет руки под краном и прижимает к груди раскаленный утюг. Шредер в ужасе спрашивает: «Владимир Владимирович, что вы делаете?». «А мне всегда мой учитель говорил, что чекист должен иметь горячее сердце, холодную голову и чистые руки», — отвечает Путин.

Есть часть сюжетов (достаточно большой процент), которые переходят из цикла о Сталине или об Андропове.

— Вы слышали, Путин сломал руку. — Кому?

Это из «андроповского» цикла. Из «сталинского» цикла выжил тот же самый сюжет о телохранителе, который мы уже упоминали, только в современном варианте действующими лицами являются Путин, Буш и Ширак.

Есть анекдоты о том, как Путин вызывает дух Сталина, чтобы посоветоваться о дальнейшей политике. Сталин на вопрос, что делать, отвечает: «Все очень просто: расстреляйте всех евреев и покрасьте Кремль в зеленый цвет». На вопрос, почему в зеленый цвет, Сталин говорит: «Я так и знал, что по первому пункту возражений не будет».

Лимонов Э. Битва за труп Немцова // Завтра от 09.03.2015

«Битва за труп Немцова

Я уже отмечал в моих постах, что при жизни Немцов был лишней картой, путался под ногами у претендентов на лидерство ультра-либералами. Не составлял конкуренции, но отбирал часть сторонников от Каспарова, потом от Навального. Откусывал.

Власть ругал последними словами. Власть морщилась, но терпела, особого вреда от этой беспардонной ругани не было, а временами Борис Ефимович вообще оказывал власти услуги, как было в случае с уводом протестных сил с площади Революции на Болотную. Он правда в том предательстве не один участвовал, но его заметили и за Болотную не наказали, помните?

Зато теперь труп Немцова нарасхват.

Власть уже этот труп адаптировала, сделала чуть ли не героем, ну во всяком случае его восстановили в правах своего (По-американски поступили, "сукин сын", но свой всё же).

Ультра-либералы с пеной у рта, истерично вопя, не оставляют надежды сделать Путина ответственным за убийство этого никому не нужного, пережившего себя плебоя-политика.

Дочь Жанна Немцова так высказывается: "Я уверена, что убийство отца было совершено по политическим мотивам." На основании чего она уверена? Нет у неё оснований для такой уверенности. Несёт абы что.

Касьянов (из вполне умеренного оппозиционера ещё в 2006-ом), под влиянием истеричных дружков ультра-либералов превратившийся сам в истерика, тоже заявляет, что Немцова убила власть по политическим мотивам. Не говоря уже о Яшине, который был при Немцове верным оруженосцем типа Санчо Пансо. Этот осиротел, и с горя его заносит.

Хотя по совести, ну кому неуловимый плейбой мешал? Да никому не мешал, доверия у масс к нему не было, поскольку был отягощён поганым прошлым.

Власть, помимо того, что оприходовала Бориса Ефимовича в свой клан посмертно, пытается извлечь из его смерти и политическую выгоду. Обществу усиленно внушают, что Немцова ликвидировали по религиозным мотивам, поскольку такой исход выгоден для отношений с Западом, я уже замечал, что версия убийства по религиозным мотивам сблизит Россию чуть-чуть с Западом. Если будет выглядеть убедительно.

Одновременно, вы видите, как усиленно выпирают Анну Дурицкую из убийства Немцова. То, что её оставил в живых убийца - крайне подозрительно. Ещё более настораживает тот факт, что её быстро спровадили подальше от московских следователей, во враждебную Украину.

Мы с вами видим, таким образом, какая нешуточная битва разворачивается за труп Немцова.

А я как Фома неверующий, впрочем, вы тоже такие, да? Это была проповедь недоверия».

Милашина Е. Вопрос пунктуации // Новая газета от 14.03.2016

«Вопрос пунктуации

Установить участников наглого нападения на журналистов и правозащитников легко, но что будут делать власти с этим знанием дальше. И что делать журналистам, которым в Чечне де-факто объявили войну

Установить участников наглого нападения на журналистов и правозащитников легко, но что будут делать власти с этим знанием дальше. И что делать журналистам, которым в Чечне де-факто объявили войну

Нападение. Расследование

Расследование нападения на журналистов и правозащитников на границе Чечни и Ингушетии, произошедшего 9 марта, ведет ингушское МВД. Ход следствия взяли под контроль министр МВД Колокольцев, полпред СКФО Меликов, глава Ингушетии Евкуров. Вполне однозначно по этому поводу высказался президент России.

Несмотря на то, что нападавшие героически спрятали свои морды под медицинскими масками, установить их личности не сложно. Один только запрос кавказским филиалам операторов сотовой связи на предмет привязки телефонов к базовым станциям, обслуживающим в то самое время то самое место на федеральной трассе «Кавказ», даст потрясающий оперативно-разыскной результат и позволит идентифицировать преступников. Аналогично по биллингам можно установить и личности тех, кто в это же время громил квартиру правозащитников в микрорайоне Яндаре в Карабулаке. Вообще с анализа данных операторов сотовой связи начинается сегодня любое расследование. Именно таким образом буквально на следующий день были вычислены убийцы Бориса Немцова.

Несмотря на споры о квалификации преступных действий (хулиганство, умышленное уничтожение имущества, чуть позже добавился разбой), в данном случае, может быть, совсем не так уж и плохо, что на первом, самом важном этапе следствие ведут именно ингушские полицейские. Я скажу больше: организаторы нападения на журналистов и правозащитников, намеренно выбравшие территорию Ингушетии для совершения преступления, сильно просчитались. У ингушских правоохранительных органов в данном случае есть личная мотивация: они очень злы.

В отличие от своих турбулентных соседей (Чечни и Дагестана), Ингушетия на протяжении многих лет демонстрирует удивительно низкий криминальный и террористический фон. Республика комфортна для туристов и вполне лояльна к журналистам и правозащитникам. Хотя у местных правозащитников иногда случаются конфликты с властями и силовиками. Но опасной для жизни Ингушетия перестала быть после того, как Юнус-Бек Евкуров планомерно разгреб наследие своего предшественника Мурата Зязикова и сам заплатил высокую цену за достигнутую стабильность (пережил страшное покушение).

Всего за три дня ингушские мир и покой были грубо попорчены крайне вызывающими выходками: нападением на журналистов и правозащитников и подрывом машины у Насыр-Кортской мечети. Целью теракта, по всей видимости, был имам мечети Хамзат Чумаков. Чумакова объединяет с правозащитниками «Комитета по предотвращению пыток» один немаловажный факт: все они объявлены «личными врагами» Рамзана Кадырова.

Судя по официальным заявлениям, оба происшествия власти Ингушетии расценили как вызов. Так, уже на следующий день ингушские силовики вычислили и номинального собственника подорванной у мечети машины, и ее настоящего владельца — жителя Чечни. Еще легче идентифицировать владельцев машин, демонстративно преследовавших микроавтобус, на котором передвигались журналисты и правозащитники. Все автомобили были с чеченскими номерами.

Установить можно всех участников — и быстро, вопрос в другом: что делать потом с этим знанием? Особенно учитывая всем памятный ультиматум Кадырова «стрелять на поражение».

Нападение. Причины

С 19 февраля по 9 марта этого года за свою профессиональную деятельность в Чеченской республике пострадали 9 журналистов — российских и иностранных. Трое были незаконно задержаны сотрудниками

чеченской полиции, у них были конфискованы все отснятые материалы. Шестеро подверглись слежке, нападению и избиению. Опять же — все материалы, вся журналистская техника были уничтожены. Эта статистика свидетельствует о следующем: в своей отчаянной попытке восстановить рухнувший информационный «железный занавес», власти республики решились на крайние меры, объявив, по сути, всем журналистам войну. И этот факт надо осознать. В том числе потому, что журналисты в Чечню ездить не перестанут. Рамзан Кадыров и его окружение надолго стали золотоносной новостной жилой, а опасность никого из журналистов никогда не останавливала. Наоборот, подстегивала.

Тем не менее журналисты, которые пишут о себе, так же бесполезны, как правозащитники, которые защищают только себя. Пресс-тур, который был организован для сбора информации о практике пыток в Чечне, не поведал миру ни одной истории о пытках. С профессиональной точки зрения это — нулевой результат.

Пресс-тур, который был организован Комитетом по предотвращению пыток показал, что это не самая лучшая форма для осуществления журналисткой деятельности в республике, которую сознательно пытаются закрыть от всего мира.

Организаторы пресс-тура не осознали опасность, не придали значения интенсифицировавшемуся последний месяц потоку угроз, не оценили риски. И, собственно, даже задачи такой перед собой не ставили. Даже факт двухдневной демонстративной слежки за журналистами и сопровождавшими их правозащитниками не насторожил организаторов пресс-тура. Хотя публичная огласка этого факта вместе с обращением к дружественным властям Ингушетии с просьбой о предоставлении охраны (например, машины сопровождения) вполне могли бы предотвратить нападение или, по крайней мере, исключили бы его на территории Ингушетии (а территориальный вопрос, судя по всему, был для заказчиков нападения важен). К сожалению, Комитет по предотвращению пыток не только не

пытался обеспечить безопасность журналистам, он отказался, по сути, думать о безопасности даже своих сотрудников, живущих в Чечне.

Я далека от мысли подозревать руководство Комитета в глупости, наивности, невладении информацией или неумении ее анализировать. Видимо, виктимное поведение, которое демонстрируют сотрудники Комитета последний год, — вполне осознанно выбрано за основную модель. И я лично считаю этот момент крайне опасным. С декабря 2014 го Комитет пережил три нападения, и с каждым разом уровень насилия этих попыток выдавить правозащитников (а теперь уже и журналистов) из Чечни только возрастает. До приказа убить пока еще не дошло, но эксцесс исполнителя в такой ситуации вполне возможен. Поэтому журналисты, которые принимают решение участвовать в мероприятиях, организованных Комитетом, должны взвесить на своих внутренних весах все риски. Они должны понимать, что отныне поездка в Чечню — это поездка на войну. А Кремль, от которого зависит выбор запятой в предложении «казнить Рамзана нельзя помиловать», пока еще не определился с пунктуацией».

Соколов С. Зачем разгромили ФМС с ФСКН и создали Национальную гвардию // Новая газета от 08.04.2016

«Зачем разгромили ФМС с ФСКН и создали Национальную гвардию

Объяснений несколько. Есть простые — кончились деньги. Что правда. МВД вот уже несколько лет сокращают, да так, что кроме начальников, почти никого не осталось. Содержать же еще и аппарат двух весьма масштабных организаций — в нынешней экономической ситуации весьма накладно.

К тому же при всех последних реформах силового блока никто и никогда не думал о его основной функции: обеспечении безопасности граждан и комфортном их проживании на вверенной нынешней власти территории. Гуманизация общения власти с народом, которая в том числе

заклучалась и в создании Федеральной миграционной службы — ну, не люди в погонах делают тебе паспорт, — формально закончилась. А ведь были времена, когда всерьез обсуждалась даже возможность передачи ФМС функций пограничного контроля.

В продолжение этой тезы — понимание того, что же на самом деле оказалось создано на деньги разгромленных ведомств. Вряд ли эти десятки тысяч бойцов будут отмечаться на месте стихийных бедствий или в случае взрыва бытового газа снимать кошек с деревьев. А вот на массовых акциях, которые в связи с экономическим коллапсом ожидают в Кремле, — всенепременно.

Правда, заполонившие фейсбук панические комментарии с цитатами из закона о новой структуре, особенно в той его части, что разрешает стрелять на поражение без всякого предупреждения, туманят суть происходящего. Эти положения — только калька с недавно принятого закона «О полиции». Разница лишь в том, что в полиции далеко не все готовы следовать этим нормам. А нужны те, кто готов.

Ведь ассортимент тех, кто щекочет нервы обывателя картинками с войн и войнушек за пределами России, практически исчерпан, Соловьева с Киселевым и «Давай поженимся» на всех не хватит, а выборы в парламент — вот они, да и президентские (что важнее).

Как справедливо замечено комментаторами, срочно требуется корпус жандармов — причем преданных лично. И чтобы защищал он даже не столько от стихийных пикетчиков (для них есть статья в Уголовном кодексе имени Дадина), сколько от бывших хорошо упакованных в офшорном смысле союзников, которые возьмут и решат осуществить давно предрекаемый раскол элит, плавно переходящий в государственный переворот (гипотетическая возможность — ну а вдруг?).

Да, ведомство Бастрыкина — СКР — очень вовремя подхватило валяющееся знамя политического сыска, которое не хотела поднимать даже ФСБ, не говоря уж об МВД. Но у Следственного комитета нет дивизий.

А в распоряжении нового большого силового начальника с труднопроизносимой должностью, из которой врежется в сознание только слово «главнокомандующий», — будут не только зеленые пацаны, но и «дикая дивизия» Кадырова.

Собственно, отчасти именно этим и объясняется назначение на должность начальника новой гвардии Золотова — единственного из всех силовиков, кто не поссорился с главой Чечни и может вести с ним переговоры на самые щекотливые темы. Как вели их, очевидно, его эмиссары после убийства Бориса Немцова. Кадыров, который вышел из-под контроля (что очевидно в контексте последних событий), — как последний аргумент в ситуации возможного коллапса. Он же — не обезвреженная бомба, способная рвануть не там, не вовремя и не по тому поводу, — и пульт для ее активации должен быть в очень близких руках.

Но в связи с происходящим возникают и весьма приземленные вопросы. Судьба безответных мигрантов интересует мало кого. Но что будет после внезапной реформы с массой пылящихся уголовных дел, возбужденных зачастую по надуманным предлогам сотрудниками ФСКН? Что будет с наркотрафиком, для которого Россия давно уже превратилась в хорошо освещенную автомагистраль?

Впрочем, реформа не такая уж неожиданная. Давайте вспомним, для чего создавалась ФСКН. Новому (тогда еще) президенту нужна была спецслужба, подконтрольная ему лично, — чтобы можно было решать проблемы, которые в начале президентства нельзя было доверить никому: ни МВД, ни ФСБ (они постоянно и насмерть воевали друг с другом — за контрабандные тропы, в частности «Три кита», и китайский трафик).

И вот настал день, когда личная тайная полиция, шпионившая за своими, Кремлю стала не нужна.

А вот нагайки — очень».

Тексты к третьему параграфу «Аксиология информационно-психологических войн» третьей главы

Сергеев М. Признаков дефолтного сепаратизма в стране пока не наблюдается // Независимая газета от 24.08.2015

«Признаков дефолтного сепаратизма в стране пока не наблюдается

Сегодняшней целью США является раскол России, заявил экс-госсекретарь Генри Киссинджер в интервью американской прессе. «Сломать хребет российского правительства», – уточняет интервьюер, редактор ведущего внешнеполитического издания. Явные признаки экономического раскола в России уже отмечались в период дефолта 1998 года. Тогда регионы отказывались перечислять налоги федеральному правительству и пытались создать собственные золотовалютные резервы.

Раскол России стал целью, тогда как долгосрочной перспективой должна быть ее интеграция, считает бывший госсекретарь и советник по национальной безопасности США Генри Киссинджер. Об этом он заявил в интервью редактору авторитетного внешнеполитического издания National interest Джейкобу Хеилбранну. Последний соглашается, что политики в Вашингтоне «нацелены на то, чтобы сломать хребет российского правительства». Впрочем, по смыслу интервью понятно, что «сломать хребет российского правительства» – это краткосрочная цель в рамках стратегического курса на «раскол России».

Российская империя и СССР уже демонстрировали склонность к распаду. За последние 100 лет наша страна раскалывалась по крайней мере дважды – во время революций 1917 и 1991 года. Многочисленные признаки экономического сепаратизма проявлялись и в современной России в начале 90-х и особенно во время экономического кризиса 1998 года. Тогда регионы

обнаружили неспособность Центра решать насущные экономические проблемы и попытались делать это самостоятельно.

Самые яркие проявления экономического сепаратизма – это попытки выпуска региональных валют, создание областных золотовалютных запасов, отказ от перечисления налогов в федеральный бюджет. Более полный список признаков экономического сепаратизма приводит бывший советник президента и замначальника аналитического управления кремлевской администрации президента России Эмиль Паин в статье о федерализме и сепаратизме в России.

«После объявления федеральным правительством дефолта почти все регионы стали предпринимать меры экономической самозащиты, которые реально угрожали сохранению экономической целостности страны», – напоминает Паин. По данным официальной статистики, уже к сентябрю 1998 года 79 регионов ввели административное регулирование цен на продукты питания и ограничения на их вывоз за пределы субъекта Федерации. Наибольшую угрозу создавало обособление региональных финансовых систем. В Самарской области ограничивали работу филиалов московских банков, учредили пул местных банков и собственную расчетно-кассовую систему. Башкирия, Калмыкия, Татарстан, Томская область и Хабаровский край приостановили перечисления налогов в Москву. Калмыкия самовольно перевела федеральные налоги в местный бюджет, Калининград ввел «режим чрезвычайной экономической ситуации», а Кемерово стало собирать собственный золотой запас. Тогдашние власти Сахалина и Ярославской области объявили о смене форм административного управления.

Волна экономического сепаратизма во время дефолта 1998 года во многом оказалась даже сильнее, чем в начале 90-х, когда создавалась так называемая Уральская республика с собственной валютой – уральским франком. Тем не менее после смены правительства в 1998 году новые российские власти довольно быстро справились с экономическим сепаратизмом. У местных банков, которые не пересылали налоги в Москву,

были отняты лицензии. А регионы, запретившие вывоз продовольствия, были лишены поставок горючего. Помог победить сепаратизм и быстрый рост экономики благодаря тогдашней девальвации рубля.

Российские эксперты указывают на различия в причинах нынешнего кризиса и дефолта 1998 года, а также на разницу в подходах Запада к России сегодня и во время дефолта. «Дефолт 1998 года был результатом неразумной политики макроэкономической стабилизации. А нынешний кризис – это системный тупик экспортно-сырьевой модели экономики, который наше правительство пытается разрешить по принципу тришкиного кафтана», – указывает руководитель Центра по международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Алексей Арбатов. При этом считает, что далеко не все политики в США добиваются раскола России. «Большинство американцев понимают, что расчленение РФ может иметь катастрофические последствия для США. Остатками России наверняка захотят поживиться «Исламское государство» и Китай, что явно не пойдет на пользу американцам. Кроме того, распад страны с ядерным потенциалом, атомной энергетикой и множеством опасных производств создает риски тяжелейшей катастрофы», – говорит Арбатов.

«Искать в интервью Киссинджера возможные способы и методы раскола России – в принципе неправильно. Киссинджер говорит о системном выборе Штатами после холодной войны политики доминирования без учета интересов нашей страны», – говорит глава Совета по внешней и оборонной политике Федор Лукьянов. Кризисы 90-х, по его словам, были вызваны недееспособностью Центра. Тогда региональные власти просто готовились выживать самостоятельно. Когда же угроза углубления кризиса миновала, местные чиновники забыли и об экономическом сепаратизме. «В нынешних условиях я не представляю, что должно произойти для повторения сценария 90-х», – говорит Лукьянов».

«Машино-место в Кремле»

В политике у нас всё — очевидное, в экономике — невероятное

Ну где вы еще такое прочитаете: «На инаугурацию 2018 года Путин приедет на автомобиле чебоксарского производства»! Этот чарующий заголовок появился в серьезной и обстоятельной сетевой газете «Правда ПФО». ПФО — это Приволжский федеральный округ, а правда — это правда, ее ни с чем не спутаешь.

Помните, был анекдот: «Приезжаю я в Урюпинск и вижу: из трамвая выходит Карл Маркс». — «Да ладно врать! Когда это в Урюпинске трамваи пустили?» В случае с заголовком «Правды ПФО» Карл Маркс тоже сомнений не вызывает. Хуже с трамваем...

Откуда, спрашивается, в Чебоксарах автомобильное производство? Или, пока мы отвлеклись на новости про Украину и Сирию, пока искали на карте Панаму и в словаре слово «офшор», в столице Чувашии построили современный автозавод, способный произвести не только легковушку для рядового потребителя, но и тяжелый лимузин для президента? При поверхностном взгляде на Чебоксары трубу этого завода не видно. При более пристальном взгляде (но уже не на город, а на заголовок) можно заметить, что поданная с творческой фантазией информация содержит и очевидное, и невероятное.

Очевидное — из сферы политики. Политика у нас такова, что никто не усомнится, кто станет главным действующим лицом в инаугурации президента России в 2018 году. Ну не выйдет же во второй тур Геннадий Зюганов. Ему только в Урюпинске из трамвая выходить.

Теперь о невероятном. Известно, что отечественный правительственный автомобиль с названием «Кортеж» планируется выпустить в 2018 году. Министр промышленности и торговли РФ Денис

Мантуров публично подтверждал, что случится это импортозамещение как раз к инаугурации президента. Чебоксарский автозавод при этом министр не упоминал ввиду отсутствия такового. Не упоминал он даже реальный Чебоксарский завод силовых агрегатов (ООО «ЧЗСА»), иначе ему пришлось бы перечислить еще несколько десятков фирм-подрядчиков, на которых размещены заказы составных частей «Кортежа».

Как узнали чебоксарские журналисты, ООО «ЧЗСА» получило заказ на изготовление чего-то такого для президентского лимузина. Будет ли это болт с шайбой или нечто более существенное — пока секрет. Некоторое преувеличение во второй части упомянутого заголовка, как видите, есть, но и кое-какая правда в нем содержится. Невероятно, но чуть ли не факт.

А какие могут быть претензии, когда в нашей экономике вообще ничего вероятного не просматривается? И расцвет ее невероятен, и крах, который пессимисты предсказывают, — тоже. Никто не скажет, построят ли где-нибудь какой-нибудь завод или закроют старый. Кто-то может возразить, что лимузин-то к 2018 году обязательно смастерят. Что же тут невероятного? А вот что: невероятно большие деньги уйдут на это в условиях кризиса.

В общем, нравится это кому-то или не нравится, в 2018 году автомобиль на инаугурации будет новый, а президент — прежний».

Гусейнов Г. В защиту Конституции, или филолог как последний ополченец // Новая газета от 18.04.2016

«В защиту Конституции, или филолог как последний ополченец

О манифесте главы Следственного комитета Бастрыкина

Когда политика приобретает черты клоунады, политологи становятся сатириками, сатирики — психиатрами, юристы — просят к ним в пациенты, а филология встает на стражу правопорядка.

В понедельник 18 апреля 2016 года глава Следственного комитета г-н Бастрыкин выступил в газете «Коммерсантъ» со статьей, призывающей, по-моему, к подрыву конституционного строя России.

«Крайне важно, — пишет Бастрыкин, — создание концепции идеологической политики государства. Базовым ее элементом могла бы стать национальная идея, которая по-настоящему сплотила бы единый многонациональный российский народ».

На всякий случай напоминаю генералу юстиции, что в его высказывании имеются признаки нарушения пп.1-3 и 5 Статьи 13 действующей Конституции РФ. В условиях прискорбного правоотступничества со стороны защитников права филолог вынужден, читая, обращать внимание не столько на особенности стиля, сколько на само содержания высказывания. Ведь Конституция — это документ прямого действия. Если она прямо запрещает создание какой бы то ни было «национальной идеи», которая замещала бы ее, Конституцию, в качестве инструмента «сплачивания нации», то филолог обязан на это указать — как последний ополченец в отсутствие разгромленной регулярной армии.

В своей статье г-н Бастрыкин рассуждает о неких попытках «поставить под сомнение результаты референдума о присоединении Крыма к Российской Федерации. Этот акт правового выражения всенародного волеизъявления населения Крыма стал неотъемлемой частью российского конституционализма».

Даже если мы признаем, что в Крыму весной 2014 года состоялся упомянутый генералом Бастрыкиным референдум, на основании каких законов это мероприятие, проведенное в чужой стране, позволило руководству РФ поставить под сомнение целостность Российской Федерации путем включения в ее состав международно-признанной территории сопредельной страны?

С какой стати пусть даже «всенародное волеизъявление граждан» иностранного — на момент волеизъявления — государства могло бы стать «неотъемлемой частью российского конституционализма»?

Задача руководителя Следственного комитета — расследовать, кто виноват в этом конкретном нарушении п. 5 ст. 13 Конституции РФ, а не препятствовать такому расследованию с помощью публикаций в СМИ.

Наконец, третье проявление правового нигилизма г-на Бастрыкина мы находим в следующем пассаже:

«Также следует пересмотреть законодательство о социальном обеспечении на предмет наличия у близких родственников лиц, причастных к терроризму, прав на пособия по случаю потери кормильца и других выплат. Лицо, которое идет на совершение этих преступлений, должно знать, что не только в случае смерти будет похоронено в безымянной могиле, но и лишит своих близких родственников финансовой поддержки со стороны государства».

Если перевести это рассуждение на русский язык, то российскому законодательству предлагается перейти к практике превентивного заложничества для профилактики особо тяжких преступлений.

Как же быть простым гражданам, если высокопоставленный формальный защитник права открыто выступает против действующего законодательства? Да еще то и дело вводит читателей в заблуждение: «всенародное волеизъявление народа Крыма» к концу статьи превращается у него во «всенародное волеизъявление» всей РФ, а ведь в РФ никакого референдума не проводили!

Автор статьи не скрывает своих мотивов: он выступает не как юрист, а как участник «информационной войны». Особенность этой «гибридной войны» в том, что она у нас а) объявлена самим себе и в) до сих пор велась только словами. Самим названием «Пора поставить действенный заслон информационной войне» автор превращает право в придаток публицистики, возможно, мечтая, как отныне любой критический анализ его творчества он

же назначит правонарушением (актом информационной агрессии). От этого глумления над самим институтом права всех нас защищает пока только Конституция.

Плохо, что самое Конституцию от генералов юстиции приходится защищать филологам».

Яковенко И. Акт национального унижения №14 // Ежедневный журнал от 15.04.2016

«Акт национального унижения №14

Вчера, 14.04.2014, состоялся публичный акт национального позора. Три часа и сорок минут без перерыва небольшой пожилой человек врал и кривлялся, демонстрируя свое беспредельное презрение к тем 140 миллионам покорных рабов, которые вот уже 17-й год терпят его ложь и кривляния и неизвестно сколько еще будут терпеть в дальнейшем.

Этот акт национального унижения, по счету 14-й, отличался от тринадцати предыдущих значительно большей глубиной и бесстыдством со стороны главного фигуранта и полной готовностью к публичному унижению со стороны всех остальных участников действия. На предыдущих спектаклях главному фигляру задавались реальные вопросы. Один, а иногда и два или даже три. В этот раз – ни одного.

Среди публики, собравшейся для участия в позоре, были в основном «лучшие люди города»: Яровая и Михалков, Доренко и Проханов. В большом количестве присутствовали стандартные молодые люди со стертыми лицами из организации со странным названием «Клуб лидеров». Раньше таких стандартных можно было во множестве встретить в райкомах комсомола, позднее среди тех, кто рекламировал МММ, еще позднее в активе «Наших» и «Молодой гвардии». Сейчас эти «клубные лидеры» усердно клубятся вокруг Путина.

Но были среди участников действия и живые люди. Фермер Василий Мельниченко из Свердловской области, знаменитый своими блестящими афористичными текстами в Интернете, сумел, несмотря на сопротивление организаторов, задать свой вопрос. Его пытались игнорировать, потом пытались отобрать микрофон, но он все-таки докричался. И тут выяснилось, что организаторы напрасно боялись, поскольку блестящий народный протестант Мельниченко, который в Интернете смотрелся чуть ли не Каспаровым или Травкиным, тут вдруг задал вполне себе верноподданнический вопрос про то, почему вопреки воле президента закрывают больницы и школы. Путин, естественно, ответил, что это нехорошо и он разберется.

Другой живой человек, чье грустное лицо мелькало среди счастливых лиц лучших людей города, Владимир Рыжков, так и просидел все четыре часа, не задав своего вопроса. Знал же, куда идет. Понимал, что зовут, чтобы массовка из мертвецов выглядела живой: вон, мол, смотрите у нас президент какой демократ – в зале несистемная оппозиция, а он не боится! Был шанс задать те вопросы, которые так и не были заданы. О Савченко. О сидящих по «Болотному делу» и другим политическим делам. О неких туркоманах, которых бомбили в Сирии, вместо того, чтобы бомбить ИГИЛ. О двух миллиардах баксов, которые были даны без залога путинскому приятелю и были потрачены на несколько музыкальных инструментов. О том, почему нашими друзьями становятся людоеды, а нормальные страны от нас шарахаются. О Крыме и Донбассе.

Понятно, что все это вопросы не к Путину. К нему вопросов давно нет, и на любой вопрос он опять наврет. Но вопрос можно задать так, чтобы лживость любого лживого ответа была очевидна. Бывают такие вопросы-приговоры. Их не было. А без этого, зачем приходить? Зачем подставлять свое безмолвное лицо в массовке под срам этих телекамер?

Путин на этот раз врал как-то особенно уныло и нехудожественно. Это было совершенно бездарное вранье. Про музыкальную шкатулку с двумя

миллиардами он сказал следующее: «То, что Сергей Павлович Ролдугин купил, а он купил, по-моему, две скрипки, две виолончели – это уникальные вещи. Последняя, которую он приобрел – около 12 миллионов долларов». И потом Путин зачем-то добавил: «Он истратил больше, чем у него было». До этого Путин признал, что к фактуре панамского досье у него претензий нет. То есть 2 миллиарда у Ролдугина были. Четыре вещи по 12 миллионов это 48 миллионов баксов. Куда делись остальные миллиард и девятьсот шестьдесят два миллиона?

Путинское вранье про рост промышленного производства проверяется простой справкой из Росстата: там падение. Расчет на неграмотных? Путин очень любит сыпать цифрами, поэтому арифметическое вранье у него встречается чаще всего. Дама по имени Людмила задала один из немногих дельных вопросов. У нее год назад на недельные закупки продуктов уходило пять тысяч, а в этом году – десять. Правительство утверждает, что рост продовольственных цен составил 12%. «Кому верить, правительству или чеку?», — спрашивает президента Людмила. Путин в ответ на этот прекрасно сформулированный вопрос начинает лепетать, что тут нет противоречия, поскольку правительство объявило рост цен не на 12%, а на 12,8%. Разницу между ростом на 12,8% и в два раза подданным замечать не положено.

Кроме банального арифметического вранья, в изобилии было и фирменное путинское глумление, известное как «она утонула». Говорится непременно с тонкой еле приметной улыбочкой. На вопрос Дмитрия Бочарова из Москвы о том, стоит ли идти на выборы, если посчитают все равно в пользу «Единой России», Путин сначала сослался на первоисточник, мол, мы же не будем уподобляться тому, кто говорил: «Неважно, как проголосовали – важно, как посчитали». И тут же выдал одну из своих фирменных шуток: «Никто не сомневается в объективности и справедливости избиркомов».

Шуток и юмора было как обычно много. Судя по «прямой линии», страна стала жить лучше и веселее. Было много детских вопросов. Девочка

Ангела спросила Путина, какие три желания он бы загадал, если бы поймал золотую рыбку. Путин в ответ вспомнил «песенку»: «Никто нам не поможет, ни бог, ни царь и ни герой, мы все должны делать сами». Возможно, он имел в виду текст с несколько иными словами, и эта «песенка» называлась «Интернационал», который был Гимном СССР вплоть до 1944 года, то есть той страны, распад которой Путин называл крупнейшей геополитической катастрофой 20 века.

Политически грамотная девочка Варя напомнила Путину, что в прошлом году он спас тонущего Обаму. И спросила, будет ли он спасать Эрдогана и Порошенко. Путин объяснил политически грамотной девочке Варе, что, если кто-то решил утонуть, то спасти его невозможно. Реакцию девочки Вари не показали, но что-то мне подсказывает, что она не расстроилась, узнав, что Эрдоган и Порошенко не будут спасены и утонут.

После второго часа Путин окончательно расслабился и стал вести себя совершенно по-домашнему. Собственно, он единственный и был в этой стране дома. Это все остальные 140 миллионов у него в гостях. На вопрос о том, какие лекарства он принимает, сказал, что принимает те, что дают. А дают те, что подешевле. В этот момент оператор показал лица в студии, и было видно, что люди верят и сочувствуют президенту, которому приходится экономить на лекарствах.

Особую радость собравшихся вызвало объявление, что за три часа работы «прямой линии» уже возбуждено несколько уголовных дел. Создавалось впечатление, что в промежутках между встречами Путина с населением вся страна впадает в спячку. Особенно крепко спят чиновники, прокуроры и полицейские, и только в момент вот этой «прямой линии» они все просыпаются. Кстати, формирование именно такого образа России в глазах населения и является целью этих странных мероприятий, которые немыслимы ни в одной нормальной стране. Подданные должны знать, что как только Путин отворачивается, Россия разваливается на части и если он уйдет, страна исчезнет.

Когда «прямая линия» закончилась, мне стало известно еще об одной фирменной путинской шутке. Дело в том, что там было много обращений от предпринимателей с просьбами, чтобы их перестали гнобить проверками, незаконными обысками, арестами и вообще отстали от бизнеса. Путин как всегда обещал, что приложит все силы для защиты предпринимателей. И вот как раз в то время, когда он это в очередной раз обещал, в офис Онексим-групп, принадлежащей Михаилу Прохорову, пришли с обыском. Трудно сказать, была ли это реакция на редакционную политику принадлежащего Прохорову РБК, который среди прочих российских СМИ довольно обстоятельно публиковал материалы панамского досье. Или просто кто-то решил отжать у Прохорова бизнес.

Эту «прямую линию» рекламировали по всем государственным телеканалам больше недели. В анонсах говорилось, что Путин встречается со страной «один на один». То есть это две равновеликие сущности: Россия и Путин. Если вдуматься в это уравнение, а потом вспомнить, кто такой Путин, то можно понять всю глубину того национального позора и унижения, до которого довели Россию. Или она сама себя довела...».

Митрохин Н. Русский златоустный // Грани.ру от 15.03.2016

«Русский златоустный

На прошлой неделе на заседании одной из структур Московской патриархии - Патриаршего совета по культуре - было объявлено, что по инициативе президента Путина и под председательством патриарха Кирилла в России воссоздается Общество русской словесности (ОРС).

Фигура Кирилла в данном контексте дает немало поводов для иронии. Доклад об учреждении общества был частично скопирован референтами Кирилла из Википедии.

Сам докладчик, в свое время не сумевший окончить среднюю школу, словесным искусством не блещет. Среди своих он изъясняется на какой-то причудливой смеси неуклюжих славянизмов с советским канцеляритом. "Оклеветание", "волонтерское доброделание", "преподание минимальных знаний", "духовное советование", "катехизическое научение и душепопечение", "качественно обновить духовно-нравственное состояние москвичей", "совершил заупокойную литию по воинам-освободителям в Никольском гарнизонном храме и принял участие в траурном митинге", "имел радость соприкоснуться как с простой уединенной жизнью обитателей Севера, так и с повседневным героизмом тружеников горнодобывающей отрасли", "необходимо усилить работу по антисектантскому направлению" - эти перлы из декабрьского доклада Кирилла на епархиальном собрании в Москве дают представление о том, как владеет русским языком новый попечитель русской словесности.

Может показаться, что все просто: после того как прежняя интеллектуальная забава патриарха под названием "построение русского мира" потерпела фиаско, а сам Кирилл и его ближайшее окружение стали "невъездными" в целый ряд стран, которые они полтора десятилетия считали своей "канонической территорией", главе РПЦ остается только благовествовать пингвинам, учить бразильцев бороться с бедностью да рассказывать школьникам про ценность романов Льва Толстого. Однако, к сожалению, на этот раз все серьезнее. Политические пенсионеры и потухшие звезды культуры, самовыражавшиеся ранее под председательством Кирилла на заседаниях Всемирного русского народного собора и Патриаршего совета по культуре, ангажированы в новую организацию не зря.

Создание ОРС - часть большого плана Путина по радикальной перестройке системы гуманитарного образования. Он последовательно реализуется с 2009 года - с тех пор как председатель Русского географического общества при Российской академии наук сложил свои полномочия, а собрание организации обратилось к Владимиру Путину и

Сергею Шойгу с просьбой ее возглавить. За короткий срок РГО под руководством Шойгу, ставшего в 2012 году министром обороны, и с премьером, а потом и президентом Путиным в качестве главы попечительского совета было накачено деньгами олигархов и превратилось в деятельного игрока на профессиональном и образовательном рынке.

Нетрудно понять, чем географы заслужили такое внимание. Исторически географические экспедиции финансировались прежде всего из средств военного министерства и выполняли в первую очередь прикладные задачи, связанные с разведкой новых территорий и ресурсов и последующим обоснованием российских притязаний. В момент реорганизации РГО власти боролись за признание мировым сообществом прав России на обширные участки арктического шельфа, где надеялись добывать нефть. И кто, как не географы, должны были стать им в этом опорой?

В том же 2009 году взгляд политического руководства пал на историков. Тогда появилась Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России под председательством руководителя кремлевской администрации Сергея Нарышкина. Однако, поскольку ведущие российские историки и даже руководители государственных учреждений (научных институтов, архивов) фактически уклонились от участия в столь явно идеологически окрашенной затее, в 2012 году комиссия была переучреждена в виде Российского исторического общества (РИО). Председателем его стал все тот же Нарышкин - уже в качестве спикера Государственной думы. Эта организация оказалась более работоспособной. Уже сейчас она с помощью "разработанного по указанию президента" историко-культурного стандарта определяет содержание учебников истории.

Братом-близнецом РИО стало Российское военно-историческое общество (РВИО), учрежденное в 2012 году по указу Путина под началом министра культуры Владимира Мединского и при участии в качестве члена правления все того же Шойгу. Научный совет общества возглавил

председатель Центризбиркома Владимир Чуров. РВИО занимается преимущественно пропагандистским препарированием истории Второй мировой войны.

Филологи как профессионально более сплоченная и менее политически значимая группа держались дольше. Им не впервой было отбивать атаки русских националистов разных мастей, считавших орфографию и пунктуацию, вызубренные ими в послевоенной советской школе, единственно возможными, а список "классиков литературы" этого времени (с заменой Маяковского на Есенина) - обязательным для всех поколений. Однако теперь проявление интереса к этой области знания со стороны Путина и назначение "смотрящим" за ней патриарха Кирилла резко усилило позиции "национал-патриотов".

В принципе это естественный шаг для реализации путинской доктрины в сфере образования. Глава государства прекрасно понимает, что находится в глубоком идеологическом конфликте со всем образованным слоем страны. Крым ненадолго залепил пластилином разрыв между властвующей группой и широкими кругами чиновничества и интеллигенции, однако даже он не способен побудить их не за страх, а за совесть исполнять все приказы начальства. А Путину и его окружению надо, чтобы они исполнялись. В частности, чтобы хотя бы некоторые специалисты-гуманитарии становились "бойцами идеологического фронта" и чтобы новые поколения россиян воспитывались в духе того "патриотизма", который позволяет оправдывать диктатуру и мобилизует юношество на перманентную борьбу с врагами.

Вероятно, по этой причине Путин и решил учредить своеобразную "опричнину" в академической и педагогической сфере. Благо опыт создания чего-то подобного в политической сфере у него есть. Это и "Общероссийский народный фронт", наводящий дисциплину среди чиновников, и "кадыровщина" как инструмент для устрашения и устранения открытой оппозиции.

РГО, РИО, РВИО и ОРС устроены по единой схеме. В руководство назначается "смотрящий" из политически значимых, но полностью лояльных Путину фигур. В формальное руководство сгоняются научные чиновники и знаменитости. Аппарат формируется в соответствии с интересами "смотрящего" и при этом с предпочтением по отношению к "патриотам". И дальше государственные или привлеченные частные деньги бьют в одну точку, ломая сопротивление профессионалов и разрушая сложившиеся этические и корпоративные стандарты. Так что уже сейчас можно себе представить, каковы будут результаты правления Кирилла в сфере "словесности".

Во-первых, как уже говорилось, "национал-патриоты" будут пытаться отстоять свой канон в литературе, в том числе обязательной для школьников. Тут вновь следует ожидать проявления активности группировки бывшего заведомо пропаганды ЦК ВЛКСМ, одного из основных вождей "русской партии" в советском истеблишменте, председателя "патриотического" Союза писателей России, сопредседателя Всемирного собора и постоянного партнера Кирилла по разным патриотическим инициативам Валерия Ганичева. Во-вторых, "православные патриоты" во главе с самим Кириллом последние два десятилетия одержимы идеей "катехизировать" среднюю школу. Введенного под их давлением курса основ православной культуры им, разумеется, мало. Они убеждены, что все предметы гуманитарного цикла и часть естественных должны быть полностью переработаны с православной точки зрения. И произведенным уже переписыванием "Сказки о попе и о работнике его Балде" в курсе литературы дело, похоже, не ограничится.

И наконец, речь идет и о больших по меркам гуманитарной сферы деньгах. Кто будет создавать и издавать новые учебники, кто будет печатать книги, обязательные для школьных библиотек, кто будет авторами этих учебников, кто будет их одобрять на высшем уровне? Тут, по сведениям знающих людей, уже сформирован агрессивный тандем из сотрудников администрации президента, курирующих процесс создания ОРС, и

руководства активно участвующей в этом процессе Ассоциации учителей литературы и русского языка, которая, в свою очередь, имеет общие интересы со специализирующимся на учебниках "патриотическим" издательством "Русское слово".

"Если мы хотим жить в спокойном, безопасном, благополучном, развивающемся обществе, мы должны придерживаться государственной политики; должны воспитывать государственников, любящих нашу страну", - говорит о задачах издательства заместитель генерального директора Марина Лобзева. "Государственничество" - это существовавшая в позднем СССР имперская идеология, исповедовавшаяся частью высшего бюрократического аппарата, особенно сотрудниками МИДа и КГБ.

Основным автором "Русского слова" по части учебников литературы является председатель Федеральной предметной комиссии ЕГЭ по литературе Сергей Зинин. Его соавтором, готовящим российских школьников к жизни в обществе XXI века, выступает получивший известность в 1960-е годы публицист из числа русских националистов, давний единомышленник и соратник Ганичева Виктор Чалмаев.

Короче говоря, ОРС - новая песочница для любителей патриотических игр и отличная кормушка для самых влиятельных из них. Между тем реальные проблемы - такие, например, как социокультурная и в первую очередь языковая адаптация мигрантов, - существуют сами по себе. Но это, похоже, не особо интересует патриарха. Человеколюбие он оставляет для не понимающих по-русски обитателей далекой Антарктиды – пингвинов».

Зинаида Бурская З., Александра Копачева А. Заливают не пожары, а на совещании у президента // Новая газета от 13.05.2016

«Заливают не пожары, а на совещании у президента

Неофициальные данные: площадь действующих в России пожаров уже превысила миллион гектаров

Неофициальные данные: площадь действующих в России пожаров уже превысила миллион гектаров

В Сибири и на Дальнем Востоке продолжают разрастаться катастрофические лесные пожары. Буквально за два дня площадь охваченных огнем территорий в Амурской области выросла почти в четыре раза, в Бурятии и Забайкальском крае — в два раза. И это только по официальной статистике. Власти горящих регионов все еще настаивают на том, что ситуация под контролем, людей и техники для тушения хватает, и продолжают занижать площади пожаров. В случае с Амурской областью — многократно.

Как врут нам

Увидеть реальную ситуацию с пожарами несложно. Есть как минимум один удобный и общедоступный источник информации — это система дистанционного (то есть спутникового) мониторинга, которая называется ИСДМ-Рослесхоз. Она принадлежит Федеральному агентству лесного хозяйства, при этом ею может воспользоваться любой человек — для того, чтобы посмотреть на карту страны с нанесенными на нее пожарами, не нужно специального пароля.

Так вот, в соответствии с данными системы, только один — самый крупный — пожар в Амурской области почти в пять раз больше, чем площадь всех пожаров в Приамурье, которые попадают в официальную статистику. Гиганту присвоен номер К-658, он развивается в Шимановском и Свободненском районе Амурской области, в непосредственной близости от десятков сел и деревень. В Свободненском районе расположен недавно построенный космодром Восточный и город ракетчиков Циолковский. Площадь пожара — больше 245 тысяч гектаров. Это почти как Москва (площадь столицы — 256 тысяч гектаров).

И он такой большой не один. Пожар К-444 по площади немного больше Санкт-Петербурга, К-687 — почти как Волгоград, К-697 скромнее — как Тюмень.

По оценке руководителя лесной программы «Гринпис» Алексея Ярошенко (основанной на изучении данных другой мониторинговой системы — FIRMS), площадь всех действующих в России пожаров уже превысила миллион гектаров, но вот, по официальным данным, горит пока только 87,5 тысячи га.

Знают ли о реальном положении вещей в федеральном Рослесхозе, который отвечает за тушение пожаров в лесах, и в МЧС, которое должно контролировать ситуацию на всех остальных территориях? Очевидно, да.

Можно ли предотвратить развитие пожаров до катастрофических масштабов? Да. Об этом в ведомствах тоже знают.

Но пока регионы продолжают реагировать на пожары так же, как коммунальные службы — на «внезапно» выпавший зимой снег.

Однако пожары, как и снег, — отлично прогнозируются. А еще — в отличие от снегопада — их можно предотвратить.

Кто поджигает

Большинство весенних пожаров (в том числе лесных) происходит из-за поджогов сухой травы. Еще в 2013 году Владимир Путин поручил МЧС разработать документ, который помог бы исправить ситуацию. В итоге постановление правительства о запрете сельскохозяйственных палов увидело свет только в ноябре 2015 года.

Однако уже весной этого года министр природных ресурсов Сергей Донской констатировал, что в некоторых субъектах палы продолжают, и назвал это «саботажем нормы со стороны ряда регионов», в которых жгут сухостой «для ускорения роста травы для выпаса скота». И пригрозил: министерство готово обращаться в прокуратуру, чтобы те, кто поджигает, несли, наконец, ответственность.

Более того, жгут не только фермеры и «несознательные граждане», но и сами лесники. Почти у каждого лесничества есть план по профилактическим выжиганиям. В Бурятии, например, в этом году должны сжечь больше 200 тысяч гектаров. Предполагается, что так можно избавиться

от сухой растительности и не дать лесу разгореться в пик пожароопасного сезона. Такие выжигания проводятся не только на прилегающих полях, но и в самих лесах.

«Сейчас власти активно занимаются борьбой с поджогами травы и объясняют населению, почему нельзя жечь траву. При этом они сами поджигают лес, якобы контролируемо, но сил для этого контроля у них нет, — рассказывает руководитель противопожарного проекта «Гринпис» Григорий Куксин, который этой весной наблюдал, как проводят профвыжигания в Забайкалье. — Чтобы подготовить участки леса для выжигания, расчистить, сделать минполосы, нужно потратить миллиарды рублей. А в тех условиях, которые сложились в Забайкалье после пожаров последних лет, леса — с завалами и огромным количеством погибших деревьев — невозможно жечь контролируемо и гарантировать, что огонь не уйдет на соседний участок. Признать это власти не хотят. Ну и вся просветительская работа на этом фоне выглядит очень странно. Людям невозможно объяснить, почему лесникам можно жечь, а им — нет».

Как врут президенту

«Я когда еще был на космодроме Восточный, уже тогда с вертолета было видно, что в некоторых местах дымит», — напомнил Владимир Путин в начале совещания о ситуации с пожарами представителям МЧС, Рослесхоза и горящих регионов.

Первым ответ держал начальник Национального центра управления в кризисных ситуациях МЧС России Виктор Яцуценко. Он уверенно заявил, что в Амурской области, Бурятии и Забайкалье пожары тушат 45 воздушных судов. Однако в тот же день Авиалесоохрана (организация при Рослесхозе, которая занимается тушением пожаров) сообщала только о 20 самолетах и вертолетах, задействованных на тушении по всей стране.

Зампред правительства Амурской области Марина Дедюшко заявила, что все вообще не так страшно: мол, с начала пожароопасного сезона в Приамурье сгорело всего 138 тысяч га — то есть меньше 1% всей территории

области. Причина пожаров одна — погода (высокая температура, засуха, сильные ветры). А о том, что регион оказался попросту не готов к тушению пожаров на ранней стадии, почему-то не упомянула. Еще Дедюшко сообщила президенту, что, когда из-за сельхозпалов сгорели дома в деревне Малиновка, никто не пострадал. Это тоже неправда — известно как минимум о двух пострадавших. О них сообщили все федеральные информагентства.

Представители Забайкалья и Бурятии, которые стали лидерами по местным пожарам в прошлом году, убеждали президента, что держат ситуацию под контролем. Еще в конце апреля эти регионы жаловались на многомиллионную кредиторскую задолженность, образовавшуюся во время тушения пожаров в прошлом году, на то, что им могут арестовать счета, на то, что денег на авиапатрулирование хватит в лучшем случае на половину сезона. Но президенту сказать об этом постеснялись.

Глава Рослесхоза Иван Валентик напомнил, что в этом году ведомство, наконец, может перебрасывать собственных специалистов по тушению пожаров в самые проблемные регионы еще до введения режима чрезвычайной ситуации, но не объяснил, почему это не помогло предотвратить катастрофу в Амурской области.

Глава МЧС Владимир Пучков докладывал долго, много раз упоминал об «энергичной работе», которую проводит ведомство, но ничего конкретного так и не сказал.

Последним слово дали губернатору Якутии Егору Борисову. На его территории пока еще почти нет пожаров, но он единственный, кто решился сказать Путину, что на самом деле в защите лесов от пожаров — много проблем, а главная — деньги. Борисов попросил пересмотреть методику распределения федеральных денег на защиту лесов. Потому что Дальний Восток получает на один гектар всего 9 рублей, а Якутия и того меньше — 3 рубля. И еще напомнил, что в субъектах почти не осталось «живой» техники, которую можно использовать в лесу.

Последние крупные поставки техники, подтверждает руководитель лесной программы «Гринпис» Алексей Ярошенко, были после пожаров 2010 года. «Нужно понимать, что в пожароопасный сезон, если регион интенсивно горел и тушил, он теряет около 1/4 тракторов, бульдозеров и прочего... Все это очень быстро изнашивается. То есть закупать новую нужно каждый год. Но на это у многих регионов нет денег».

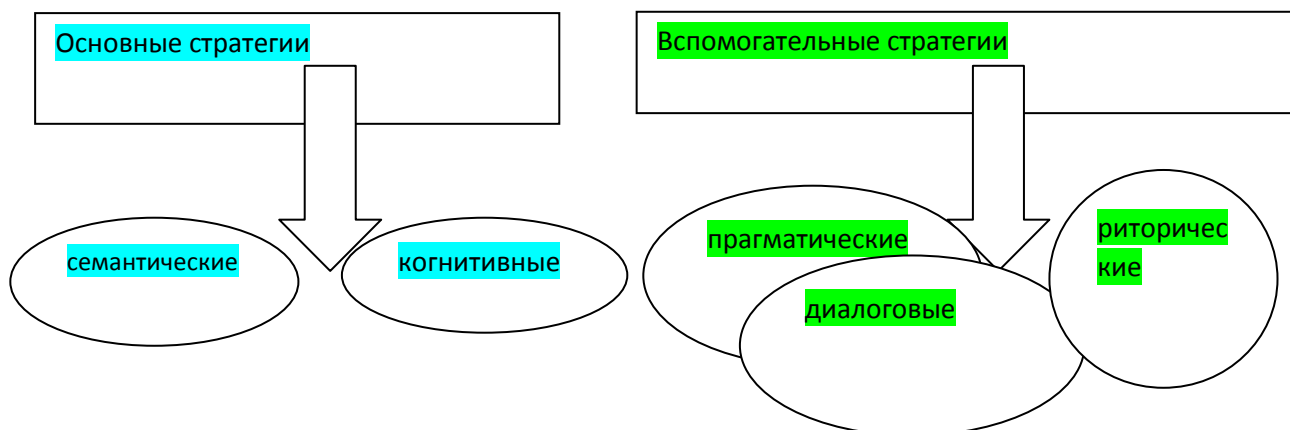
В ближайшие дни обстановка на Дальнем Востоке может стабилизироваться — в регион пришли похолодание и дожди. Они не потушат пожары, но площади, пройденные огнем, не будут так быстро расти. Это дает шанс взять ситуацию под контроль. Вопрос только в том, сумеют ли им воспользоваться региональные власти, специалисты лесного хозяйства и МЧС».

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Типологии коммуникативных (речевых) стратегий и тактик, предложенные разными исследователями

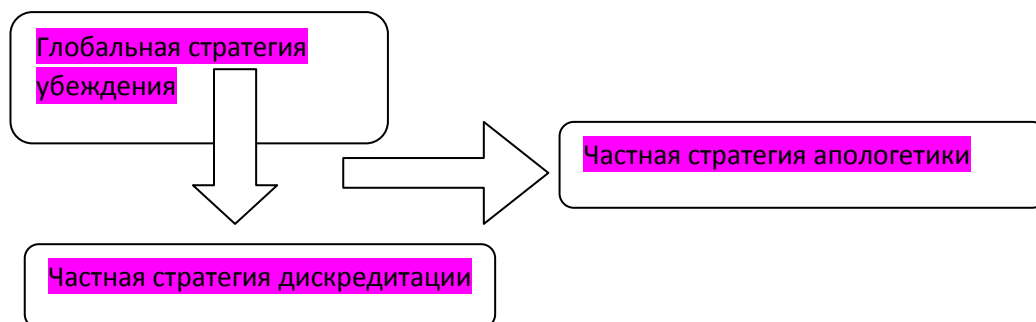
Стратегия рассматривается как общая цель движения и общие принципы и способы ее достижения

По О. С. Иссерс **Стратегии дискредитации**

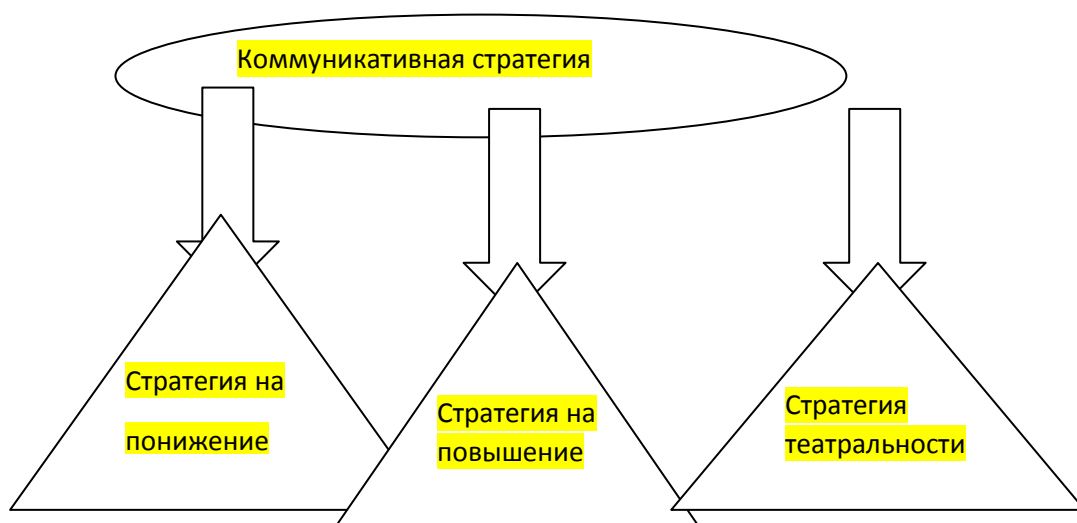
При условии, что субъект или актор ИПВ имеет установку подорвать доверие к кому-нибудь, умалить чей-либо авторитет (государственного чиновника, например), он использует стратегию дискредитации. О. С. Иссерс с функциональной точки зрения выделяет основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии (прагматические, диалоговые, риторические). К основным относятся те стратегии, которые на данном этапе коммуникативного взаимодействия являются наиболее значимыми с точки зрения иерархии мотивов и целей. Вспомогательные стратегии способствуют оптимальному воздействию на адресата в конкретной коммуникативной ситуации [Иссерс, 2008: 106–108.].

По Н. И. Клушиной **Интенциональные категории публицистического текста**
(Схема стратегий для публицистического дискурса)

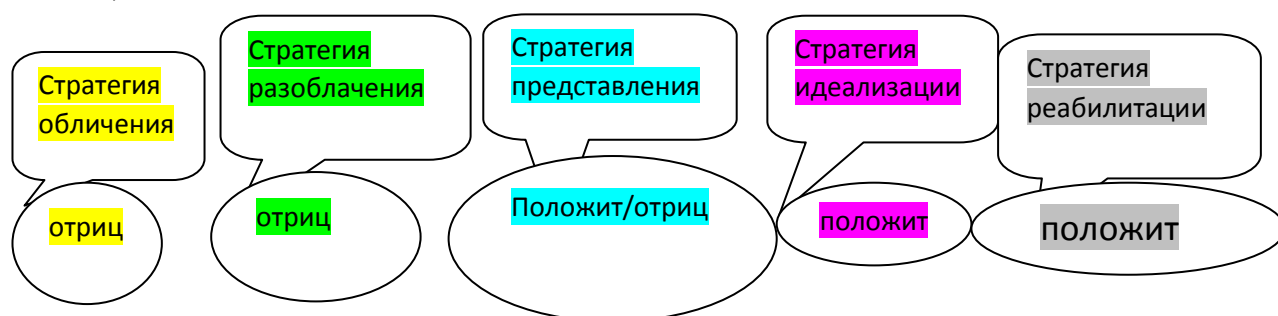
Исследователь Н. И. Клушина в аспекте исследования интенциональных категорий публицистического текста использует понятие речевой стратегии как реализации глобального коммуникативного намерения (интенции) автора речевого произведения. Текст всегда заключает в себе идею, отражающую авторский замысел. По Н. И. Клушиной, «лингвистические стратегии и тактики продумываются автором в ходе создания определенного речевого произведения и реализуют конкретную авторскую задачу. Таким образом, лингвистические стратегии и тактики являются способом развертывания любого текста под определенным углом зрения для реализации авторской идеи. Они организуют коммуникативно-прагматическую направленность текста». Для публицистического дискурса глобальной дискурсивной стратегией является стратегия убеждения, реализующаяся с помощью частных стратегий (например, дискредитации или апологетики) [Клушина, 2008: 19–21].

По О. Л. Михалевой **Коммуникативная стратегия** (политического дискурса как сфера реализации манипулятивного воздействия).

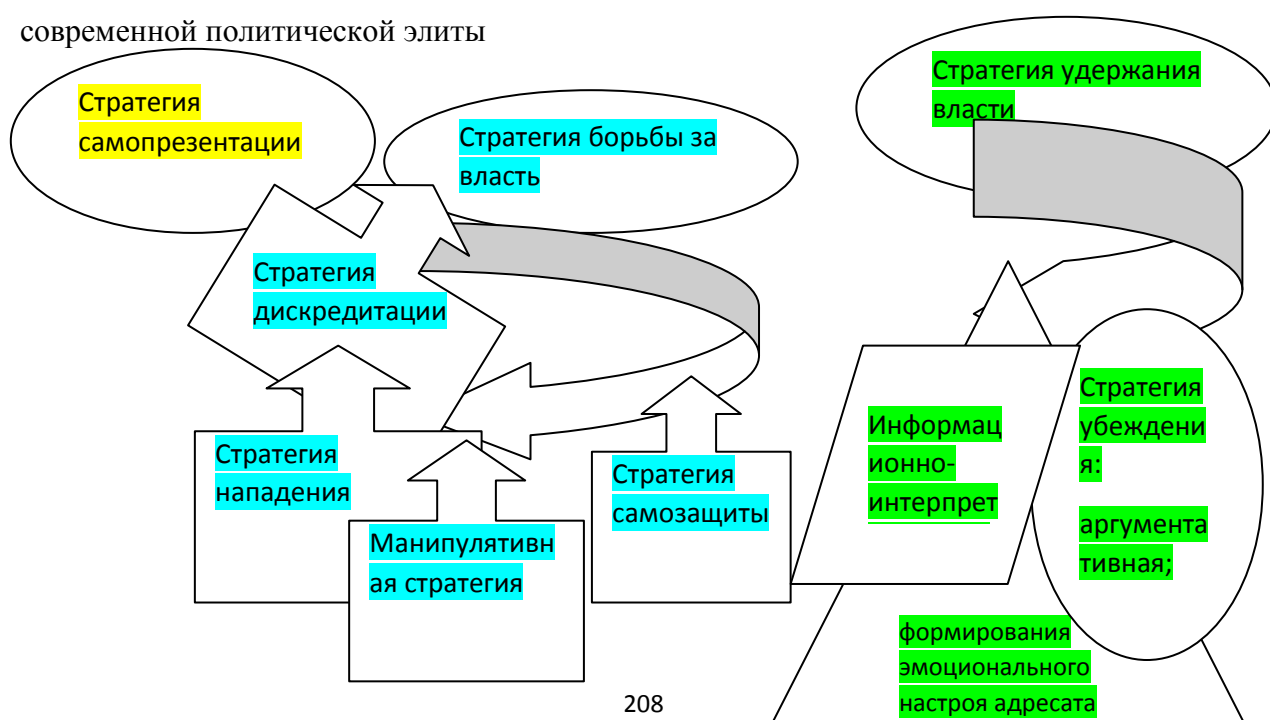
О. Л. Михалева, исследуя политический дискурс как сферу реализации манипулятивного воздействия, определяет коммуникативную стратегию как некий «план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые в свою очередь обуславливают не только внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определённых языковых средств». Исследователь выделяет в политическом дискурсе три основные стратегии: 1) стратегию на понижение, 2) стратегию на повышение, 3) стратегию театральности [Михалёва, 2005: 12–13].

По А. Н. Моревой **Коммуникативные стратегии** (для медиажанра литературной рецензии)

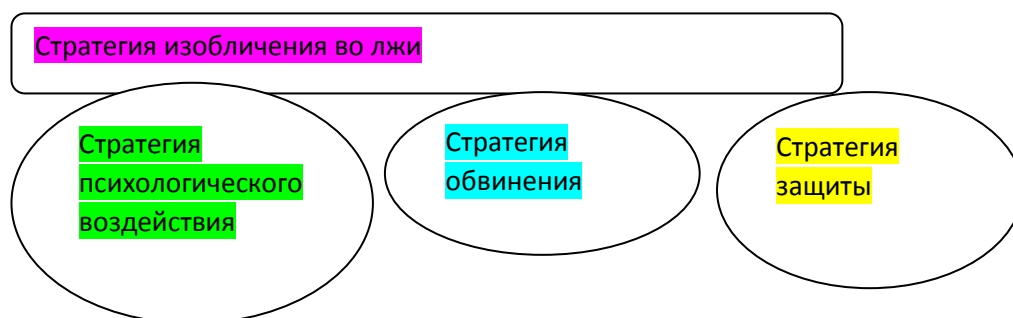
В области исследования современных печатных СМИ сегодня существуют попытки детального описания коммуникативных стратегий. Например, в исследовании медиажанра литературной рецензии, А. Н. Морева отмечает, что в основе построения коммуникативной стратегии лежит формулирование глобальной цели адресанта. В выборе определенной цели автор не всегда обладает абсолютной свободой: некоторые составляющие речевой ситуации могут накладывать ограничения. Автор выделяет пять коммуникативных стратегий: обличения, разоблачения, представления, идеализации и реабилитации. Две первые стратегии связаны с отрицательной оценкой, третья – с разносторонней оценкой, две последние – с положительной. В рамках стратегии обличения основное внимание уделяется недостаткам текста, не касающимся при этом предмета речи. Стратегия разоблачения предполагает непосредственно критику предмета речи. Стратегия представления на доказательной основе выявляет в тексте как достоинства, так и недостатки. Стратегия идеализации направлена на подчеркивание достоинств и избегание негативных оценок [Морева, 2015: 167–170].

По О. Н. Паршиной **Стратегии борьбы за власть** (стратегии и субстратегии современной политической элиты)

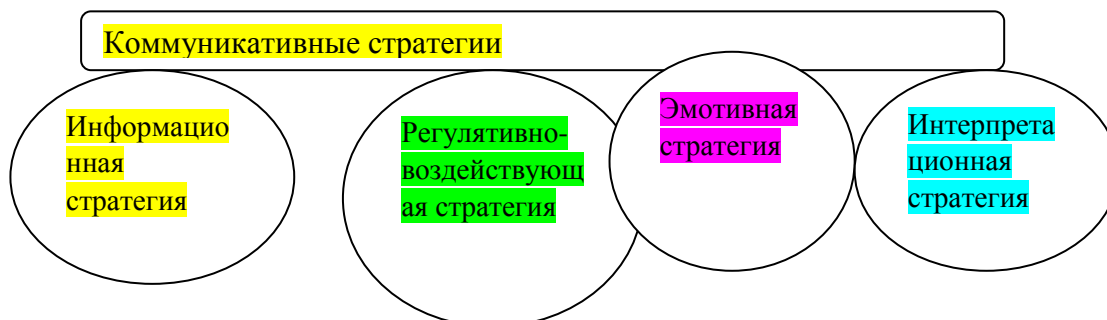
О. Н. Паршина выделяет несколько стратегий речевого поведения, среди которых стратегия самопрезентации политика, стратегии борьбы за власть (стратегии дискредитации и нападения, манипулятивная, самозащиты), стратегии удержания власти (информационно-интерпретационная, стратегия формирования эмоционального настроения адресата), стратегии убеждения (аргументативная и агитационная) [Паршина, 2005: 67–170].

По Е. В. Шишкиной **Коммуникативные стратегии судебного допроса**

Е. В. Шишкина, исследовав коммуникативные стратегии и тактики судебного допроса, выделила как главную стратегию изобличения во лжи, а также используемые профессиональными участниками юридического дискурса стратегию психологического воздействия, стратегию обвинения и стратегию защиты [Шишкина, 2012: 157–158].

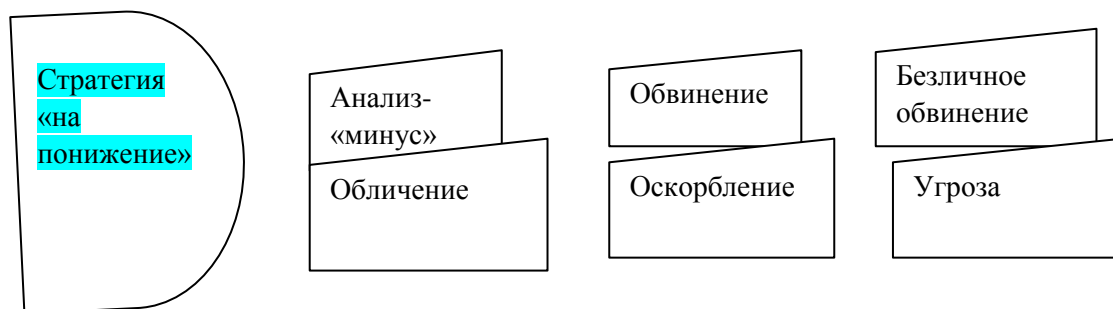
По А. А. Попову **Коммуникативные стратегии в блогах журналистов**

Основанием этой классификации являются виды коммуникативных и журналистских функций, которые реализуют журналисты с помощью блогинга как формы профессиональной коммуникации. По А. А. Попову, блоги, в том числе журналистские, не исчерпываются только этими коммуникативными стратегиями: к распространенным в интернет-среде можно отнести манипулятивную и конфликтную стратегии, не характерные для собственно профессиональной журналистской коммуникации. Представленные в классификации четыре коммуникативные стратегии ориентированы на реализацию задачи информирования, воздействия, выражения мнения и интерпретации объективного положения дел.

Характеризуя коммуникативные стратегии, наличествующие в блогах журналистов, А. А. Попов определяет их как общий план коммуникативного поведения, посредством которого выбирается оптимальное решение коммуникативных задач и реализуются речевые действия коммуниканта. В основе коммуникативных стратегий, – утверждает исследователь, – лежат мотивы, потребности и установки участников коммуникации. Однако степень их осознанности может быть различной и зависит от уровня образования, развития и психологической культуры человека [Попов, 2013: 161–162].

По О. Л. Михалевой, любая стратегия реализуется благодаря актуализации некоего набора тактик, где тактика – это совокупность приёмов, обуславливающих применение определенных языковых средств. Например, стратегия «на понижение» предполагает тактики анализ-«минус», обвинения, безличного обвинения, обличения, оскорбления, угрозы [Михалева, 2005: 13–15]:

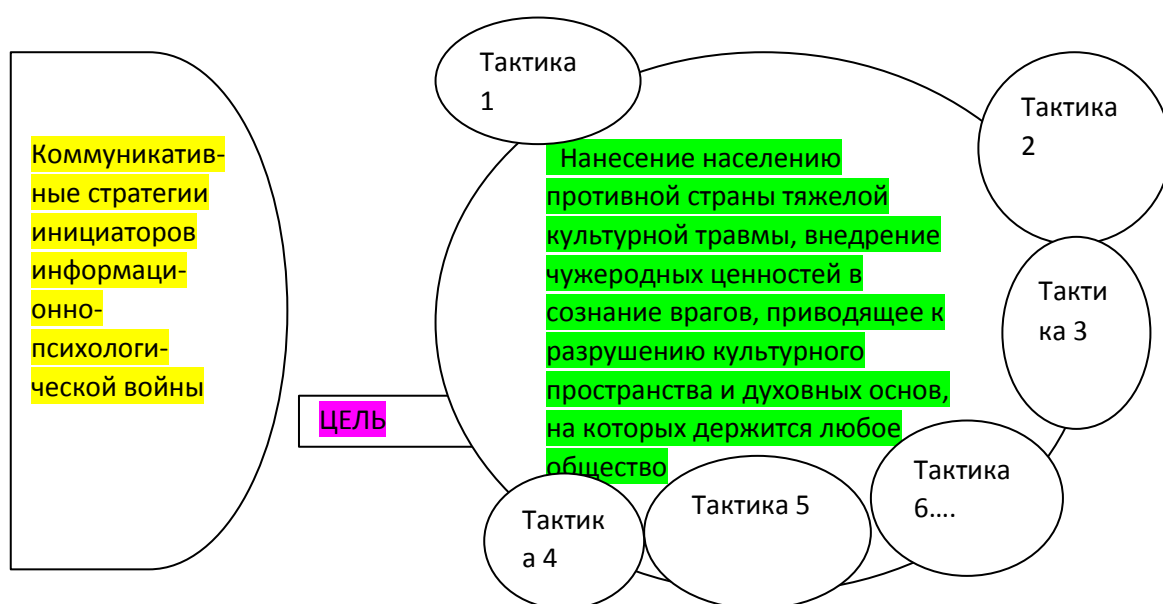
По А. П. Сковородникову, коммуникативная (речевая) стратегия – это общий план, или общая линия речевого поведения, определяемые коммуникативной целью (целями) говорящего / пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации, под которой понимается совокупность факторов, влияющих на ход коммуникации:

По А. П. Сковороднику, коммуникативная (речевая) тактика – это речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или

иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Использование речевой тактики или некоторой их совокупной последовательности призвано обеспечить осуществление речевой стратегии и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели говорящего / пишущего [Сковородников 2012: 246–247].

Коммуникативные стратегии инициаторов информационно-психологической войны определяются целями нанесения населению противной страны тяжелой культурной травмы, внедрения чужеродных ценностей в сознание врагов, приводящее к разрушению культурного пространства и духовных основ, на которых держится любое общество. В соответствии со стратегиями используются подходящие им тактики.

Опираясь на обзор лингвистических стратегий и тактик, сделанный выше, основную коммуникативную стратегию инициаторов и акторов ИПВ в нашем исследовании обозначаем как **генеральную стратегию дискредитации мишеней ИПВ**, для реализации которой используются некоторые **тактики** или их совокупности: тактика подрыва доверия, умаления авторитета, унижения, осмеяния и им подобные:

